

ПАНТЕОНЪ

РУССКАГО

И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

ЧАСТЬ IV.

Редакторъ *Ф. А. Кош.*

Изданіе книгопродавца *В. П. Полякова.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1841.

ПАИТЕОНЪ

РАСКАТО

И ВЪСЛЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Августа 17 дня, 1849 года.

Ценсоръ *А. Никименко.*

ЧАСТЬ IV.

Редакторъ *Г. А. Кош.*

Издатель *В. И. Шенниковъ.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1849.

ВЪ ТИПОГРАФІИ *А. БОРОДИНА И КОМ.*

№

1841

10.

ПАНТЕОНЪ
РУССКАГО
И
ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ
ТЕАТРОВЪ.

Часть четвертая.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ.

ПАНТЕОНЪ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

предпринять съ тою цѣлю, чтобы доставить публикѣ чтеніе легкое, пріятное, разнообразное и въ тоже время исполнѣе знающающее съ развитіемъ, ходомъ и настоящимъ состояніемъ драматическаго искусства, музыки, живописи и другихъ искусствъ въ Россіи и во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы.

Пантеонъ заключаетъ въ себѣ слѣдующаго рода статьи:

I. Отдѣльные пьесы въ стихахъ и прозѣ, извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей: трагедіи, драмы, комедіи, оперы, и только *лучшіе* подевилы. Въ составъ этого отдѣленія входятъ пьесы, игранныя на сценѣ и неигранныя, замѣчательныя по своему созданію и положенію.

II. Исторія театра: взглядъ на развитіе сценическаго и драматическаго искусствъ, какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ.

III. Панорама всѣхъ современныхъ театровъ: отчетъ о всѣхъ новостяхъ сцены, музыки, и другихъ художественныхъ явленіяхъ въ Европѣ и другихъ странахъ свѣта.

IV. Біографическіе и характеристическіе очерки знаменитѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ драматическихъ писателей и артистовъ.

V. Отдѣльные сцены—историческія и взятыя изъ частной жизни, въ стихахъ и прозѣ.

VI. Повѣсти и рассказы, могущія подать мысль для драмы, комедіи или водевилля.

VII. Забавныя куплеты и стихотворенія.

VIII. Библиографическіе обзоры сочиненій, относящихся къ искусствамъ сценическому и драматическому и во всѣхъ другихъ родахъ.

IX. Смѣсь: анекдоты; замѣчанія на декорации, костюмы и музыку значительныхъ пьесъ; остроты слова; каламбуры и театральныя слухи.

X. Кроме того при каждой книжкѣ *Пантеона* будетъ прилагаться нумеръ *Текущаго Репертуара Русской Сцены*, состоящій изъ лучшихъ водевилей оригинальныхъ или переподанныхъ, пышныхъ успѣхъ на русскихъ театрахъ, и критическіе отчеты о всѣхъ шексахъ, представляемыхъ на московской и петербургской сценахъ.

Словомъ *Пантеонъ* есть полный сборникъ литературно-художественныхъ статей, который, слѣдя непрерывно за ходомъ искусствъ и театровъ, не можетъ быть изданъ нигдѣ и потому выходитъ *выпусками* или книжками, отъ пяти до десяти листовъ компактной печати, въ два столбца, и раздѣляется на *четыре части*. При каждомъ выпускѣ выдается по одному и по два художественныхъ приложенія, состоящихъ: изъ *портретовъ знаменитыхъ писателей и артистовъ; картинокъ театральныхъ, маскарадныхъ и модныхъ костюмовъ; забавныхъ сценъ, декораций, графированныхъ на стали, на мѣди, или литографированныхъ и раскрашенныхъ за границею или въ Россіи, и изъ музыки, народной, или заимствованной изъ новыхъ оперъ, балетовъ, водевилей и тацевиъ, аранжированныхъ для форте-піано.*

Редакцію *Пантеона* завѣдуетъ Федоръ Алексѣевичъ Копп.

Подписная цѣна на все изданіе въ 1841 году: **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**, съ пересылкою во все города Россійской Имперіи и съ доставленіемъ на домъ въ С. Петербургъ.

Подписка принимается въ книжной лавкѣ издателя, книгопродавца *Полкова*, въ Гостиный Дворъ, по Суконной линіи, подъ № 47. Иногородныя особы благопожалѣе адресоваться къ *Газетную Экспедицію* Санктпетербургскаго Почтанта.

Издатель, С. Петербургскій книгопродавецъ Власій Поляковъ.

АННЕ ВИНОГРАДНИЦА

Второе издание, исправленное и дополненное.
Литва. 1880 г.
Вильна. Издательство "Литва".
Второе издание, исправленное и дополненное.
Литва. 1880 г.
Вильна. Издательство "Литва".

МАРІЯ ДЕ ПАДИЛІА.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Подражаніе Испанскому).

П. Каменскіаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Донъ Педро, король Кастиліи и Леона.

Донъ Гонсалъ де Падилья.

Марія, } его дочери.
Фанеса, }

Донъ Мануэль де Сильва, женихъ Фанесы.

Диего Фонсена, двоюродный братъ Падильи.

Албукеркъ.

Санта.

Правитель, } молодой дворянин.

Бланка.

Пегрицъ, слуга Албукерка.

Филиппа, няня Маріи.

Государственный канцлеръ.

Бланка Бурбонская.

Санта, слуга, стража, народъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ Кастиліи, въ 1850 году).

И. Я. Яковлевъ

МАРІЯ ДЪ ПАДИЛЬЯ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ старомъ замкѣ Падильи.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРІЯ, ФЕНИСА, СИДЯТЬ; ФЕЛИПА стоитъ сзади ихъ, МАНУЭЛЬ по срединѣ сцены.

Маріа. И такъ теперь дѣло за батюшкой?

Мануэль (съ распечатаннымъ письмомъ въ рукахъ). Письмо его обѣщаетъ наконецъ мнѣ давножеланное счастье, я не смѣю надѣяться донна...

Маріа. Она надежда доставляетъ уже удовольствіе... смѣлае, донъ Мануэль, смѣлае...

Мануэль. О Фениса! отъ васъ зависить все: воли батюшки вашего и желаній моего сердца—вы не отвергнете...

Фениса. Повиноваться родителю, долгъ доброй дочери.

Маріа (съ насмѣшкой). Особенно когда родительская воля говоритъ устами любезнаго.

Фениса (сестрѣ). Какъ это зло!..

Фелипа (Маріи). Оставьте остроты Маріа! Не заставляйте краснѣть сестрицу вашу...

Маріа. Краснѣть? развѣ сестра стыдится любви Мануэля? чего же краснѣть? Не за любовь ли, которая дѣлала бы меня счастливою?..

Фениса (истерически). Скоро ли ты дождешься этого счастья?

Маріа. Кто знаетъ, можетъ быть и скоро. Будущее отъ насъ сокрыто, но полно играть словами.—Донъ-Мануэль прочтите намъ письмо батюшки.

Мануэль (читаетъ). «Ужъ голъ тому, какъ я назначилъ дону Мануэлю де Сильва въ супруги Фенису. Фениса завтра отдастъ ему свою руку. Маріа пойдетъ въ немъ, какъ въ братѣ, защитника и покровителя. Я, по желанію покойнаго короля, охраняю теперь замокъ на

границахъ Леона, что по необходимости отдаляетъ меня, на нѣкоторое время, отъ родоваго моего замка, а пока пусть будетъ въ немъ хозяиномъ и распорядителемъ де Сильва, такова моя воля; благословляю васъ. Прощайте, Гомесъ де Падилья».

Филипа. Воля господина — законъ.

Фениса. Я съ охотой повинуюсь ей.

Марія. И я также.

Мануэль. А я въ восхищеніи!

Марія (встаетъ и ѡбращается къ Фенисе). Ахъ, Боже мой, какъ кстати: сестрица, мы со всѣмъ было позабыли, судьба какъ бы нарочно привела къ намъ новыхъ участниковъ нашей общей радости. Донъ-Мануэль, вы сейчасъ увидите двухъ благородныхъ гостей, они какъ бы нарочно пріѣхали къ вашей свадьбѣ.

Мануэль. Какихъ гостей? какъ попали они въ вашъ замокъ, я никого еще не звалъ...

Фениса. Одинъ изъ нихъ двоюродный братъ нашъ Діего...

Филипа. Превеселый молодой человекъ...

Мануэль. Діего? Здѣсь! Но какъ же онъ рѣшился оставить дворъ. Любовь и милость короля, хотя вѣтренаго, слабого, были къ нему такъ велики, заслуги его, хотя не всегда чистыя, благонамеренныя и иравственныя, но...

Филипа (перебивая). Донъ Мануэль, вы слишкомъ рѣзко отзываетесь объ донъ Педро нашемъ законномъ повелителѣ...

Фениса. И объ моемъ двоюродномъ братѣ, вашемъ будущемъ родственникѣ.

Марія. Да вы ихъ и не знаете обоихъ...

Мануэль. Ваша правда. Донъ Педро жилъ всегда при королевѣ матерѣ въ Леонѣ и никогда не являлся ко двору своего отца.

Марія. Какъ же вы могли, не зная молодаго короля, думать, что какиминибудь безирравственными заслугами можно было бы снискать его милость?

Мануэль. Не я одинъ такъ думаю — весь дворъ того же мнѣнія.

Марія. Но развѣ дворъ не можетъ ошибаться?

Мануэль. О, да какъ горячо вы защищаете молодаго короля!

Марія. А вы какъ безстыдно клеветаете на него за одно съглазенье толпою... За что это недобровѣлательство, ненависть не заслуженная и кого же наконецъ подраздражать онъ?...

Мануэль. Превосходно! превосходно, донъ Марія! Лучшаго адвоката не могу найти нашъ молодой король. (*Цѣлуетъ ея руку*). Простите меня, помирился... Я былъ не правъ, донъ Марія... но кто же другой гость?..

Фениса. Молодой дворянинъ; премилый и прескромный.

Мануэль. Право? а какъ зовутъ его?

Фениса. Донъ Мендозъ Албрадосъ.

Мануэль. Я не знакомъ съ нимъ. Часто онъ бываетъ здѣсь?

Фениса. Часто. Онъ приходитъ съ донъ Діего.

Мануэль (въ сторону). Это все не даромъ...

Марія. Донъ Мендозъ кажется для него и живетъ въ окрестностяхъ нашего замка.

Фениса. Его любезность и откровенность рѣшительно восхищаютъ насъ; смотрите, бойтесь...

Мануэль. Чего же?..

Марія. Сестрица, будь осторожнѣе: твой женихъ ревнивъ...

Мануэль. Я не ревнивъ, но признаюсь вамъ откровенно, мнѣ непріятно видѣть здѣсь гостей, когда никто не звалъ ихъ и когда вашъ батюшка въ отсутствіи.

Марія. Видишь сестрица: онъ подозреваетъ... Помучь его пожалуйста, это займетъ насъ по крайней мѣрѣ...

Мануэль (принужденно смѣется). Я вижу, мнѣ надобно успокоиться. Кто счастливъ, тому и смѣшно не умѣть отъ-

игриваться и брать все за наличныя деньги.

Марія. Да, да... вы очень снисходительны, оттого, что не въ чѣмъ упрекнуть васъ. *(За сценой слышны рога).* Слышите рога; охота началась. Это донъ Діего съ своимъ пріятелемъ Мендозомъ.

Фениса. А послѣ охоты они вѣрно прѣвдуть сюда.

Марія. Вѣроятно, но что скажетъ на это Мануэль?

Мануэль. Какъ добрый хозяинъ, онъ приметъ ихъ радушно; больше ничего не остается дѣлать, если вы уже сами распорядились о приглашеніи ихъ безъ вѣдома этого Мануэля, который васъ такъ теперь беспокоитъ...

Объ сестры (въ одинъ голосъ). Нисколько! нисколько!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Слуга.

Слуга. Донъ Діего и донъ Мендозъ.

Мануэль. Проси. *(По его знаку Филиппа удаляется).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Марія, Мануэль, Діего, Мендозъ, Фениса.

Діего. Радъ ли, Мендозъ? мы опять въ удивленномъ храмѣ любви и красоты.

Фениса. Поберегите, братецъ, ваши любезности для двора, тамъ они болѣе у мѣста.

Мануэль. Добро пожаловать, донъ Діего.

Діего. Донъ Мануэль?..

Мануэль. Какъ видишь...

Діего. Боже мой! Какалъ радость. Поздравляю васъ, счастливцевъ; да я могу такъ назвать васъ, Фениса поручится за это.

Вашъ бракъ породнитъ и меня съ вами и я, какъ братъ прошу васъ, дайте мнѣ вашу руку, сивборъ. А гдѣ Гомесъ де Палилья? говорятъ онъ далеко, въ рядахъ бунтовщика Трастамары, дерется за его честь.

Мануэль. Что же дѣлать? какъ васалъ — онъ обязанъ повиновеніемъ.

Мендозъ. Ну, а если донъ Педро позоветъ его ко двору?

Мануэль. Это его дѣло.

Діего. Его дѣло... Но его научатъ, какъ быть поворнымъ заковной власти, какъ...

Мендозъ. Полно, полно Діего; юный правитель Кастиліи проститъ это преступленіе Гомесу Палилья. Но за нимъ есть другая вина непростительная и вотъ съ нею-то незнаю, какъ ужъ онъ сладить...

Мануэль. Какая? Скажите, это должно быть клевета...

Мендозъ. Нѣтъ, вѣтъ... Посмотрите, постотрите сами на эти сокровища *(показывал на Марію и Фенису)*. Онъ скрываетъ ихъ отъ двора, вотъ вина, и непростительная...

Фениса. Благодаримъ васъ за эту приторную любезность, намъ хорошо и въ нашемъ услаивенномъ замкѣ...

Марія. Сестрица, говори за себя только; меня оставь въ покоѣ...

Мануэль. Что д слышу? Марія...

Марія. Зачѣмъ притворяться? я здѣсь по неволѣ; и бы сожгала, если бы сказала, что ни желаю лучшей жизни, а дѣлать стыдно...

Мануэль (удивленный). Марія!

Мендозъ. По чести, ваша красота, ваша любезность заслуживаютъ лучшей участи.

Мануэль. Почему вамъ знать ихъ участь?

Мендозъ. Да помилуйте, довольно взглянуть на эти огненныя глаза, на этомъ полшебный, увлекательный взглядъ, эту величественную осанку, слышать этотъ голосъ, чтобъ убѣдиться въ истинѣ словъ

моихъ. Неужели Богъ создалъ такое совершенство для того, чтобы она проводила время въ затворничествѣ, неужели эта рука для оковъ невольницы?.. О! нѣтъ, нѣтъ она неможетъ, недолжна заглохнуть, какъ лилія въ степяхъ безвѣстныхъ, она...

Мануэль (перебивал). Донъ Мендозъ Альбрадось, вы говорите на языкъ непопятаго для насъ. Лъстивыя слова глухо отзываются въ старыхъ стѣнахъ, гдѣ слышались до сихъ поръ одни только воинскіе рассказы и клики.

Мендозъ. Но вы, можетъ быть, скоро оставите этотъ замокъ. Донъ Педро пригласитъ васъ съ вашею будущею супругой къ себѣ, чтобы своимъ присутствіемъ вы еще болѣе увеличили блескъ, его окружающій.

Мануэль. Слишкомъ много чести, по смутнымъ дѣламъ этого двора, въ то же самое время невольно заставляютъ трепетать и страшиться каждаго приближеннаго къ нему.

Мендозъ. По крайней мѣрѣ въ этомъ не виновать король. Любви, а не страха — ищетъ его сердце. Повѣрьте, донъ Мануэль де Сильва, король будетъ милостивъ къ вамъ, какъ и ко всякому кастильцу, который признаетъ права его и не отступить отъ повиновенья его власти.

Фениса. Донъ Мануэль вѣрный поданный, за это я ручаюсь.

Мануэль. Ты ручаешься, но я знаю, что король сомнѣвается въ моей вѣрности...

Мендозъ (жметъ ему руку). О нѣтъ! Если значитъ чтонибудь мое предстательство, то завтра же онъ узнаетъ, что Мендозъ Альбрадось жаль вамъ руку отъ души.

Діего. Да, и Падилья скоро откажется отъ своихъ, для него же вредныхъ, замысловъ, не будетъ драться, какъ какойнибудь бунтовщикъ, противъ законнаго сына Альфонса; несправедливое дѣло Трастамара рушится само собою; тогда всѣ междоусобія прекратятся, на-

станетъ миръ и спокойствіе въ Кастили, явится одинъ дворъ, одинъ король и всѣ вассалы будутъ друзьями и вѣрными подданными донъ Педро.

Мендозъ. Да, это будетъ и скоро. Предъ древнимъ трономъ, предъ юнымъ королемъ Трастамаръ преклонитъ колѣна и присягнетъ царствующей династии. Мнѣ извѣстны нѣкоторыя государственныя тайны, и я напередъ знаю, что будетъ. Донъ Алваръ да Кастро, одинъ изъ достойныхъ грандовъ Испаніи, уже отправился въ Кастилію для того, чтобы прекратить тамъ всѣ раздоры и распри; повѣрьте, оль успеетъ въ этомъ. Истинно — благородный человекъ будетъ всегда имѣть успѣхъ во всякомъ благородномъ дѣлѣ.

Фениса. Алваръ да Кастро! это имя всегда возбуждаетъ во мнѣ горестныя воспоминанія; какъ жаль сестры его, Инессы де Кастро, бѣдная мученица!

Марія. Бѣдная... это почему? вольно же было плакать и умирать.

Фениса. Посмотрѣла бы я, чтобы ты сдѣлала на ея мѣстѣ?

Марія. Да ужъ вѣрно бы не умерла отъ слезъ...

Фениса. А что бы?

Марія. Во что бы то ни стало, я сдѣлалась бы королевой.

Мануэль (съ удивленіемъ). Марія!

Мендозъ. И въ цѣломъ мірѣ не найдется бы такой красавицы въ королевскомъ вѣнцѣ, повѣрьте мнѣ...

Мануэль (шутливо). Полноте, полноте донъ Мендозъ Альбрадось, вы еще пожалуй вскружите ей голову; пора на покой и намъ и ея пылкому, дѣвичьему воображенію; уже ночь, господа, а перель сномъ, за добрымъужиномъ, не мѣшаетъ опорожнить другую, третью бутылку хересу. Милости просимъ, господа; именемъ Гамеса де Падильи приглашаю васъ.

Мендозъ (Маріи). Быстро пронеслась для меня счастливыя минуты...

Дію. Хозяинъ приказываетъ, гостямъ остается — повиноваться.

ЯВЛЕНІЕ III.

ФЕНИСА, МАРІА.

Фениса. Маріа! Маріа! ты молчишь? слышишь, сестра? Я говорю съ тобою. Мы однѣ теперь, доверься мнѣ, открой свои надежды и опасенія.

Маріа. Какія Фениса?

Фениса. Открой мнѣ свою тайну.

Маріа. Развѣ ты до сихъ поръ не отгадала ея?...

Фениса. Не отвѣчай на вопросы вопросами; открой мнѣ сердце, зачѣмъ тавтъ твои страданія и надежды, и отъ кого же? отъ старшей сестры, которая любитъ тебя больше всего на свѣтѣ.

Маріа. О! неспрашивай, сестра... Скажу тебѣ одно: врядъ-ли любовь мою, которая пусть nebudeтъ для тебя тайной, освѣтитъ такой же брачный вѣнецъ, какимъ украсишься ты, счастливица...

Фениса. Такъ кто же любитъ тебя? Ужъ не Мепдозъ ли? скажи мнѣ, скажи...

Маріа. Не запираюсь, смотри въ глаза мои, читай въ нихъ это роковое, сладостное для меня имя...

Фениса. И онъ открылся тебѣ?

Маріа. Нѣтъ, и зачѣмъ? Довольно одного взгляда, чтобы темное сдѣлать яснымъ; я чувствую, я знаю его чувства, но я слаба, я не могу владѣть собою, потому что мной самой овладѣла какая-то невидимая сила. Вокругъ меня бродятъ блистательные призраки, въ вѣнкахъ изъ цвѣтвъ, бросаемыхъ на меня незримыми гевіями, они осыпаютъ меня поцѣлуями. О Фениса! Фениса! это сны, сны болѣзни, но они любви мнѣ, они убаюкиваютъ меня въ колыбели мечтаній и несбыточныхъ надеждъ...

Фениса. Маріа, милая сестра моя, брось эти пустыя фантазіи, чего добраго, онъ собьютъ тебя съ толку, отуманятъ твой бѣдпый разумъ...

Маріа. Нѣтъ! нѣтъ, сестра, я раскажу тебѣ, что нашептываютъ мнѣ эти незримые гевіи, что рисуютъ опи моему воображенію. Оняъ раскидываетъ предо мною величественную картину придворной жизни: вотъ тропъ въ блестящей его пышности, и страшно и весело смотрѣть на него, и горько и досадно зачѣмъ я не тамъ! Напрасно я бѣгу отъ коварнаго видѣнія, гевій влечетъ меня, тащитъ за руку, насильно, сестра, насильно, и я повинуюсь неволью, иду, иду за нимъ, во странно, Фениса, ни разу мы не дошли до самаго трона, всегда останавливались на половинѣ пути, но только, что станемъ, какъ въ ту же минуту изъ облаковъ раздается и мое имя, и пѣснь во славу мнѣ. Не знаю одного только, страхъ, или любовь двигаетъ устами незримыхъ силъ, ангелы или адскіе духи вти незримыя силы? Я все стремлюсь впередъ, хочу достигнуть тропа; пастичьтъ отдаленные звуки, которые, такъ чудно пропикли мнѣ въ сердце, хочу бѣжать и просыпаюсь...

Фениса. Забудь, Маріа, вздорные эти сны...

Маріа. О нѣтъ, Фениса, никогда. Въ нихъ открывается мнѣ моя чудная судьба, но это еще не все.

Фениса. Послушай, милая Маріа, не гевіи, не силы небесныя, а честолюбіе и твоя мечтательность — вотъ творцы твоихъ гордыхъ сновидѣній; но бойся, Маріа, послушайся совѣта сестры, вспомни, что высокомеріе и ангеловъ свергло съ неба, что если...

Маріа. Фениса, я не рассказала еще тебѣ, что тотъ же гевій, который былъ вѣстникомъ моей будущей судьбы въ нѣбнѣяхъ, живетъ и въ дѣйствительномъ мірѣ, я вижу его, встрѣчаюсь съ нимъ и каждый разъ сердце трепещетъ при взглядѣ на него и нашептываетъ своимъ неровнымъ бѣніемъ, что онъ осуще-

ствить эти мечты... Ты знаешь его Фениса, ты видѣла его также...

Фениса. Мендозъ?..

Марія. Онь! онь! добрый мой геній! Онь дѣлуетъ меня во снѣ такъ уповательно, такъ страстно, на него мнѣ весело и страшно смотрѣть на яву. Это онь въ миртовой рощѣ, при лучшемъ сіяніи такъ сладостно воркуетъ мнѣ про любовь, про взаимность, отдаетъ мнѣ свое сердце, требуетъ въ обмѣнъ моего, но оно давно, давно приналежитъ ему, по чувствамъ и по праву.

Фениса. Маріа! о Боже, какъ могла ты...

Марія. Не безпокойся, Фениса, одно сердце только ослѣплено любовью, но умъ мой здраво видитъ все по прежнему. Я знаю, какъ должно мнѣ вести себя, чтобъ не уронить имени моихъ предковъ и чести нашего дома, во мнѣ доставеть всегда твердости духа предпочесть смерть позору.

Фениса. Вѣрю, вѣрю, Марія, дочери Падильи не позабудутъ своихъ обязанностей. Какъ жена Мануэля, я съ завтрашняго дня приступлю къ исполненію моего долга, отъ него будетъ зависеть озолотить и осчастливить эти святые обязанности. Дай Богъ и тебя. скорѣе увидѣть невѣстою предъ алтаремъ, передъ которымъ стану я завтра. Донъ Мендозъ можетъ искать твоей руки, черезъ будущаго моего мужа и тогда пройдетъ тоска твоя.

Марія. Никогда! никогда! сонь мой открылъ мнѣ также какой любовью любить меня Мендозъ и мнѣ кажется, что мы оба любимъ другъ друга, какъ-

то иначе, нежели вы съ будущимъ твоимъ мужемъ.

Фениса. Пустое, пустое! повѣрь мнѣ, Мендозъ издѣлитъ твое большое сердце; къ чему эти мечты? неужели дѣйствительно корона и скипетръ тревожатъ тебя. Но если бы это была правда, то корона и скипетръ сдѣлаютъ ли тебя счастливою. И можетъ ли это быть? Хоть бы Кастильская корона—она достояніе донъ Педро, а ты не королевской крови.

Марія. Такъ чтожь?..

Фениса. Марія, опять...

Марія. Прости меня, прости, сестра, трудно разстаться съ приросшей мыслью...

Фениса. Не мыслью, а бредомъ пуштаго честолюбія... Ну, полно же, полно, сестра, пойдемъ въ церковь, ты мнѣ поможешь убрать алтарь цвѣтами къ завтраму.

Марія. Охотно; а потомъ пойдемъ ко мнѣ въ комнату, у меня приготовленъ тебѣ подарокъ.

Фениса. Подарокъ? мнѣ? Знаю, знаю, покрывало?

Марія. Да, оно тебѣ попадется завтра.

Фениса. Благодарю, сестра, за вниманіе и клянусь, что отдамъ все, чтобы видѣть тебя только счастливою.

Марія. Вѣрю, вѣрю, моя добрая сестра. Пойдемъ же прежде ко мнѣ, я покажу тебѣ покрывало; въ церковь еще успѣемъ... Что намъ торопиться... Мы суетимся, точно какъ будто Богъ знаетъ, что можетъ случиться до завтра... (*Уходятъ обѣ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната Маріи въ старинномъ вкусѣ, по сторонамъ двери; въ альковѣ стоитъ кровать; на столѣ лежитъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ и все пужное для письма; на стулѣ виситъ покрывало, на право, ближе къ аван-сценѣ, стеклянная дверь, которая велеть на балконъ. На стѣнѣ виситъ арматура.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРІЯ И ФЕНИСА.

Фениса (разсматриваетъ покрывало). Превосходно соткано; а какъ вышито, я вѣкогда не видала такого прекраснаго покрывала.

Марія. А вотъ здѣсь лежитъ и брачный вѣнокъ.

Фениса. Какъ благодарить за твою предупредительность и вниманіе?

Марія. Я знаю, что мой подарокъ доставляетъ тебѣ удовольствіе и этого уже довольно для меня; другихъ знаковъ привзательности мнѣ не нужно.

Фениса. Этого мало, мнѣ хотѣлось бы лучшимъ отплатить тебѣ.

Марія. Можешь ли ты осуществить мой сонъ?

Фениса. Опять, Марія! все еще прошло твой бредъ. Неповнимаю, съ чего пришла тебѣ эта мысль въ голову...

Марія (въ раздумьи). Увидимъ-ли мы нынче Мендоза?..

Фениса. Не знаю, но я не хочу терять времени, сейчасъ пойду къ донъ Мануэлю, и открою ему твою тайну. Онъ найдетъ средства разсѣять эти тучи грусти съ твоего лица, а пока объ одномъ молю тебя, не увлекайся пу-

стыми мечтами, не думай быть королевой, по лучше думай о томъ, какъ бы быть счастливою супругой. Прощай.

(Уходитъ на льво).

ЯВЛЕНІЕ II.

Марія (одна). Она права. И откуда взялись эти пустыл надежды? Мендозъ не король и не королевской крови, не можетъ быть повелителемъ, не можетъ подарить мнѣ короны. Онъ можетъ подарить мнѣ только своею любовью, а развѣ мало ея?... Прочь высокомеріе, оставьте меня мечты честолюбивыя; одной любви предамся я! Тамъ, въ миртовой рощѣ онъ первый взволновалъ грудь мою кипучей бурей страсти, онъ первый заговорилъ со мною языкомъ любви и въ отвѣтъ на нее я должна отозваться тѣмъ же чувствомъ. Пойду по слѣдамъ моей доброй, благородной сестры; пусть Мендозъ поведетъ меня также къ олтарю, и я вернусь къ лѣйствительности, къ домашней жизни. Рѣшилась... рѣшилась... Теперь дышу я свободнѣе... А, Филипа.

ЯВЛЕНІЕ III.

МАРІЯ И ФИЛИПА.

Филипа, (входитъ съ поспѣшностью съ правой стороны). А, слава Богу! я нашла васъ.

Марія. Что такое? что это значить? къ чему такая поспѣшность?

Филипа. Я вся дрожу отъ удивленія и страха.

Марія. Что такое? говори, говори...

Филипа (садясь). Простите, я сяду... Да защититъ насъ пресвятая Богородица!..

Марія. Приди въ себя Филипа, расскажи мнѣ, что такое?

Филипа (въ волненіи). Дитя мое! милое дитя мое! Послушай, я шла къ садовнику сказать, чтобъ онъ приготовилъ завтра для свадьбы сестрицы вашей свѣжей вѣнокъ изъ цвѣтовъ, вотъ я иду мимо высокой куртины, вдругъ слышу сзади ее знакомый голосъ Діега; онъ называлъ васъ, ваше имя, вотъ я и остановилась, прислушиваюсь и что же узнаю... О! да сохранить Богъ тебя, милое дитя мое. Противъ васъ ужасный заговоръ... *(Встаетъ).*

Марія. Филипа?

Филипа, (продолжалъ съ прежнимъ смущеніемъ). «Мендозъ, говорилъ Діега, предоставь мнѣ все, я не подѣлюсь ни съ кѣмъ нашей тайной, лѣстница уже готова, ты доберешься до нея черезъ балконъ. Довъ Мануэль думаетъ, что мы теперь уже далеко, и не боится ни за себя, ни за нихъ. Ее легко будетъ похитить, ты назови только ей тихо свое имя и она охотно послѣдуетъ за тобою.

Маріа. Имя? какое? ты слышала?

Филипа. Какъ же оно-то и перепугало меня.

Марія. Назови его!

Филипа. Кто бы подумалъ, ради всѣхъ святыхъ, что зло скрывается въ этомъ сердцѣ!.. Такой благородной шарженности, такой красавецъ этотъ довъ Мендозъ, такъ любезенъ, молодъ, такъ любовалась я имъ, и что же бы вы думали,

затылъ твоей дурной умыселя... да и съ кѣмъ же?

Марія (перебивая). Съ кѣмъ?

Фелипа. Ахъ дитя мое, дитя мое, боюсь и вымолвить...

Маріа. Говори, говори Филипа...

Фелипа, (задыхался). Съ королемъ...

Маріа, (вскрикивая). Праведный Боже! *(останавливался).* Дивный совѣ...

Филипа. Онъ хочетъ прокрасться въ вашу комнату, хочетъ увести васъ, онъ думаетъ уговорить... А Діега-то, Діега... еще братъ, хочетъ быть испанскимъ рыцаремъ... Но Богъ ведоупуститъ до такого ужаснаго преступленія и съ его помощью мы разстроимъ ихъ умыселъ. Довъ Марія, вы лягте спать въ моей комнатѣ, а я останусь здѣсь...

Маріа (рѣшительно). Довъ Марія останется въ своей комнатѣ, а Филипа пойдетъ въ свою...

Филипа. Что я слышу? Какъ, и вы?..

Маріа. Я сказала тебѣ, няня, мою волю и рѣшилась исполнить ее, и какія бы опасности не угрожали мнѣ, я не пойду отсюда.

Филипа. Если такъ, упрямое, неблаго-разумное дитя мое, то я сейчасъ же къ дову Мануэлю и расскажу ему все, что слышала; онъ будетъ знать, что дѣлать.

Маріа. Филипа, ты сдѣлаешь то, что я отъ тебя потребую, а не то, что велитъ довъ Мануэль, онъ не долженъ знать объ этомъ.

Фениса. Но если что случится, сивьора, если...

Маріа. Предоставь мнѣ распоряжаться и моимъ поведеньемъ и моею честью, и пока я жива, повѣрь, они останутся неукоризненны.

Филипа. Но, сивьора...

Маріа (перебивая). Филипа, няня моя, добрая, милая Филипа, ты любила меня, баловала въ дѣтствѣ и теперь ты лучшимъ была моимъ другомъ, ну я прошу тебя, умоляю, не говори объ этомъ ни

кому ни слова, сохрани въ тайнѣ все, что слышала, заклинаю тебя, ну посмотри... посмотри. (*Становится на колына*). Я умоляю тебя на колыняхъ, исполни мои желанія...

Филипа. О Боже мой! Боже мой! Что я буду дѣлать... Ну хорошо, хорошо, синьора... Я сдѣлаю все, что вамъ угодно, я буду, молчать...

Марія. Общайся, Филипа?

Филипа. Общаюсь...

Марія. Клявись! кляпись, Филипа...

Филипа. Именемъ Бога и пресвятой дѣвы... (*Въ это время Марія, вставъ съ колынь, блжжитъ къ письменному столу, садится и пишетъ*).

Марія (*окончивъ писать*). Филипа, добрая моя Филипа, еще просьба: вотъ письмо, ты придешь въ свою компану, прочтешь его, прочтешь и исполнишь все, что тамъ написаю. Сдѣлаешь ли это, Филипа, еще разъ умоляю тебя...

Филипа. Сдѣлаю, синьора...

Марія. Чу! идутъ сюда, спѣши, Филипа... спѣши; но помни клятву...

Филипа (*уходя*). Помню, синьора...

Марія (*съ чувствомъ*). Прощай, моя няня...

Филипа. Прощай, дитя мое.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Фениса, Мануэль, слуги со свѣчами и Марія, слуги ставятъ свѣчи и уходятъ.

Мануэль. Простите меня, моя дорогая невѣстка.

Марія. Зачто, донъ Мануэль?

Мануэль. Вы знаете, что мои гости уже отравились...

Марія (*значительно*). Убхали?..

Мануэль. Перель отъѣздомъ, они хотѣли еще разъ васъ видѣть...

Марія. Оба?

Мануэль. Но я не могъ позволить этого и вотъ въ чемъ вина моя. Было уже поздно, настоящаго владѣльца замка нѣтъ дома и я не могъ рѣшиться оставить ночевать гостей...

Марія (*съ нетерпѣніемъ смотритъ на балконъ*). И прекрасно сдѣлали.

Мануэль. Я очень радъ, что могъ освободить васъ отъ этихъ пустыхъ вѣжливостей, которыми они досаждали вамъ. Пока я вашъ защитникъ, и батюшка вправъ потребовать отъ меня отчета во всемъ, что до васъ касалось. А какъ я полдозрѣваю этого Мейдоза...

Фениса и Марія (*амьсть*). Подозрѣваете?

Мануэль. Но теперь его уже нѣтъ, и онъ вамъ не опасенъ. Прощайте же до завтра.

Марія. До свиданья.

Фениса. А съ завтрашняго дня я начну хлопотать о томъ, чтобы ты, Мануэль устроилъ счастье сестры моей, ты сдѣлаешь это: не правда ли, другъ мой?..

Мануэль. Это долгъ мой, только бы скорѣ наступило наше желанное завтра; прощай...

Фениса. И я не менѣ тебя горю нетерпѣніемъ. Прощай! (*Мануэль уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Фениса и Марія.

Фениса. Сестра, ты хочешь спать?

Марія. Какъ же. Сейчасъ ложусь. (*Смотритъ на балконъ*).

Фениса. Такъ прощай, сестра, я ухожу.

Марія. Сестра...

Фениса. Что такое?

Марія. Передъ тѣмъ, какъ ляжешь спать, помолись за меня...

Фениса. Хорошо, но ты въ волне- него дорогой платы... (*Становится за нн...* дверь).

Марія (скрывая свои чувства). Нѣтъ... ничего... вспомни только, передъ сномъ помолись за меня.

Фениса. Хорошо, хорошо, моя милая Марія, я не забуду тебя въ моей молитвѣ.

Марія. И да услышитъ тебя Господь... (*Фениса уходитъ на льво*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Марія (одна). Въ уши!—Я осталась одна лицомъ къ лицу съ моею роковой судьбой... Часы летятъ — приходитъ минута, о Боже, какая минута... Что принесетъ она мнѣ, чѣмъ повѣсть, блаженствомъ, или горемъ?.. Какъ встрѣтить его, какъ слѣлать, чтобъ остаться побѣдительницей? Но къ чему эти вопросы? Любовь! научи, какъ достигнуть заповѣданнаго счастья... Какъ сохранить невинность моего сердца... Но, и ты рука юной дѣвы, рука дочери Падильи, бодрствуй... (*Снимаетъ со стѣны изъ арматуры кинжалъ*). Долой съ стѣны оружье смерти, не даромъ пролилъ кровь свою за тебя мой прагдѣ, снимая его съ мертвой груди, поверженнаго во прахъ мавра. Будь защитой слабой дѣвушки и отврати соблазнъ и, можетъ быть, позоръ отъ главы ея... Тсъ!.. Я слышу шорохъ въ кустарникъ подъ окнами, привязываютъ лѣстницу... идутъ... погашу свѣчи... Пускай теплится одна лампада... (*Тушитъ свѣчи и зажигаетъ на столѣ лампаду*). Теперь отворю дверь на балконъ. (*Отворяетъ дверь*). Пускай онъ придетъ сюда и увидитъ чѣмъ вознаграждается право посѣщенія спальни дочери Падильи... Онъ поднимается уже по лѣстницѣ, какъ тать прокрадывается ко мнѣ... О, только чистая любовь пойметъ твоё уничиженіе донъ-Педро, но и она не отпуститъ нарушителя таинствъ ея цѣломудреннаго храма, не взявъ съ

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПЕДРО И МАРІЯ.

Педро, (выходя съ балкона). Вотъ я и здѣсь. Молодецъ Діего, мастерски онъ закинулъ лѣстницу и открылъ окно.

Марія, (выходя). Вы ошибаетесь синьоръ, не Діего, а я открыла вамъ окно...

Педро. Ахъ...

Марія. Да и можно ли было иначе принять короля Кастиліи и Леона?

Педро. Что я слышу!..

Марія (насмѣшливо). И если что нибудь и не такъ въ этомъ приѣмѣ, если есть какое нибудь нарушеніе обыкновеннаго церемониала встрѣчи, то виновата не я, а время, теперь ужъ ночь...

Педро (умоляющимъ голосомъ). Марія...

Марія (тѣмъ же тономъ). О если бы вы пожаловали днемъ, въ болѣе приличное время, то въ нашемъ замкѣ нашлись бы средства и для самой пышной встрѣчи...

Педро. Марія заклинаю тебя, оставь этотъ насмѣшливый тонъ, ты сердисься на меня?..

Марія. За что же, ваше величество. Вы были на охотъ, гонялись за ланью, она настигнута, убита... Вы счастливый только охотникъ... Что же вы не трубите въ рога? или позабыли правила охоты?.. Сзываютъ же вашихъ гончихъ, наслаждайтесь добычей, что же не бѣжитъ Діего—этотъ вѣрный неизмѣнный песь, или нѣтъ возможности, лѣстница оборвалась за вами?..

Педро. Заклинаю Марія, перестань...

Марія. Что же вы стоите, не пользуетесь вашими правами, берите же вашу жертву... или знаете, что она недостанется вамъ иначе, какъ мертвая...

Да, вы не ошибаетесь... (*Цѣлуетъ книгу*). Спаситель мой! Ты дашь мнѣ смерть и я предпочту ее жизни безславной...

Педро. Пощади меня, Марія, умоляю тебя...

Марія. А вы пощадили меня? За любовь мою, за безкорыстное чувство привязанности, образецъ которой можно только развѣ пасти въ чистѣйшей любви ангеловъ, за тайну, съ которой сохранилась связь наша и которую не выпытала бы у меня кровавая пытка—вы заплатили мнѣ позоромъ и поношеніемъ. Подъ чужимъ именемъ вы вкрались въ мое сердце, бѣдное сердце! оно шевинно, полюбило васъ и что же? Эту пылкую страсть вы приняли за вѣтренность, любовь сочли кокетствомъ, безусловную мою преданность захватили, какъ будто право лишить меня честнаго имени и заклеймить пятномъ позора... Смерть! смерть теперь лучше обезславляющей жизни... (*Прижимаетъ къ груди книгу*).

Педро. Марія! Марія! не мсти такъ жестоко, не мсти за вдуманное оскорбленіе... Клянусь тебѣ, клянусь всѣмъ, что есть святаго, та же любовь увлекла и меня, я поступилъ безразумно, нарушилъ всѣ приличія, вошелъ въ эту комнату, томимый страстью, но теперь, когда увидѣлъ всю беззупу, куда могу низвергнуть тебя, весь срамъ, который бросилъ на главу твою, всю мѣру моего преступленія передъ тобою, дивное созданье, ангелъ души моей, я готовъ на все, чтобы искупить его... Небудь этого хитраго, дѣлки-министра Альбукерка, не будь этой угрозы междоусобій моихъ вассаловъ—Марія—клянусь тебѣ, я бы вывелъ тебя отсюда королевой...

Марія. И исыведете явче, или вынесете трупомъ...

Педро. О Боже! что я слышу.

Марія. Или королевой, или трупомъ...

Педро. Но, Марія, вспомни мать мою, назначенный уже бракъ мой съ Бланкой Бургонской, какъ единственное средство

превращенія мятежей кастильскихъ, вспомни притязанія Трастамара, моего брата, который ничтъ только средствъ, какъ бы уличить меня въ нарушеніи завѣтовъ отца нашего Альфонса, а первымъ изъ нихъ былъ бракъ съ Бланкой Бургонской, вспомни это и скажи сама, могу ли я подумать, сдѣлать тебя королевой, могу ли...

Марія. (*перевѣивая*). А преступницей, жертвой сластолюбія, игрушкой минутной страсти, обезславленной женщиной? о! всѣмъ этимъ вы могли меня сдѣлать, и не думая... Знаю! знаю права твои доль-Педро, но пользуюсь и моими, пользуюсь правами обреченной уже жертвы—не жить, когда отняли честь мою и до огласки моего безчестія прекратить это поруганное существованіе... (*Хватается за книгу*).

Педро. (*удерживая ее*). Такъ ты хочешь быть королевой, непреклонная честолюбивца, хочешь моей гибели, моихъ близкихъ и подданныхъ, хочешь крови моего народа?.. Ты будешь ею, будешь королевой... (*Кричитъ*). Огней сюда! Огней! мой дворъ, министры, мать, народъ, сюда!.. Я покажу вамъ мою жену, я представлю вамъ законную вашу королеву... И пусть обрушатся на главу васъ кары нарушенія воли отцовской, пускай неудадутся расчесты Альбукерка, пускай возставутъ мятежи, пускай поднимутъ снова брань брать на брата, пусть льются рѣки крови и затопятъ тронъ доль-Педро съ его законной новой королевой... Все для тебя, все за тебя, несчастная честолюбивца... Но, знай, Марія, что я не переживу злоечастной судьбы моей Кастиліи и первый лягу мертвый къ ногамъ...

Марія. (*съ грустью*). Напрасно... безъ тебя мнѣ не нужно ни жизни, ни королевства...

Педро. Что я слышу... Марія! повтори, повтори слова любви...

Марія. Я повторю ихъ передъ цѣлымъ міромъ, передъ Богомъ: Доль-Педро, не какъ короля, а какъ человека, милаго моему сердцу, люблю я тебя... Я невиновата, что замѣшалось между нами

это королевство. До нынѣшняго дня я не знала о немъ, но любила тебя не меньше...

Педро. Марія! ангелъ мой! Ты будешь жить! будешь моею, ты должна быть королевой...

Марія (почтительно). Не такъ какъ челоуѣку милому сердцу, не такъ какъ посланному самимъ небомъ другу, а какъ королю Кастиліи, высказываетъ теперь Марія свои чувства: какъ подданная она недопуститъ, чтобы королевское великодушіе, величіе, рыцарская добродѣтель накликали смуты и гибель на вѣ-

ранный Богомъ ему народъ. Явное признаніе меня королевой — возмутило бы всѣхъ и Марія, связанная тайными узами брака, будетъ ждать съ покорностью, съ кротостью дня торжественнаго ея вѣчанія. Пусть для другихъ, — буду я всѣмъ, чѣмъ придумаетъ называть меня досужая молва, пусть буду считаться королевской наложницей даже, для короля одного только — хочу быть его женою. Король! Насъ ждетъ священникъ... *(Беретъ его торжественно за руку и уводитъ въ боковую дверь домашней церкви).*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Великолѣпная зала въ Севильн; на концѣ видна галлерей, по бокамъ двери. На право отъ зрителей окно, столъ и на немъ все нужное для письма.

ЯВЛЕНІЕ I.

Прадо, Серда и Барцело.

Прадо. И ты другъ, Серда, пришелъ на поклонъ, къ первой дамѣ королевства Кастильскаго?

Серда. Да, также, какъ и ты...

Барцело. Давно ли, господа, вы всѣ такъ дурно отзываетесь объ ней, и Богъ знаетъ за что...

Серда. Не вспоминая ужъ, Барцело, скажи лучше, зачѣмъ Богъ создалъ ее такой красавицей?.. Онъ принуждаетъ короля жениться.

Прадо. Но король не хочетъ.

Серда. Да, да, Прадо, кто хочетъ по-прежнему быть ея врагомъ, тотъ пусть

лучше и несмотритъ на нее, нехотя заговорить въ ея пользу и раздумаетъ быть врагомъ...

Барцело. Альбукеркъ каждый день на нее смотритъ, а попрежнему ея врагъ...

Серда. Ну, это понятно, у министра свои расчеты, онъ хочетъ женить короля на Бланкѣ, а Марія мѣшаетъ.

Прадо. Но король не хочетъ...

Барцело. Богъ ихъ разсудитъ, а Бланка Бурбонская, какъ оставленная невѣста, живетъ себѣ въ Авиньонѣ. Серда! а что пригласила тебя на праздникъ сивбора Марія?

Серда. Я былъ столько счастливъ, что снова заслужилъ ея милость и что бы ни говорили о Маріи Падилья, чего бы

невыдумывала молва мірская, я навсегда останусь ея неизмѣннымъ рыцаремъ.

Прадо. Ого! Вотъ какъ погавариваютъ нынче кастильскія кавалеры. А что, господа, говорятъ праздникъ будетъ великолѣпный?

Барцело. Да такой, какого еще и не бывало. Поневоля забудешь на немъ и горе свое и смуты общественныя.

Серда, (оглядываясь). Кто-то идетъ къ намъ господа, не новый ли гость?

Прадо (тоже оглянувшись). И вѣрно изъ далека...

Барцело. Что за костюмъ на немъ!

Серда. Да и весь-то онъ глядитъ прошедшимъ столѣтіемъ.

Прадо. Ему бы мѣсто, кажется, въ рамкѣ, какъ старшему семейному портрету, а не на праздникъ королевскомъ.

да братецъ услужилъ, донъ Діего Фонеса...

Серда. Покойника-то можно бы и нетрогать...

Падилья. Что я слышу! Покойника... Онь умеръ?..

Барцело. Убить!..

Падилья. Убить!.. но кто же былъ мстителемъ? Кто наказалъ его за предательство?..

Барцело (къ Прадо тихо). Старикъ горячится, видно онъ знаетъ коротко дѣла Діего и Маріи.

Падилья. Но можетъ быть я рѣзко выразился Синьоры и потому прошу простить меня. Скажите, съ кѣмъ былъ поединокъ у Діего?..

Серда. Съ донъ Мануэлемъ де Сильва...

Падилья (про себя). Благородный, храбрый донъ Мануэль—ты былъ моимъ мстителемъ... (Къ Сердѣ). Но что же сдѣлали съ донъ Мануэлемъ? Его казнили, изгнали, заключили въ тюрьму?..

Серда. Можетъ быть все бы это случилось, еслибъ не предательство нашей доброй Маріи...

Падилья (въ волненіи). Она ходатайствовала за Мануэля... Она обезоружила волю донъ Педро, его вспыльчивость?

Серда. И не въ первый разъ. Этотъ ангелъ живетъ кажется для блага нашего, и небудъ ея, Богъ знаетъ, до какихъ бы крайностей довели донъ Педро.

Барцело. Я желалъ бы одно только знать, кто распускаетъ про нее дурныя слухи?

Серда. Кто!.. Известно кто... Какойнибудь Гонзалесъ, совѣтникъ королевы матери, ему хочется опутать донъ Педро сътими своей власти, а Марія охраняетъ его; или министръ Альбунеръ, честолюбецъ какихъ мало, рѣшившійся, во что бы то ни стало, женить донъ Педро на Бланкѣ, видя въ томъ единственное средство къ своему возвышенію—пу разумется Марія мѣшаетъ ему и онъ

ЯВЛЕНІЕ II.

Гомесъ де Падилья и прежніе.

Падилья. Здравствуйте Синьоры!

Серда. Здравствуйте Синьоры!

Падилья. Позвольте мнѣ старому челоуѣку пораспросить васъ...

Серда. Что угодно Синьору?

Падилья. Я новичекъ еще при этомъ юномъ дворѣ...

Серда. И прекрасно сдѣлали, что вздумали съ нимъ познакомиться... Я увѣренъ, что, не смотря на ваши преклонныя лѣта, вы вѣрно станете въ ряды поклонниковъ прекрасной Маріи, только что увидите ее.

Падилья. Да, слышно было и у насъ объ красотѣ ея, жаль только, что она сдѣлала изъ нея средство своего тщеславія и гордости и промѣняла честь дочери дворянина кастильскаго на званіе... Я не назову его, оно можетъ быть оскорбить щекотливый слухъ ея рыцарей... Говорятъ однако же, что она бы сама и нервщилась, можетъ быть,

готовъ на самыя черныя клеветы, чтобы только унижить ее въ мѣнѣнѣ народа. Народъ обмануть не трудно, по мы ближнея, можемъ кажется, видѣть, что дѣлаетъ Маріа: о бунтѣ Трастамары и пещально, сама королева мать не ропщетъ на нее, король сыплетъ щедротами и милостлими и повѣрте мнѣ, скоро Кастилія оживится миромъ и тишиной, которые принесла намъ Маріа...

Падилья, (слушавшій до сихъ поръ съ особеннымъ участіемъ, отходитъ и говоритъ про себя). Боже милостивый!.. Одинъ этотъ голосъ одобрительный народа уже дѣлаетъ менѣ виновною мою Марію... Нѣтъ! нѣтъ! она преступница противъ воли отповской и да постигнетъ ее справедливое проклятіе...

Серда и прочіе. А вотъ и Маріа де Падилья.

Падилья. Силы небесныя, подерните меня!.. Нѣтъ, нѣтъ, не могу... Ты бьешься еще бѣдно сердце—въ тебѣ живетъ любовь къ дочери... (Уходитъ скоро въ боковую дверь).

Барцело. Куда же это онъ пропалъ?

Прадо. Мнѣ кажется, онъ помѣшанъ.

Серда. Не худо бы намъ присмотрѣть за этимъ старикомъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Маріа. Придворныя дамы, пажы, слуги.

Маріа (къ свитѣ). Нынче рожденье Короля; надобно великолюбно отпраздновать этотъ радостный для насъ день. Развѣсьте вѣнки изъ розъ и лилій по колонамъ этихъ залъ, пусть разольются они повсюду благоуханье. Я хочу, чтобы вездѣ раздавались звуки лютней и маподлинъ

Пусть льются фонтаны самыхъ дорогихъ напитковъ, въ садахъ спрячьте пѣвцовъ и пѣсяи да разливаютъ ве-

селье и радость на присутствующихъ. Я падысь, друзья мои, что вкусъ вашъ и преданность испытанная не разъ, помогутъ мнѣ утѣшить короля—Проіцайте, я падысь на васъ. (Свита уходитъ).

Маріа (обращаясь къ придворнымъ). А вы Синьоры, какъ неизмѣнные рыцари вашей дамы, не откажитесь принимать участие въ ея праздникѣ и сдѣлать его еще болѣе блестящимъ.

Барцело. Ваше желаніе, законъ для насъ, Синьора...

Прадо. Хотя бы оно было и важнѣе пріятнаго для насъ участія въ праздникѣ.

Серда. Да, Синьора, хотя бы дѣло шло о жизни, а не объ веселости...

Маріа. Благодарю, благодарю Синьоры, хотя съ грустью сознаю, что не все одинаковаго съ вами мнѣнія. Сколько есть такихъ, которые ненавидятъ меня, злословятъ, чернятъ... Но Богъ съ мими, пылче не хочу покрайней-мѣрѣ ни думать, ни слышать объ этомъ, депъ радостей! день торжества и милости! Ахъ, Серда я и забыла объявить вамъ пріятную новость: вашъ дядюшка донъ Лопецъ, изгнанный Альфонсомъ, прощепъ. Король Педро позволилъ ему возвратиться снова на родину, къ своимъ роднымъ и близкимъ.

Серда (съ восхищеніемъ). Боже мой! Какая неожиданная милость, это вамъ, Синьора обязаны мы! чѣмъ могу доказать я мою признательность.

Маріа. Ведите себя также благородно, какъ вели до сихъ поръ, любите короля, не ропщите на него вмѣстѣ съ другими, если любовь его ко мнѣ можетъ заслуживать ропоть.

Серда. Никогда! никогда дивная Маріа! Клянусь за себя и за большую часть кастильскаго дворянства—вѣкъ быть прелазимымъ Маріи и исполнять малѣйшія ея желанія.

Прадо и Барцело. И я! и я!

Маріа. Благодарю васъ сто разъ, мои рыцари — Маріа никогда не подастъ

вамъ повода раскаться въ вашей клятвѣ. Прощайте, друзья мои, прощайте. (*Серба, Прадо, Барцело почитительно раскланиваются и уходятъ*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марія (одна). Они мнѣ дали рыцарское слово и, я надеюсь на него, оно защититъ меня, когда ненависть огласитъ имя мое и всѣ другія средства защиты будутъ уничтожаться.

ЯВЛЕНІЕ V.

Педро, Марія.

Педро. А, Марія!.. (Подходитъ скоро и въ волненіи).

Марія. Вы встревожены государь? Вы скупы и въ такой день...

Педро. О Марія! Ты одна можешь возвратить покой душѣ моей.

Марія. Что такое государь? Не эта ли новость, о которой вы писали ко мнѣ, такъ беспокоитъ васъ, скажите мнѣ ее, умоляю васъ.

Педро. Скажу, и отъ тебя одной только и жду утѣшенія. Люди, поддавшие, которыми я окруженъ, больше ничего какъ лазутчики, пережѣтки, словомъ люди, которые ищутъ какъ бы разрушить мое счастье. Поневоля я выхожу изъ себя, поневоля готовъ на крайности, за которыя они же считаютъ меня жестокимъ. Я понимаю Нерона, который, не бывши тираномъ, сдѣлался имъ, и мать, и эти наставники, и эти полки совѣтниковъ — грубіановъ выведутъ изъ терпѣнія всякаго. Каково мое положеніе было нынче: прослуялся въ самомъ спокойномъ, веселомъ расположеніи духа, всталъ, сажусь за рабочій столъ, подписываю нѣсколько мирныхъ договоровъ, нѣсколько прошеній, манифес-

товъ, потомъ награть, грамотъ и тысячи милостей, которыхъ всегда много подъ руками у добраго короля. Вдругъ растворяются двери, входитъ Гонзалесъ, совѣтникъ моей матушки — и вмѣсто здравствуйте король, вмѣсто поздравленья, котораго я ожидалъ, если не отъ него, то черезъ него отъ матери, — онъ начинаетъ мнѣ говорить колкости, упреки и окончиваетъ тѣмъ, что именемъ моей жестокой, своенравной матери запрещаетъ противорѣчить себѣ, когда Богомъ мнѣ данною властью я приказывалъ ему молчать. Увидѣвъ однакоже въ этомъ поступкѣ болѣе безразсудства, чѣмъ злаго умысла, хладно кровно, тихо говорю ему, чтобы онъ оставилъ меня въ покоѣ и вышелъ вонъ, онъ ослушивается; я выгоняю его, онъ идетъ по корридорамъ дворца и бранитъ меня, хуже всякаго мальчишка, иду сзади его, все сношу и терплю, наконецъ злодѣй зналъ чѣмъ вывести меня изъ терпѣнія, сталъ поносить тебя Марія, тебя моего ангела хранителя, моего лучшаго друга въ этомъ мѣрѣ... Я невыдержалъ и закололъ его на мѣстѣ.

Марія. Государь!..

Педро. Да Марія, закололъ и бѣсновался въ эту минуту зачѣмъ одну, а не тысячу жизней, коварствующихъ противъ тебя и меня, уничтожилъ этимъ ударомъ.

Марія. Не ошиблась ли я, государь?.. совѣтникъ вашей матушки королевы...

Педро (перебивая). Да, да, Гонзалесъ, старшій совѣтникъ моей матери королевы лежитъ теперь труномъ въ корридорахъ дворцовыхъ и никто кромѣ меня и Бога не знаетъ его убійцы...

Марія. Новая пища клеветы на Марію... Боже милостивый, ты посылаешь мнѣ крестъ, буду нести его съ смиреніемъ и кротостью.

Педро (въ волненіи). Клеветы, какой клеветы?.. Кто осмѣлился клеветать на тебя и въ чемъ, Марія, въ чемъ?..

Марія. Въ смерти Гонзалеса, донъ Педро; моява назоветъ меня его убійцею, какъ это было уже нѣсколько разъ...

Педро. Я не допущу до этаго, открою все, сберу совѣтъ и назову ему настоящаго убійцу Гонзалеса, но вмѣстѣ назову ему и вилу моего кроваваго дѣла и судъ гравдовъ Кастиліи, какъ судъ Божій, не осудить меня.

Марія. Не осудить льво, а въ душѣ назоветъ жестокимъ.

Педро. До новыхъ милостей и доблестей, а пѣть и другія въ моихъ рукахъ, *Марія.*

Марія. Пѣтъ, государь! пѣтъ! пикто не судья твоихъ поступковъ, кромѣ Бога. Виповникъ смерти Гонзалеса останется не извѣстнымъ, пускай молва назоветъ меня виновницей. Я беру на себя грѣхъ души твоей, онъ за меня же совершился... Недаромъ ты назалъ меня своей полругой; дѣлю жизнь твою пополамъ, па долю мою достается горе, упреки, можетъ быть даже проклятія народа, такъ судилъ промыселъ Божій, лишь бы ты, супругъ мой, мой геній, мой герой, король мой, остался чистымъ и незапятнаннымъ въ глазахъ современниковъ и потомства... Донъ Педро, другъ мой, добрый мой донъ Педро у меня есть къ тебѣ просьба...

Педро. Проси *Марію*, чего хочешь...

Марія. Послушай *Педро*, вынѣче левъ твоего роженья, если вспыльчивость твоя помѣшала начать его добрымъ дѣломъ, то покрайней мѣрѣ коньчи имъ; послушай донъ *Педро*, дай отдохнуть твоему пароду отъ этой безконечной войны междоусобной, прошу тебя, помирись съ *Трастамарой*...

Педро. Съ бунтовщикомъ!..

Марія. Съ братомъ донъ *Педро*, съ братомъ... Вы дѣти одного отца, люди расторгли васъ, но обстоятельство показали всю гибель вашихъ раздоровъ, кто же теперь можетъ помѣшать вамъ обнять другъ друга по братски?...

Педро. Никогда *Марія*, никогда. По душѣ я не могу съ нимъ сойтиться, для блага Кастиліи я бы помирился съ нимъ, но и то тогда только, когда онъ первый попроситъ мира.

Марія. Безъ униженія съ обѣихъ сторонъ есть средство прекратить эту враж-

ду—вотъ договоръ лонъ *Педро*: одно слово твое: «согласенъ» рядомъ съ такоюже подписью, уже славнаго *Трастамаромъ*, рѣшить дѣло...

Педро. Договоръ? подпиши брата? Откуда, какимъ образомъ?..

Марія. Черезъ однаго изъ моихъ приближенныхъ я успѣла, не увижая твоего достоинства убѣдить *Трастамару*, онъ подписалъ мирный трактатъ и теперь отъ тебя одного зависить рѣшить судьбу твоего народа.

Педро. О Кастилія! Неужели и теперь ты не будешь благодарна моему выбору? Народъ мой, неужели и послѣ этаго благодѣвія *Маріи*, ты не отъчинишь ее... (*Беретъ трактатъ и хочетъ подписать его. За сценой слышны шумъ и крики*).

Голоса (за кулисами). Мщеніе убійцы Гонзалеса! мщеніе *Маріи* *Падильи*!...

Педро, (остановившись). Что это значить? шумъ, крики, волненіе...

Голоса (за кулисами). Смерть *Маріи* *Падильи*! смерть убійцы Гонзалеса!..

Педро. А!.. проснулись клеветники *Маріи*, проснулись крамольники... Я угомоню васъ... стража! стража! сюда. (*Вбѣгаетъ Серда съ солдатами*). *Серда*, возьмите отрядъ, развѣйте мятежниковъ, смерть непокорнымъ, смерть и пѣтъ пощады нарушителямъ спокойствія лонъ *Педро*.

Марія, (съ живостью подходит къ донъ Педро). Остановитесь государь! Остановитесь! жестокія мѣры только раздражатъ болѣе. Милостью государь, милостью усмирите волненіе, ..

Педро (съ неудовольствіемъ). Ты *Марія* обезоруживаешь меня. Твоя кротость дѣлаетъ меня слабымъ... Милость съ буйною толпою—она посмѣется надъ лею... пѣтъ *Марія*! пѣтъ! Дай мнѣ хоть разъ показать имъ, что такое донъ *Педро*.—*Серда* повинуйтесь. (*Серда хочетъ идти, Марія удержавъ бѣжитъ къ донъ Педро и становится передъ нимъ на колына*).

Марія. Я у ногъ вашихъ, государь, молю отмѣнить ваше повелѣніе...

Педро. (наильно поднимая ее). Я умолимъ, Марія, и ты сама незнаешь о чемъ просишь, простишь крамольникамъ, которые и въ нынѣшній день, мой лучший день въ жизни, неустрашилися разстроить мое спокойствіе и счастье. Нѣтъ! никогда... Серда! (Даетъ знакъ рукою, Серда выходитъ).

Марія. Нѣтъ?.. (Блѣзнитъ къ окну). Нѣтъ?... такъ прежде, чѣмъ исполнится твоя воля, прежде, чѣмъ одна жертва изъ этой несчастной толпы падетъ подъ мечемъ твоихъ клеветовъ — знай, что обреченная жертва, которую требуетъ эта толпа, я, я... Марія! твоя жена будетъ въ рукахъ ея (Хочетъ броситься въ окно).

Педро, (удерживая ее). Опомнись Марія! Серда! Серда! (Серда возвращается). Ахъ Марія! за что обреченъ я на эту пытку, за чѣмъ ты ставишь меня безпреставно въ борьбу съ твоею ангельскою добротою и долгомъ карать иногда ослушниковъ и обезоруживать разрушителей нашего спокойствія...

Марія, (перевивая). Милостью государь! милостью обезоруживайте ихъ, а не казнями.

Педро. Но какимъ же образомъ Марія, гдѣ возможность, гдѣ та милость, которой я могъ бы заглушить эти вопли мятежной толпы?..

Марія. Она въ рукахъ вашихъ, государь. (беретъ трактатъ и снова подаетъ его королю). Подпишите. (Педро машинально подписываетъ и возвращаетъ Маріи).

Марія (къ Сердѣ). Вотъ вамъ трактатъ, объявите о мирѣ народу. (Серда, взявъ бумагу выходитъ. Въ продолженіе всей предшествовавшей сцены слышны шумъ и крики за кулисами, вдругъ все умолкаетъ).

Педро. О Боже! когда то я также объявлю моему народу, что у меня есть ангелъ—хранитель, есть другъ, жена, есть Марія королева...

Голоса (за кулисами). Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ нашъ мудрый, миролюбивый правитель!

Педро (въ восторгѣ). Не такъ! не такъ дѣти мои! Да здравствуетъ... (вдругъ останавливается и тихо самъ съ собою, но такъ, что Марія слышитъ) Боже мой! когда будетъ кричать эта толпа: да здравствуетъ Марія, да здравствуетъ королева Кастиліи...

Марія (подойдя къ нему и ласкаль). Придетъ, придетъ время...

Педро. Придетъ, по когда-же Марія... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Марія (одна). Придетъ, придетъ... Да, пора сойти этому мнимому клейму позора съ чела Маріи... пора сказать міру — замолчите клеветники Маріи — она законная королева Кастиліи... Пора объявить ей своихъ близкихъ сердцу, и открыть тайну ея настоящаго призванія, (въ это время входитъ Фениса). Увѣрить ихъ въ моей невинности, чистотѣ и быть имъ по королевски полезной. Гдѣ-то они теперь? гдѣ батюшка, Фениса?.. (Обарачивается и видитъ Фенису). Боже мой! не сонъ-ли это? Фениса! сестра моя! Ты ли это?.. Неужели наступило уже время развязки тайны!.. нѣтъ! нѣтъ! ничего... какой тайны?... это ты сестра моя, Фениса, милая Фениса (обнимаетъ и цѣлуетъ ее). Какимъ неожиданнымъ случаемъ ты здѣсь, Фениса?

Фениса (съ лицомъ въ рукахъ). Ты перазлюбила меня, сестра моя?.. Нипочести, ни блескъ, окружающій тебя не изгладилъ памяти прошедшей нашей дружбы... Ты...

Марія. Ахъ Фениса! говори о себѣ... Что мужъ твой? что батюшка?.. Это что за ящикъ?..

Фениса. Знакомый тебѣ... это ящикъ съ золотомъ и брилліантами, который ты прислала Мануэлю, онъ не принялъ твоей помощи и приказалъ мнѣ возвратить его.

Марія. Гордый Мануэль... Онъ отвергъ мое родственное приношеніе, хо-

тѣмъ увидить меня, оскорбить... Богъ ему судья... Онъ педоволенъ можетъ быть мною и за спасеніе его жизни...

Фениса, (перебивая). Развѣ ты...

Марія (въ слущеніи). Нѣтъ же и... король спасъ его, выпросилъ ему жизнь у суда, который приговорилъ его къ казни за смерть Діега. Что батюшка? гдѣ онъ! не слышно ли объ немъ чего нибудь?

Фениса. Старые слухи. Гдѣ онъ теперь, неизвестно. Когда дошла до него вѣсть о тебѣ, о перемѣнѣ твоей участи, онъ оставилъ пограничный замокъ, который ввѣренъ былъ его охраненію, разбилъ родовой щитъ свой и скрылся. Съ тѣхъ поръ о немъ ничего не слышно. Рассказывали прежде, что въ первую минуту послѣ роковаго извѣстія, онъ далъ будто бы клятву пайти тебѣ, вырвать изъ объятій чьихъ бы то ни было, убить тебя и кровью твоею смыть пятно преступленія. Но это, я думаю, одни только слухи — ты знаешь, какъ онъ любилъ тебѣ...

Марія (плачетъ и сквозитъ слезы). Преступленіе, позоръ, проклетіе отцовское... продолжай сестра, продолжай. Не даромъ Богъ присягъ меня слушать повѣсть страдающей моихъ кровныхъ, моихъ близкихъ...

Фениса (съ участіемъ). Ты плачешь сестра?.. Можетъ быть эти слезы вѣстники твоего раскаянья?.. О Марія! оставь этотъ дворъ, пышность, блескъ, оставь твое тягостное пазпаченіе, пойдемъ со мною въ пашу мирную долину, пойдемъ отъа нашего, вмѣстѣ умолимъ его о прощеніи и твоимъ искреннимъ раскаяньемъ, твоей усидчивостию, скромною жизнью, ты загладишь минутное заблужденіе юности, ты сдѣлаешься прежнею Марією... Сестра мол, милая сестра, послушайся меня, послушайся влеченья твоего сердца... О! эти слезы, искренніи слезы, лучшее доказательство твоего раскаянья въ преступленіи...

Марія (грустно). Въ преступленіи?.. Да, такъ люди называютъ мое поведеніе; точно, оно преступно въ глазахъ вашихъ, въ глазахъ твоихъ се-

стра моя и я не стану разувѣрять тебя—не пришло еще время... О, ты права, Фениса, вмѣстѣ съ моими клеветникамъ, — я ужасная преступница, ужасная грѣшница... но пусть же и побудетъ для меня обычнаго очищенія, пусть заглохнетъ обыкновенный путь возврата къ невинности и чистотѣ... я заглушу пока голосъ совѣстишумомъ и кликами роскошныхъ, приворныхъ праздниковъ, пусть близкіе мои клевещутъ на меня, а я съ королемъ и Кастилією буду веселиться и топить время въ радостяхъ и удовольствіяхъ. (*Ирастъ музыка*). Чу! музыка! призывный звукъ устроенаго мною королевскаго праздника... Прощай Фениса! прощай... по, если хочешь принять участіе въ моихъ радостяхъ, то оставься, по прошу тебя, будь веселою Фенисою, будь прежнею моею сестрою, а по сестрою милосердія... (*Идетъ на острѣчу къ гостямъ*).

Фениса. О Боже! въ сей пѣть и искры раскаляя, она пенсравима... (съ презрѣніемъ проходитъ мимо Маріи и скрывается въ толпу).

Я В Л Е Н І Е VII.

Марія, Альбуеръ, Сера, Прадо, Барцело, и придворные.

Марія (къ Альбуеру). Министръ Кастиліи, я звала васъ, по не ожидала, чтобы вы явились по моему приглашенію. Честь, которую вы мнѣ сдѣлали, я сочту наградою за участіе, принимаемое мною и, кажется съ успѣхомъ, въ управленіи ввѣреннаго вамъ министерства.

Альбуеръ. И за вниманіе ко мнѣ, и за участіе въ дѣлахъ моихъ, мнѣ остався только благодарить васъ, сеньора.

Марія. Отъ души ли Альбуеръ?

Альбуеръ. Незнаю, чѣмъ могъ я заслужить это сомнѣніе...

Марія. Слухи ссорятъ насъ Альбуеръ,

Альбуцеръ. Переставьте имъ вѣрить синьора, какъ я пересталъ вѣрить всѣмъ клеветамъ на васъ.

Серда (тихо). Которыя самъ же распространялъ въ народъ...

Марія (тихо). Не понимаю переменъ... (*Громко*): Благодарю, благодарю, что вы измѣнили ваше мнѣніе обо мнѣ.

Альбуцеръ (тихо). О! ты увидишь, легкомысленная ветреница, какъ я измѣнилъ его... (*громко*). И больше уже неизмѣню никогда, синьора. (*Почтительно кланяется*).

Марія (грандамъ). А вы, мои дорогие гости, не будьте связаны обычнымъ строгимъ церемоніаломъ, будьте веселы, беззаботны, какъ бы на сельскомъ праздникѣ, или въ замкахъ вашихъ. (*Уходитъ*).

Прадо (вслѣдъ ей). Дивная женщина! Кто небросится за тебя на встрѣчу смерти.

Барцело. Что можетъ клевета противъ твоихъ очаровательныхъ прелестей?

Серда, (искоса, поглядывая на Альбуцера). И да уничтожатся всѣ козни сиротаго коварства; на перекуръ твоимъ врагамъ, мы признаемъ тебя королевой. (*Отходитъ*).

Альбуцеръ (про себя). Когда попросятъ васъ объ этомъ... Кричи, льсти, глушая ювость; но стойтъ только припугнуть тебя и, ты забудешь свою гордость и какъ стадо барановъ пойдешь, куда погонять тебя. (*Подзываетъ Перца*). Перецъ! пришелъ ли сюда съ моею свитой старикъ, съ которымъ я говорилъ вывѣче-утромъ?

Перецъ. Онъ здѣсь, синьоръ.

Альбуцеръ. Его пропустили свободпо?

Перецъ. Я видѣлъ его въ королевскомъ саду. Онъ какъ будто кого-то поджидаетъ.

Альбуцеръ, (про себя). Жди, жди старый воронъ! ты прокаркаешь мнѣ во время смерти залетѣвшей горлицы не въ свою клетку.

Голоса (въ толпѣ). Король! король! (*входитъ докъ Педро*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Докъ Педро, Альбуцеръ. Прадо, Барцело, Серда, Перецъ и придворные.

Педро. Здравствуйте мои гранды! Вы кажется не совсѣмъ появили, чего мы желали. Вы ходите пасмурными, мрачными, какими-то заговорщиками, а не веселыми гостями, какихъ бы я желалъ встрѣтить на праздникѣ у моея Маріи. А, и Альбуцеръ здѣсь. Ужъ это не опъ ли нагналъ на васъ грусть и скуку? Здравствуй Альбуцеръ, какъ это ты попалъ сюда?..

Альбуцеръ. Пришелъ, государь, думая сдѣлать вамъ угодное. Оставилъ дѣла государственныя, да ихъ и не много у меня теперь; съ такой участницей и помощницей, какъ синьора Марія, не залежится... Спасибо, что хоть есть время отдохнуть и повеселиться. Но если я кажусь вамъ пеловникомъ и неумью найтись на такомъ пышномъ праздникѣ, то извините государь, въ мои лета трудно сохранить пылкость и безпечность юности; а вотъ этимъ молодымъ людямъ и я удивляюсь не меньше вашего, съ чего они такъ задумчивы. (*Показываетъ Падилья, Альбуцеръ, увидѣвъ его*). Но вотъ этотъ господинъ развеселить кажется насъ всѣхъ... (*всѣ оборачиваются и смотрятъ съ любопытствомъ на Падилью*). Кто это такой? И какъ одѣтъ, ну ни дать ни взять, чудесникъ на Севильской ярмаркѣ..

Серда (къ Прадо). Это тотъ самый кавалеръ, который былъ утромъ здѣсь?

Прадо. Тотъ самый, полуумный...

Барцело. Что ему тутъ надобно?

Серда. Онъ подходитъ къ намъ.

Падилья, (обращаясь къ предстоящимъ). Синьоры, могу ли я здѣсь на праздникѣ встрѣтить короля, гдѣ опъ?

Педро. Зачѣмъ вамъ его?

Падилья. Еслибъ и не съ простымъ любопытствомъ, а съ участіемъ спрашивали вы меня, молодой человекъ, то и тутъ я не могъ бы сказать вамъ прежде времени.

Педро. Это какаѣ нибудь плачевная исторія, и рассказъ объ ней можетъ всѣхъ насъ растроить, благодарю васъ, благодарю, что вы избавляете меня отъ такой доверенности—врядъ ли и король, когда вы его отыщете, не раскланяется съ вами также, какъ и я... (*Кланяется иронически и хочетъ идти*).

Падилья. Въ немъ вѣроятно осталась хоть отцовская внимательность?

Педро, (остановившись, съ живостью). Старикъ! что хочешь ты сказать?

Падилья, (не отвѣчая на вопросъ, продолжаетъ). Альфонсъ слушалъ правду, хоть и доводилось ему никогда краснѣть за свою свисходительность. Альфонсъ не сдѣлалъ въ жизни своей ни одного дѣла, которое заслуживало бы упрекъ; Альфонсъ не растроивалъ семейнаго счастья своихъ подданныхъ, не унижалъ пятномъ безславія ему преданныхъ вассаловъ, не отнималъ дочерей, не преслѣдовалъ братьевъ, не доводилъ отцовъ до отчаянья...

Педро, (встревоженный). Остановись, старикъ... Похвалы отцу въ глазахъ сына, хуже лести. Говори мнѣ, чего ты хочешь, я донъ Педро...

Падилья. Я все сказалъ...

Донъ Педро. Твое имя?

Падилья. У меня нѣтъ его, оно поругано, отнято тобою.

Педро (стремительно беретъ его за руку и отвѣдъ отъ толпы тихо). Замоли старикъ! замоли... Я знаю тебя, по ты несудья постыжковъ ни моихъ, ни дочери... Видишь я тебя знаю. Она оправдается скоро; мнѣ узнаеть ея невинность, мнѣ прославить ее. Ты только не измѣнай намъ. Молчи! молчи старикъ... Скройся...

Падилья, (вырывая руку и громко). Мнѣ скрываться?.. мнѣ потворствовать позору...

Педро (перебивая). Умолкнешь ли, безумецъ!.. (*про себя*). Пускай еще разъ назовутъ меня жестокимъ... (*Громко*). Стража! стража! (*показывая на Падилью*). Въ тюрьму!.. (*Гранды окружаютъ Падилью, стража обезоруживаетъ его и уводитъ. Педро подзываетъ къ себѣ Серду тихо*). Выпроводить его изъ Севиліи, и не впускать въ городъ, а тамъ пусть будетъ онъ свободенъ. (*Громко*) Но гдѣ же Марія? Не мудрено, что такъ скучно, въ души праздника... Я найду ее... (*Уходитъ въ одну сторону, а въ противоположную бѣгаетъ Марія*).

ДВЕНІЕ ІХ.

Марія и прежніе, кромѣ донъ Педро, Падилья и Серды.

Марія (въ волненіи). Гдѣ онъ? Гдѣ? скажите мнѣ... умоляю васъ, скажите мнѣ...

Альбукеркъ (съ притворнымъ участіемъ). Кто сивьора? не этотъ ли несчастный старикъ, который такъ растроилъ насъ всѣхъ...

Марія. Гдѣ онъ? Гдѣ?..

Альбукеркъ. Такой бѣдный, жалкій и незнаю чѣмъ могъ онъ прогнѣвить короля? За что было посадить его въ тюрьму...

Марія (въ изумленіи). Въ тюрьму?

Альбукеркъ. Да, сивьора, въ тюрьму... Онъ такой право несчастный кажется и еще чуть ли не помѣшанный... Пришелъ сюда, сталъ искать молодого короля, рассказывать о покойномъ государѣ, хвалить его, толковать о томъ, что Альфонсъ не отнималъ дочерей, не доводилъ до отчаянья отцовъ, не безчестилъ ихъ... и Богъ знаетъ чего не наговорилъ онъ, потомъ, кажется, сталъ упрекать и донъ Педро въ чемъ-то, тотъ велѣлъ молчать, старикъ не послушался, король прогнѣвался, и велѣлъ посадить его въ тюрьму...

Марія (въ отчаяніи). Въ тюрьму... | даетъ... О горе мнѣ! Горел!.. (Убываетъ,
его... отца моего... Слышите ли, отца... | за ней уходитъ весь дворъ, кромѣ Аль-
Придворные (шепчутъ). Отца ея? Па- | букерна и Переца).

дилью!..

Марія. О Боже, и Ты оставилъ меня!..
Отецъ въ тюрьмѣ, а дочь въ объятыхъ
королевскихъ... Довѣ Педро, ты заслу-
живаешь имя жестокаго... Долой же въ-
пецъ алмазный!.. Вонъ изъ этихъ раззо-
лоченныхъ палатъ, гдѣ не дали пріюта
отцу обладательницы народа... Прочь
почести! Прочь блескъ и слава, которыя
ослабляли меня! Марія! исполни на-
коонецъ долгъ любви дочерней... къ нему!
къ нему скорѣе... онъ томится, стра-

*Альбукеркъ (смотритъ ей въ слѣдъ
и хохочетъ).* Что сеньора, совѣтница,
участница въ дѣлахъ государствевныхъ,
каково класть пальцы между дверей ка-
бинета министерскаго?.. Узнаешь, что зна-
чить мѣшать Альбукерпу... Перець! Те-
перь твое дѣло; вотъ письмо, довѣри-
тельная твоя грамота, бери копя, скачи
на гранпцу Кастиліи и зови сюда Блапку
Бурбонскую отъ имени матери королевы.
(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Готическая комната въ домѣ Сильвы, двери посрединѣ и по бокамъ. Напередѣ столъ, на
которомъ тускло горитъ лампа.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мануэль входитъ въ среднюю дверь; *Фениса*
въ боковую.

Мануэль. Ну, спокойно ли ему въ
нашемъ бѣдномъ домѣ? не говорилъ ли
онъ чего нибудь?

Фениса. Нѣтъ еще. Съ тѣхъ поръ,
какъ я его нашла въ окрестностяхъ Се-
виліи въ самомъ жалкомъ положеніи, при-
вела сюда, уложила въ постель, ни одинъ
еще стопъ не вырвался изъ груди его;
онъ какъ будто въ забытіи.

Мануэль. О, если бы онъ остался въ
этомъ забвеніи всего прошлаго.

Фениса. Какъ, чтобы онъ не примѣ-
тилъ переменъ своего положенія, непри-
зналъ нашей любви... О! это было бы
очень горько... Онъ только дремлетъ те-
перь, *Мануэль.*

Мануэль. О, если бы онъ не просыпал-
ся никогда!..

Фениса (горестно). Довѣ Мануэлю!

Мануэль. Да, Фениса, я говорю это
отъ души; тогда бы, покрайней мѣрѣ,
былъ конецъ его страданіямъ.

Фениса. Но повошеніе, позоръ се-
стры, заключеніе старика въ тюрьму,
хотя и мнѣмое, развѣ не переживуть его...

Мануэль. Я смою это пятно, я от-
мщу за Падилью.

Фениса. Что ты хочешь дѣлать, Ма-
нуэль?

Мануэль. Я? я пойду къ Траста-
марѣ...

Фениса. Но онъ заключилъ миръ.

Мануэль. Я снова возмущу его и
пойду войвой на дона Педро.

Фениса. Опять война, опять кровопролитіе.

Мануэль. Ими только можно смять безславіе двухъ знаменитѣйшихъ домовъ Кастиліи — Падилья и Сильвы, или погибнуть въ нихъ и послѣднимъ отраслямъ благородныхъ семей. Я рѣшился, Фениса, ступай и готовься къ отъезду. (*Фениса уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Мануэль (одинъ). О Мануэль! Мануэль! Удастся-ли тебѣ снова востановить брата па брата и благословить ли небо твое не доброе дѣло... Кто-то идетъ?..

ЯВЛЕНІЕ III.

МАРІЯ И МАНУЭЛЬ.

Марія (входя въ переднюю дверь). Это я, синьоръ де Сильва.

Мануэль (въ изумленіи). Вы? Марія! Обладательница Кастиліи, сердца короля?.. Вы въ бѣдномъ приютѣ опозоренныхъ дворянъ?..

Марія. Я въ домѣ брата моего, въ домѣ близкихъ сердцу и прошу объ одномъ: не отталкивать меня, позволить мнѣ снова заключиться въ ихъ объятія...

Мануэль. Чтобъ снова измѣнить имъ и заклеить этихъ бѣдныхъ близкимъ ношеніемъ?..

Марія. Неужели Мануэль и униженіе мое не смягчитъ сердца вашего, я болѣе не приближенная къ донъ Педро, не первая дама двора его, я дочь Падилья, сестра Фенисы, Мануэля...

Мануэль, (перебивая). Исключите меня, пожалуйста, прошу васъ Марія...

Марія, (съ грустью). Такъ вѣтъ прощенья для Маріи въ этомъ домѣ...

Мануэль (значительно). Здѣсь есть

участіе и любовь для страждущимъ, но есть и проклятія для преступныхъ... Я позову къ вамъ сестру вашу. (*Уходитъ*).

Марія (одна). Жизнь его была на волоскѣ, палачъ ждалъ своей жертвы — Я спасла его — и вотъ награда... О Марія! Крѣпись, это начало только твоего испытанія. (*Входитъ Фениса*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРІЯ И ФЕНИСА.

Фениса. Меня увѣдомила донъ Мануэль о вашемъ приходѣ, Марія. Первая дама въ королевствѣ въ нашемъ домѣ! Я невѣрила, сомнѣвалась, но теперь...

Марія (съ живостію). Сестра моя, Фениса, за что эта холодность, это равнодушіе, такъ ли встрѣтила я тебя, такъ ли приняла, въ минуту твоего горя и страданій?..

Фениса. Нѣтъ раззолоченныхъ палатъ, нѣтъ роскоши, гдѣ взять ихъ, я не придворная, не обладательница всѣми сокровищами Кастиліи, у меня нѣтъ садовъ, фонтановъ, огней потѣшныхъ для вашего увеселенія; нѣтъ праздниковъ, свиты, музыки, для вашей встрѣчи... Есть одно... (*Слышны стоны въ боковой комнатѣ*). Слышите ли?.. Есть стоны и вопли вами обезславленнаго, измученнаго, убитаго отца... Слышите ли—это его стоны...

Марія. Къ нему! къ нему! Въ немъ осталась еще жалость, онъ проститъ Марію, онъ приметъ Марію, онъ приметъ ее, когда всѣ отвергнули... (*Въжигъ къ двери, но дверь растворяется, выходитъ Падилья*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ПАДИЛЬЯ, МАРІЯ И ФЕНИСА.

Падилья, (остановился. Онъ въ сумъ-

существо). Все кончено... приговоръ подписанъ. Неумолимъ король. О, дайте мнѣ, дайте только проститься съ моими близкими, милыми дѣтьми... Тюремщикъ обѣщався отворить дверь... Онъ проведетъ ихъ... Чу! скрипитъ замокъ... Это они! Они... сладко, сладко взглянуть на нихъ, прижать къ этому измученному, отцовскому сердцу, но грустно подумать — это въ послѣдній разъ, это послѣднее прости... (*Плачетъ*). Они вошли... Прочь слезы, прочь! не отравляйте мнѣ послѣдней радостной минуты, не мѣшайте мнѣ насмотрѣться до сыта на дѣтей моихъ... Это ты, Фениса. (*Подходитъ и обнимаетъ ее*). Не плачь, не плачь, дитя мое... Что же дѣлать... Такъ Богъ судилъ... За дерзость мою, за нарушеніе приличій, за смѣлость, съ которой я хотѣлъ было только упрекнуть короля — я долженъ быть наказанъ, и это чувствую и иду съ покорностью достойной казни... Не плачь же, не плачь...

Фениса. Силы небесныя! разсудокъ его помрачился. Позову Мануэля.

(*Уходитъ*).

Падилья. А гдѣ же она? (*Шопотомъ*) Она... Марія... (*Громко*). Блѣдная грѣшница! Въ эту минуту я простилъ бы и ее... (*Марія подходитъ и съ жаромъ цѣлуетъ его руку*). А, вотъ она!.. вотъ она... (*Ласкаетъ ее*).

Марія. Батюшка! батюшка! умоляю васъ, выслушайте меня: я пенина, я преступна только тѣмъ, что оклеветала меня молва, вотъ доказательство, смотрите, смотрите... (*Вынимаетъ изъ-за пояса письмо*) Это письмо, это свидѣтельство — его скрѣпилъ священникъ нашей домовой церкви, передъ олтаремъ, когда вѣнчалъ меня съ донь Педро... слушайте! слушайте... (*Читаетъ*) «Я, король Кастиліи и Леона, утверждаю передъ Богомъ и святою церковью, что выпче, передъ олтаремъ, далъ клятву Маріи де Падильи въ супружеской вѣрности.»

Падилья, (*пристально глядитъ на письмо*).

Марія. А! Боже милостивый! Онъ кажется приходитъ въ себя, беретъ письмо... О, возьмите, батюшка, возьмите... читайте его сами...

Падилья (*беретъ письмо*). Я его знаю дочь моя, я читалъ его уже у Албукерка, это свидѣтельство моего позора, это извѣстіе о томъ, что ты попала въ милость королевскую...

Марія. Что я его жена, закопая жсна...

Падилья. И ты еще хочешь обмануть меня... въ такую минуту... ты смѣешься надомпою... развѣ я невижу, что написано... Стыдно Марія, стыдно... (*Сжигаетъ письмо на лампѣ*). Давно бы такъ надобно уничтожить — это роковое свидѣтельство твоего позора...

Марія (*въ отчаяніи*). Милостивый Боже! все кончено...

Падилья. Въ чемъ ты отчаяваешься, въ чемъ сокрушаешься, милое дитя мое?.. Благодарю меня, что уничтожилъ это свидѣтельство... Теперь кто уличитъ тебя? молва, слухи — и Марія — поговорятъ и перестанутъ... доказательства — зналъ одинъ я, одинъ я читалъ ихъ, такъ что ж?.. меня нечего болтаться, не продамъ тебя, не выдамъ на позоръ и поношеніе... да я и умру скоро... Чу! идутъ... идутъ... это за мной... Священника! священника!.. (*Становится на колѣна*). Прими, святой отецъ, мою прелесмертную исповѣдь: грѣшенъ я; во грѣхъ подстрѣкнулъ меня, не гордость, не суесть мірская, — излишняя, безумная любовь родительская — вотъ мое преступленіе... Боже, въ руды твои предаю духъ мой... Эшафотъ, плаха... готово... готово... (*Склоняетъ голову и умираетъ*).

Марія, (*подбѣгая къ нему и судорожно, дотрогиваясь до его головы и сердца*). Творецъ небесный! Онъ холодеетъ! не льщеть... Онъ умеръ... помогите, помогите!.. (*Вбѣгаютъ Фениса, Мануэль и слуги*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Тронная зала во дворцѣ Севильскомъ; задняя декорация поднимается и за нею виденъ тронъ и входы съ боковъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Прадо и Барцело, входятъ съ одной стороны; Серда съ другой.

Прадо. Ну Серда, вѣришь ли ты теперь этой свадьбѣ?

Серда. Если бъ и самъ не убѣдился собственными моими глазами, я бы всегда считалъ это за пустой слухъ, выдуманный болтунами.

Барцело. Такъ Марія стало быть въ отставку и ужъ законная королева будетъ нашей первой дамой и защитницей въ случаѣ.

Серда. Не совѣтовалъ бы и такъ скоро отрѣкаться вслухъ отъ прежнихъ чувствъ и образа мыслей. Нареченныхъ супруговъ только что благословили вчера, а кто поручится, что нынѣшній день будетъ похожъ на вчерашній.

Барцело. Привѣтствую только восходящее свѣтло, а заходящему «добрый путь»...

Серда. Всякій по своему думаетъ, для меня и заходящее солнце всегла увоситъ съ собою благодарность за то, что свѣтло и грѣло...

Прадо. Но что король?

Барцело. Обстоятельства дурны, такъ по неволѣ согласишься на все. Прошедшую ночь опъ, по обыкновенью, провелъ въ молитвѣ и съ своимъ духовникомъ.

Прадо. А Альбукеркъ въ ходу, какъ и прежде?

Барцело. Еще бы. Эта хитрая лисица во время развернула свой пушной хвостъ, объяснила королю всю шаткость

положенія дѣла Кастиліи, настроила королеву мать, припустила смертью Гонзалеса и выманила у короля, можетъ быть и противъ воли, согласіе на новый бракъ, какъ на средство угомонить все и поправить дѣла Кастиліи на счетъ Бургундіи.

Прадо. Тсъ! идетъ Альбукеркъ...

ЯВЛЕНІЕ II.

Альбукеркъ и пражія.

Альбукеркъ. Наступило наконецъ то время, синьоры, когда Кастилія освѣтится благословеніемъ Божиимъ. Поздравляю васъ, король теперь свободенъ; соединится съ законной супругой и, не будетъ уже теперь тѣхъ смуть и безпорядковъ, которые прежде нарушали его благословенное царствованіе. Король придетъ сюда и, я прошу васъ, оставитъ меня съ нимъ пачеиѣ. Въмѣстѣ, поручаю вамъ дать намъ знать, когда прибудетъ допа Бланка, до свиданья!.. (*Прадо, Барцело, Серда уходятъ въ одну сторону, допъ Педро входитъ съ другой стороны.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Педро и Альбукеркъ.

Педро, безъ шляпы и плаща говоритъ про себя. Она оставила меня... О Марія! Марія! Тяжка рана въ моемъ

сердцѣ и несешь къ мѣрзавцу... Забыть ее, забыть Марію — это долгъ моего призванія, обязанность какъ короля, — разорвать прежнія клятвы, уничтожить всѣ прежнія привязанности, разтерзать это блѣдное сердце и смотрѣть равнодушно на окровавленную его язву, потому только, что приличія и нужды Кастиліи того требуютъ, точить кровь, мою царскую кровь и утучнять ею почву благоденствія моего народа... Ты призванъ на этотъ подвигъ, твердишь мнѣ современность, возгласишь, можетъ быть, потомство... Подвигъ... подвигъ... Пусть такъ, подкрѣпи меня, о Боже! въ этомъ подвигѣ...

Альбукеркъ. Государь! матушка ваша, королева, поручила мнѣ передать вамъ ея признательность за послушаніе. Народъ Кастиліи въ моемъ лицѣ привѣтствуетъ васъ съ похвалою, благодарить за жертву, которую принесли вы его благоденствію.

Педро. Думаетъ ли народъ объ этомъ? Не были оди, такъ затѣйливо, сложили для меня это торжественное привѣтствіе?

Альбукеркъ. Какъ министръ государя, я органъ народа. Я долженъ привѣтствовать.

Педро. За чѣмъ и съ чѣмъ?

Альбукеркъ. Съ наступающимъ бракомъ, съ водвореніемъ порядка и спокойствія въ королевствѣ, съ прекращеніемъ зла, корни котораго такъ были близки трона. О государь! Вы истинно совершили подвигъ, срубивши это ядовитое дерево которое душило своимъ тлетворнымъ испареніемъ самыхъ близкихъ, самыхъ скрепленныхъ слугъ вашихъ...

Педро (съ негодованіемъ). Ложь! оно было не ядовито, не я срубилъ его и бойтеся, чтобы срубленное, оно не придавило червей, которые зажило точили его... Корни его здѣсь, въ этомъ гранитномъ, желѣзномъ сердцѣ и горе, можетъ быть, Кастиліи, осявненной вѣтвями благодѣянаго, а не ядовитаго дерева, срубленнаго вами... Гдѣ Марія?..

Альбукеркъ. Слышно въ Санъ-Лукиѣ, и я приму все мѣры, чтобы она не являлась болѣе въ столицѣ королевства.

Педро. Какъ? Марія испытаетъ притѣсненія?... Головой! головой отвѣтите вы мнѣ за ея свободу, слышите ли министръ, вездѣ и всюду свободный доступъ для Маріи. За оскорбленіе ея, оскорбитель заплатитъ мнѣ жизнью, за утѣсненія — свободой и за одну слезу, которую прольетъ Марія въ страданьяхъ и униженіи, можетъ быть, замышленныхъ вами, мнѣ мало будетъ всей крови твоей и твоихъ клеветовъ, а за жизнь — пять пытки, пять изтлзашья... но я изобрѣту ихъ и мѣръ затрещетъ отъ моего изобрѣтенія... А, до тѣхъ поръ, я, вашъ слуга... Я женщинъ и мужъ Бланки Бургундской... (*Входитъ Серда*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Серда и прежніе.

Серда. Невѣста короля идетъ съ процессіею въ тронную залу; народъ оглашаетъ воздухъ кликами радости.

Педро (самъ съ собою). Тотъ же народъ рукоплескалъ бы и Маріи... Боже! подкрѣпи меня... (*Громко къ Альбукерку*). Пойдемъ навстрѣчу... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Марія и Серда.

Серда (не видя Маріи). О Педро! Педро! какъ не скрываешь ты, какъ не хочешь ты быть покорнымъ роковой необходимости, ты не можешь забыть Маріи, ты страдаешь душою по пей? Предстоишь обрядъ вѣнчальный тяжеле для тебя, чѣмъ для инаго погрѣбальныи. Гдѣ-то невольная жертва твоя? гдѣ-то блѣдная Марія? (*Оборачивается и видитъ, въ углубленіи сцены, Марію*). Боже

мой! что я вижу? Не призракъ ли ея? это она! она, Марія...

Марія, (подходя въ задумчивости къ авансценѣ). Такъ это не обманъ, не ложные слухи... Я невѣрила имъ... я вѣрила любви донъ Педро... Неужели онъ изменяетъ мнѣ, женится?.. А клятва, допъ Педро, клятва твоя предъ алтаремъ, въ глазахъ священнослужителя, передъ Богомъ, вѣчно любить меня, вѣчно быть мнѣ вѣрнымъ?.. О допъ Педро! люди, міръ, совѣсть твоя, даже я сама могу простить тебя, но опъ, Сердцевѣдецъ предвѣчный, опъ не проститъ тебя и тяжка будетъ его кара... *(съ грустью, разсматривая окружающіе предметы).* Давно ли весь этотъ блестящій хламъ былъ моею собственностью? Давно ли толпа поклонниковъ окружала меня, давно ли точились медовыя рѣки лести моей красотѣ, уму, достоинствамъ, а теперь, униженная и презрѣнная, я брошена на жертву тоскѣ и грусти, и не съ кѣмъ разделить ихъ, не кому вѣрится душаю...

Серда (тихо). Марія...

Марія. Боже! кто здѣсь, кто видѣлъ грусть мою, мой страданія. Прочь слезы—я не плакать пришла сюда...

Серда. Это я, Марія, я, предавший вамъ погребъ Серда, располагайте мною, приказывайте, я на все готовъ для васъ, готовъ даже быть мстителемъ вашимъ...

Марія (съ горькой улыбкой). Одишь, изъ сонма моихъ поклонниковъ, вѣрный рыцарь забытой лампы... Но гдѣ жетъ прелести, та красота, умъ и любовь, которымъ ты клялся вѣкъ неизмѣнить? Смотри на нихъ, смотри: онъ поблекли, онъ измѣнили... Ты не отступился отъ твоей клятвы?.. Нѣтъ... благодарю Серда, благодарю за предлагаемыя услуги: я сама смогу отмстить за себя...

Голоса (за кулисами). Да здравствуетъ король! да здравствуетъ Бланка Бурбонская!..

Марія (въ сильномъ волненіи). Чу! народный кликъ! задранный кликъ! и не тебѣ, Марія... О Боже! у меня отняли

царство, сподоби меня возвратить честь мою... Гдѣ они? гдѣ хищники мои?.. *(Въжиданіи отъ авансцены, но увидѣвъ входящую процессію, останавливается въ оцепенѣніи).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Донъ Педро, Бланка Бурбонская, Альбукеркъ, весь дворъ, Канцлеръ, избранные отъ всехъ сословій народа и пражіе.

Канцлеръ (торжественно). Донъ Педро, король Кастиліи и Леона, клянется въ супружеской вѣрности Бланкѣ Бурбонской и возлагаетъ самъ всенародно корону на главу ея. *(Подноситъ корону на подушкѣ къ королю).*

Марія, (выходя на середину съ торжественнымъ движеніемъ). Клятва не уничтожаетъ клятвы, король обвѣчанъ и я законная жена его... *(Педро выпускаетъ изъ рукъ корону, Бланка съ воплемъ падаетъ въ обморокъ, въ толпѣ смѣненіе).*

Марія, (хватая корону). Ко мнѣ! ко мнѣ! законная давь законной и достойнейшей! укрась главу, увѣнчаную вѣнцомъ терновымъ, я выстрадала тебя, выстрадала пыткой и униженіемъ... *(Надвѣваетъ корону).* Кастильцы! Кляпуть Богомъ, совѣстью, гробомъ матери моей, она по праву принадлежитъ мнѣ—я жена донъ Педро, я законная королева паша... И тотъ, кто малодушно увлеченный козвими, въ минуту заблужденія готовъ былъ нарушить обѣтъ, король вашъ, король Кастиліи въ эту страшную минуту, предъ лицомъ вашимъ, не отречется отъ меня...

Педро, (умоляя). Марія...

Марія. Да, опъ Педро! Да... ты потечешься... Умоляю тебя! умоляю вѣсьмъ, что есть святаго для тебя... Подтверди, подтверди передъ нами мою клятву...

Донъ Педро (въ изнеможеніи). Боже праведный, да будетъ твоя святая воля...

Само небо послало ее, чтобъ удержать меня отъ клятвопреступленья... Марія!.. законная моя супруга... ко мнѣ! ко мнѣ на грудь и никакія силы ада не вырвутъ тебя изъ моихъ объятій... (*Хочетъ обнять ее*).

Маріа, (удерживал его и обращалъ къ престолу). Слышали!.. Теперь я чиста передъ вами... (*Оборачивается къ донъ Педро и смотритъ на него, нѣсколько времени съ грустью*). Такъ являясь онъ мнѣ въ мечтахъ моей юности... Такъ блистателенъ, такъ молодъ, пылокъ, такъ казалось любилъ меня... Мечты! мечты! вы обманули Марію...

Педро (умоляя). Марія! Марія! прости меня...

Маріа (спокойно). Какъ вѣрвал вѣрв отповъ моихъ, какъ христіанка прошаяю, какъ жена твоя... (*Остановливается, выхватываетъ книжку и заикается*). Ты свободенъ... (*падаетъ*).

Педро, (поддерживал ее). Марія! Марія! О ужасъ!..

Маріа, (умирает). Ты видишь, я была достойна тебя, донь Педро... Во мнѣ достало мужества и защитить честь мою и успокоить твою Кастилію моею смертью... (*Умираетъ*).

АДАМЪ ЭЛЕНШЛЕГЕРЪ,

ДАТСКІЙ ПОЭТЪ (*).

Биографическій очеркъ О. Котм.

До XVIII вѣка въ Давіи не было литературы. Весь ея произведеніи ограничивались подражаніями литературамъ французской и пѣмецкой. Но въ XVIII столѣтіи вся Европа огласилась славою Голберга, такъ удачно прозваннаго съвернымъ Мольеромъ. Вслѣдъ за нимъ явился Эвальдъ, поэтъ и трагикъ, безсмертный творецъ «*Rolf Krage*» и «*Valdurs Doed*», потомъ Вессель и Баггезенъ, и наконецъ Эленшлегеръ, самый плодовитый и самый счастливый гевій съвера.

Адамъ Эленшлегеръ родился 16-го ноября, 1779 года. Въ слѣдующемъ году отецъ его былъ опредѣленъ пачальникомъ капеллы и смотрителемъ замка Фредериксберга. Объ должностяхъ такъ мало вознаграждали его, что онъ не могъ содержать сына своего въ копенгагенскомъ пансіонѣ. Онъ отдалъ его въ школу къ одной почтовой старушкѣ, которая, за небольшую плату, учила, какъ умѣла, маленькаго Адама — читать и писать. Время, свободное отъ уроковъ, Эленшлегеръ проводилъ въ коро-

левскомъ замкѣ съ своимъ отцомъ, матерью и сестрою. Но когда пастушала зима и дворъ возвращался въ городъ, — тогда, говоритъ Эленшлегеръ, мы оставались одни въ опустыломъ замкѣ, съ двумя служителями, да парюю огромныхъ желтыхъ собакъ. Весь домъ былъ въ нашемъ распоряженіи, и я ходилъ изъ комнаты въ комнату, разсматривалъ картины и предавался мечтамъ своего воображенія. — Въ одну изъ такихъ прогулокъ, Эленшлегеръ, еще девятилѣтній мальчикъ, вдругъ почувствовалъ какое-то безсознательное желаніе писать стихи. И первый его опытъ былъ переложеніе псалма. Потомъ, читая Голберга, онъ одушевился имъ, и въ подражаніе ему написалъ театральную піесу. Въ младечествѣ слышалъ онъ разные рассказы о путешествіяхъ, волшебствахъ, разбойникахъ, и въ послѣдствіи изъ этихъ сказокъ извлекалъ сюжеты для своихъ драмъ. Эленшлегеръ разыгрывалъ свои сочиненія въ большой залѣ замка; сестра его записывала амплуа матерей и пѣтрныхъ любовницъ, а одинъ изъ школь-

(*) Мы печатаемъ эту статью для поясненія портрета Эленшлегера, приложеннаго къ этому номеру «Пантеона».

ныхъ товарищей имѣлъ удивительный талантъ представлять *тирановъ* — въ драмѣ и римскихъ императоровъ — въ трагедии. Это принуждало Эленшлегера составлять свой репертуаръ изъ такихъ пьесъ, которыя вертѣлись не болѣе, какъ на трехъ лицахъ.

Между тѣмъ, время шло своимъ чередомъ, годъ уходилъ за годомъ и Эленшлегеръ долженъ былъ оставить школу, чтобъ приняться за какое нибудь занятіе, и свои маленькія драмы, чтобъ выбрать роль въ большой комедіи, называемой *жизнью*. Лучшею ролею въ этой комедіи ему казалось амплуа — ни кѣмъ необманутаго и всѣхъ морочащаго — актера — и онъ сдѣлался актеромъ. Но скоро онъ увидѣлъ, что ошибся въ выборѣ; изнапка кулисъ ему опротивляла: онъ бросилъ это ремесло. Молодой поэтъ-мечтатель посвятилъ себя изученію правъ, подъ руководствомъ знаменитаго въ то время юриста Даниа, Эрстеда. Скоро, впрочемъ, наскучило ему и правовѣдѣніе, которое научало превосходнѣйшимъ законамъ, не всегда исполняемымъ; знакомство съ благороднѣйшимъ призваніемъ — *правосудіемъ*, и въ то же время опытомъ пояснило, что это правосудіе мягко, какъ воскъ, гибко, какъ перо, холодно, какъ ледъ и притяжательно къ золоту, какъ магнитъ къ желѣзу. Тогда онъ со всѣмъ жаромъ юности припаялся за изученіе литературы, взявши себя въ руководители старика Арвата. Святѣйшія чувства и мысли отлащать челоуѣчеству; трудиться и жить для просвѣщенія согражданъ привести лучшую часть души своей на жертву отчизнѣ и потѣмству: вотъ были его идеи. . . Увы! идеи юности — опытъ ихъ охолодилъ жгучимъ своимъ жаломъ, жизнь выжгла ихъ своимъ холоднымъ дуновѣіемъ.

Въ 1803 году, Эленшлегеръ издалъ первое собраніе своихъ стихотвореній: онъ имѣлъ большой успѣхъ. Въ 1804 издалъ онъ второе собраніе, которое посвятилъ наследному принцу. Принцъ наградила поэта, приказавъ выдать ему изъ государственнаго казначейства годовое жалованье. Награда эта была очень важна для молодаго поэта: она дала ему возможность осуществить давнишнюю

мысль — *путешествовать*. Не будемъ слѣзаться за нимъ по Пруссіи и Саксоніи, гдѣ онъ сошелся съ многими изъ своихъ германскихъ собратій по музѣ; умолчимъ объ его дружескихъ сношеніяхъ съ Гёте, безсмертнымъ представителемъ нѣмецкой поэзіи, и последуемъ за нимъ во Францію, которая имѣла наибольшее вліяніе на его развитіе въ послѣдствіи. Эленшлегеръ прибылъ въ Парижъ и поселился въ улицѣ *de Moulins*, въ скромной комнаткѣ голландской гостиницы. Въ Парижѣ почти цѣлые дни онъ проводилъ въ королевской библіотекѣ; рылся въ скандинавскихъ рукописяхъ, занимался археологическими изслѣдованіями и наконецъ написалъ одну изъ лучшихъ своихъ трагедій, «Пальнатоке», полную преданій глубокой древности съ вера.

Въ это время англичане бомбардировали Копенгагенъ, и чиновники министерства финансовъ такъ перепугались англійскихъ бомбъ, что совсѣмъ позабыли о бѣдномъ поэтѣ. Дни уходили, съ ними талеры. Бѣдный поэтъ долженъ былъ оставить свою комнатку въ гостиницѣ и подняться повыше, въ настоящую сферу поэтовъ и артистовъ, подъ сельное небо, на чердакъ трактира въ одномъ изъ предмѣстій. Но вотъ наконецъ желанный вексель прислалъ; по счету трактирщика, который выросталъ съ каждымъ днемъ, какъ таинственный призракъ, наконецъ созрѣлъ до необъятной ливны и сразу поглотилъ весь кошелекъ поэта. Почти по образу пѣсчаго хожденія, онъ долженъ былъ пуститься въ Штутгартъ, въ сопровожденіи однихъ милыхъ его сердцу витязей: «Гакова Арда» и «Пальнатоке.» Онъ хотѣлъ отыскать Котта, издателя гётевыхъ сочиненій, покровителя молодыхъ поэтовъ, чтобъ навсегда распроститься съ своимъ героемъ, но не засталъ Котта въ Штутгартѣ и долженъ былъ ждать его цѣлыя три недѣли, чуть-чуть не умирая съ голоду. Впрочемъ, богатый издатель, возвратясь, щедро заплатилъ за представленныя сочиненія и Эленшлегеръ отправился въ Италію. Протѣдомъ чрезъ Швейцарію, онъ посѣтилъ г-жу Сталь, у которой имѣлъ счастье видѣть всѣ зда-

менитости того времени, Шлегеля, Бенжамена Константа, Сисмонда де Сисмонди, Бонштеттена, скульптора Тика и Захарія Вернера. Провидательная Сталь появилась гений Эленшлегера. «На этомъ деревѣ» — говорила она объ немъ; — «выростутъ обильные плоды комедіи.» — Весною Эленшлегеръ переступилъ за Альпы. Природа юга благотворно подѣйствовала на его воображеніе: тутъ написалъ онъ множество лирическихъ вдохновеній, подъ вліяніемъ неба и воды Италіи. Онъ посѣтилъ Туринъ, Парму, Флоренцію, Римъ и Болонью. Классическая и вмѣстѣ поэтическая земля растопила закаленную природу сѣвера въ Эленшлегеръ и развила въ немъ любовь къ прекраснымъ формамъ. Подъ этими формами воображалъ онъ всегда идеаль, къ которому неслась душа его къ берегамъ Бельта, къ дѣвушкѣ — *блѣлокурой какъ амуръ, съ весною на щекахъ и небомъ въ глазахъ* (поэтическое опредѣленіе голубыхъ глазъ.)

Въ 1809 году, Эленшлегеръ возвратился въ Копенгагенъ. Слава его уже гремѣла въ Европѣ; друзья поэта ожидали его на берегу и встрѣтили съ торжествомъ. Въ 1810 г. его назначили профессоромъ университета. Въ профессорской мантии ему, наконецъ, представилась возможность превратить свой поэтический идеаль въ прозу жизни, т. е. завести для хозяйства своего жену, ту самую дѣвушку, съ классическими формами и небеснымъ взоромъ, — къ которой летѣлъ онъ мыслію изъ Рима.

Полобно Петраркѣ, Эленшлегеръ былъ увѣнчанъ въ родномъ Капитоліѣ. Шведскіе студенты воспѣвали его въ своихъ пѣсняхъ, а въ Лувдской соборной церквѣ поэтъ-епископъ, славный Тегнеръ, возложилъ на главу его вѣнокъ скандинавскаго барда. Въ вѣнокъ было много тервій: зависть прососала поэтическое чело до кроваваго пота. Но такова невѣдко участь таланта: въ литературѣ есть люди, непризванные для высокой цѣли, но достигающіе высокихъ степеней, покупая лествю свое значеніе.

Эленшлегеръ глубоко изучилъ перво-

бытныя преданія своей страны, и вложивъ ихъ героическими разсказами, онъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ и оригинальнѣйшихъ поэтовъ нашего времени. Чтобы лучше судить объ этой сторонѣ его таланта, приведу для примѣра одну изъ его балладъ, въ возможно близкомъ переводѣ.

А Г Н Е Т А.

БАЛЛАДА.

Агнета сидѣла на брегѣ морскомъ.
Лѣтнимъ рядъ волнъ на берегъ клубился;
Вдругъ валъ приподнялся косматымъ челомъ

И — царь водяной появился.

Горитъ чешуя на царѣ, какъ стекло,
Въ рукѣ не копье, — а весло на размахъ,
Улитка, какъ шлемъ, осѣняетъ чело,
А щить — скорлупа черепахи.

И мочья волосъ, по плечамъ старика,
Какъ будто трава на лужайкѣ,
И рывъ его странно рывка и дика,
Какъ голосъ испугавной чайки.

«Скажи мнѣ скорѣе, морской человекъ!
Мнѣ долго-ли ждать по пустому
Того, съ кѣмъ судьба жить судила мнѣ
вѣкъ?»

Вскрѣчала она водяному.

— Напрасно, красотка, душа твоя ждетъ, —
Ей царь отвѣчаетъ подводный,
— Красавецъ-мужчина къ тебѣ не придетъ..
Но я — твой женихъ благородный.

— Иизю я въ морѣ роскошный дворецъ:
Всѣ ствны его изъ кристалла;
Блеститъ изумрудный мой царскій вѣнецъ,
Какъ въ мѣрѣ ничто не блистало.

— Семьсотъ инъ тамъ служатъ красавицѣ
младыль:

Чело ихъ и гнѣвно и было,

Пол-тѣла у нихъ, какъ у женщинъ зем-
ныхъ,
Другое-же рыбье пол-тѣло.

— Какъ серна помчитъ тебя быстрый тю-
лень,

Какъ сядешь въ жемчужныя сани,
И съ пѣсню воздастъ тебѣ море, — что
день,
То новыя, дивныя дани.

— И въ царствѣ моемъ, подь зеленымъ шат-
ромъ,

Вся почва — жемчугъ да опалы,
На ней, какъ цвѣты подь весеннимъ лу-
чемъ,

Семьей прозябаютъ кораллы. —

«Коль правду сказалъ ты, морской чело-
вѣкъ,

Что страны подводныя нѣгою полны,
Готова твоею женою быть на вѣкъ!»
Сказала — и бросилась въ волны.

Сажаютъ ее въ камышовый челнокъ
Владыко морей горделивой,
И мчатъ его волны въ подземный чертогъ,
Любуясь четою счастливой.

Живетъ съ нимъ Агнета девятый ужъ годъ,
И въ морѣ съ дѣтми ей привольно.
Вотъ разъ она слышитъ... надъ зыбью водъ
Раздался вдругъ звонъ колокольной.

«Позволь мнѣ, супругъ мой» — сказала она,
«Въ храмъ Божій сходить — помолиться?»
— Ступай, отвѣчалъ онъ, — но помни, жена,
Черезъ день ты должна воротиться. —

Прощаться приходитъ она къ сыновьямъ;
Но дѣти пускать не хотѣли:
И слезы у старшихъ бѣгутъ по щекамъ,
Младенцы кричатъ въ колыбели.

Выносить на берегъ Агнету волна;
Глядитъ съ изумленьемъ Агнета:
Ахъ восемь ужъ лѣтъ не выдали они
Прекраснаго Божьяго свѣта!

Идетъ она къ прежнимъ подругамъ своимъ;
Привѣтъ ей — укорное слово:
«Двигаться съ тобой мы ничѣмъ не хотимъ,
«Не знаемъ жены водянаго.»

Вотъ храмъ освѣщенный горитъ, какъ въ
огнѣ:

Молиться одна ей отрада;
Но вдругъ обернулись иконы къ стѣнѣ
И гаснетъ святая лампада.

И къ берегу снова приходитъ она;
Ужъ солнце сошло съ небосклона;
И къ Богу зываетъ, печали полна:
«Прими Ты меня въ свое лоно!»

Вотъ на лугъ, гдѣ кустикъ филоккъ пе-
стрѣлъ,

Упала Агнета, рыдая,
И зябликъ надъ нею взвился и запѣлъ, —
Печально ей смерть предвѣщая.

И въ часъ, когда солнце прѣстилось съ
землей,

И два съ нимъ вѣсть навѣкъ опочила,
И быстро бѣгутъ къ ней волна за волной,
Песуть ее тихо на ложе изъ ила.

И трупъ ея три дни на днѣ пролежалъ,
Въ четвертый — вновь вынесли волны; —
Пастухъ подь скалою его увидалъ
И шляпу снялъ, вѣрою полный.

Въ песокъ глубоко скоронили ее,
И камень лежить на могилѣ,
Онъ днѣ и тяжелъ, и вѣтъ вокругъ него
Ни цвѣтка, ни плюща, ни ковыли.

Что утро, что вечеръ, какъ будто волной
Омытъ ея памятникъ вѣрный:
То плакать приходитъ надъ нимъ Водяной,
Наролю говорить суевѣрный.

Вымыселъ баллады, какъ ясно видно, принадлежитъ не Эленшлегеру: это по-этическое преданіе стѣвера, но онъ имъ превосходно воспользовался. Онъ придалъ ему колоритъ, обставилъ стихъ свой картинами и умѣлъ сохранить въ разсказѣ то мистическое сочетаніе истинной вѣры съ предрасудками язычества, которое такъ ярко характеризуетъ скандинавскую народную поэзію и о которомъ я имѣлъ уже случай однажды говорить въ «Мнѣніи о Некъ» (*). Тамъ, гдѣ

(* См. Лит. Газет. 1841 г. № 2.

дѣло коснется скольконибудь народности или древняго быта норманскаго, Эленшлегеръ превосходитъ: но въ собственныхъ лирическихъ созданіяхъ онъ гораздо слабѣе. Странно, что въ извѣстныхъ нашихъ журналахъ, говоря объ Эленшлегерѣ, превозносили выше всего лирической его талантъ, тогда, какъ мнѣ кажется, сколько и могъ изучить поэта въ его созданіяхъ, онъ несравненно выше въ драмѣ. Драма его стихія; въ драмѣ онъ Шекспиръ нашего вѣка. Едва-ли кто изъ современныхъ поэтовъ можетъ стать съ нимъ на ряду, какъ драматургъ. Эленшлегеръ *создаетъ* драму, а не пишетъ ее для театра. Бойкая кисть, обильное воображеніе, удивительная полнота мысли и лиризмъ самый увлекательный— вотъ отличительныя черты его формы; смѣлые характеры, положенія естественныя и сильныя, вездѣ природа, вездѣ званіе сердца и проникновеніе высокой идеей— составляютъ сущность его изобрѣтеній. Онъ мастерски выставляетъ вамъ *человѣка* подъ оболочкой своихъ героевъ. Эффекты у него не изысканы и потому приходятъ неожиданно, часто въ началѣ или въ срединѣ дѣйствія, тамъ, гдѣ замятой писатель для сцены, высчитывающій на успѣхъ въ представленіи, ни за что бы ихъ не помѣстилъ. Оттого они всегда рѣзки и въ высокой степени поражаютъ читателя своимъ вымысломъ и естественностію. Для поясненія этого приведу примѣръ изъ трагедіи его «Эрихъ и Авель».

Король Вальдемаръ, умирая, раздѣлилъ королевство между своими сыновьями: младшему, Эриху, отдалъ—Давію, старшему, Авелю—герцогство Шлезвигское. Оба брата ведутъ междоусобіе, пагубное для страны, прискорбное для народа. Въ первомъ дѣйствіи, раздраженный Эрихъ велитъ сильное войско въ Шлезвигъ, съ твердымъ намѣреніемъ сокрушить своего брата. На ночь оставивается онъ въ монастырѣ «черной братіи», гдѣ духовникъ его, епископъ Эгаръ, пріоромъ. Мстительный старецъ убѣждаетъ короля оставить свое страшное намѣреніе, — Эрихъ непоколебимъ. Вдругъ является старый монахъ къ при-

ору: онъ ходилъ въ Римъ, къ папѣ, съ поклономъ отъ обителя, и папа подарилъ ей превосходную картину, для украшенія церкви. Картину вносятъ; она задернута полотномъ. Въ это время звонъ призываетъ къ вечерней молитвѣ. Инокі откланиваются королю и уходятъ въ боковую дверь, ведущую въ храмъ. Король остается одинъ: онъ погруженъ въ мысли. Вдругъ, со всѣмъ жаромъ, пробуждается въ немъ ненависть къ брату. Онъ ходитъ взадъ и впередъ по кельѣ и съ клятвой мщніи срываетъ разсыянно покровъ съ картины:—передъ нимъ изображеніе Каина, убивающаго брата. Въ то же время въ церкви раздается торжественное Ave Maria, сопровождаемое звуками органа. Что можетъ быть прекраснѣе и поразительнѣе этой сцены?.. Но вотъ другая.—Король примирился съ братомъ. Онъ ночуетъ въ Шлезвигѣ, въ старомъ отцовскомъ дворцѣ. Гудмундзѣнъ, изгнанный королемъ царедворецъ, нашелъ себѣ убѣжище у Авеля и возбуждаетъ въ немъ подозрѣніе къ Эриху. Онъ раздуваетъ въ герцогѣ адское пламя властолюбія и, доведя его наконецъ до послѣдней степени ослѣпленія, спрашиваетъ: «Что же съ нимъ (т. е. съ королемъ) дѣлать?»—Дѣлай, что хочешь! отвѣчалъ Авель, и Гудмундзѣнъ убиваетъ короля—изъ личнаго мщенія. Гудмундзѣнъ, человекъ съ адскимъ характеромъ, когда надо выдерживать долгую борьбу для достиженія скрытой цѣли. Онъ сдѣлался любимцемъ короля, чтобъ сдѣлаться врагомъ его, и сталъ врагомъ Авеля, чтобъ сдѣлаться его зятемъ. Онъ трудился для того и другаго съ равнымъ усердіемъ, потому что трудился для себя самого: цѣль его была ни больше, ни меньше, какъ датскій престолъ. Стало быть, это мошенникъ крупнаго размѣра. Еще въ первомъ дѣйствіи, Гудмундзѣнъ заклеймилъ себя преступленіемъ: онъ убилъ благороднаго рыцаря Эмельторпа, который открылъ его коварныя замыслы королю. Въ пятомъ актѣ, по убійствѣ Эриха, Гудмундзѣнъ бѣжитъ изъ Даніи, подъ одеждой простаго крестьянина, преслѣдуемый не совѣстью, а новымъ королемъ, Авелемъ. На границѣ Шлез-

вита, есть бѣдный трактиръ. Постолянецъ въ немъ мало, одинъ только больной рыцарь проживаетъ тутъ праздно: это Эмельторпъ. Ранъ, нанесенныхъ ему мечемъ Гудмундзѣна, были не смертельны; но онъ теперь страдаетъ отъ другихъ ранъ, которыя попали ему прямо въ сердце: это вѣсть о смерти Эриха. Хозяйка трактира, страшная хлопотунья, чтобъ спастись отъ мухъ, которыя ей крайне надоедаютъ, послала молодого прислужника своего, полудурака Георга, къ лекарю, попросить отравы для мухъ. И вотъ словоохотный Георгъ принесъ цѣлую кружку съ растворомъ мышьяку, поставилъ ее на столъ и пустился съ рыцаремъ въ разговоръ о покойномъ королѣ и о его убійцѣ. Мимоходомъ говоритъ онъ, что дорогой встрѣтилъ крестьянина, который ссорился съ своимъ батракомъ... «Э! да вотъ онъ идетъ сюда», продолжалъ онъ, выглянувъ въ окно. Рыцарь смотритъ и узнаетъ въ крестьянинѣ—Гудмундзѣна. Онъ посылаетъ Георга въ свою комнату за мечемъ. Лѣвивый малый отговаривается усталостию и нетерпѣливый рыцарь самъ кидается за оружіемъ. Между тѣмъ вошелъ Гудмундзѣнъ. Завязывается разговоръ между нимъ и прислужникомъ. Ответы послѣдняго паивно глупы. Наконецъ Гудмундзѣнъ проситъ пить. — У насъ нѣтъ ни пива, ни меда!» отвѣчаетъ Георгъ. — Что-жъ у васъ есть? — «А вотъ, брага, коли хочешь—кушай на здоровье! Сварена не горько, и жажду чудно утоляетъ». — И съ этимъ словомъ онъ подвигаетъ къ нему — кружку съ ядомъ. Тотъ выпиваетъ ее залпомъ. Тутъ вбѣгаетъ Эмельторпъ съ мечемъ и оруженосцами. Гудмундзѣнъ хочетъ подняться и не можетъ: ядъ сильно дѣйствуетъ. «А, наконецъ попался ты мнѣ, убійца Эриха!» восклицаетъ рыцарь и кидается на противника. — Стой! говоритъ дурачѣкъ Георгъ, хладнокровно остававливая его руку:

Мечъ сберечь для лучшаго ты дѣла.
Ты сказывалъ, чт о тотъ витязь
Вкругъ короля леталъ, какъ муха,
И въ уши все жужжалъ... а ночью
Онъ выбралъ мѣсто, гдѣбы ловче уязвить...

Такъ я его назвалъ оружіемъ приличнымъ:
Мушкетнымъ зельемъ!

Этотъ простой и сильный характеръ поражаетъ неожиданностью своего проявленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ въ душѣ какое-то благородное вътрояніе въ человеческое чувство, въ какой бы грубой оболочкѣ оно ни затаилось. Такихъ характеровъ въ трагедіяхъ Эленшлегера тѣмъ. Объемъ статьи не позволяетъ мнѣ ознакомить читателя съ поэтическими сценами, которыя такъ обильно разсыпаны во всѣхъ его драмахъ. Въ нихъ-то особенно видна сила его творчества и свѣжесть воображенія.

Эленшлегеръ написалъ множество пьесъ драматическихъ: нѣбылъ на нѣмецкомъ языкѣ, другія на датскомъ, но самъ же переводилъ ихъ потомъ на нѣмецкій. Собраніе его сочиненій составляетъ до пятнадцати томовъ. Одинъ есть важный недостатокъ въ поэтѣ: онъ любитъ блеснуть своими свѣдѣніями въ скандинавскихъ древностяхъ и археологій, и часто нарочно пишетъ вводныя сцены, чтобъ только придаться къ чему нибудь и потолковать о любимыхъ своихъ рунахъ. Лучшія изъ его трагедій заимствованы изъ скандинавской мифологій. Первое мѣсто между ними занимаютъ: «Старкютеръ», «Аксель и Вальбургъ», «Гакбартъ и Синга», «Торленскіюльдъ», «Гаконъ Ярль», «Эрихъ и Авель», «Корреджій». Комическаго дарованія Эленшлегеръ совсѣмъ не имѣетъ. Комедіи его, всѣ до одной, слабы, и при сравненіи съ его громадными созданіями, могутъ почестъся не иначе, какъ забавою для развлеченія автора отъ трудовъ, болѣе важныхъ. Изъ нихъ лучше другихъ: «Робинзонъ въ Англіи» и драматическая сказка: «Лудламская пещера».

Наружность Эленшлегера, если вѣрять портрету, изданному въ Лейпцигѣ, совершенно оправдываетъ латинскую поговорку: *mens sana in corpore sano* (здравая мысль въ здоровомъ тѣлѣ). Онъ, по-видимому, довольно большого роста и крѣпко сложенъ. Большой, открытый лобъ, выразительные глаза, продолгова-

ГАЛИ.

ПОВѢСТЬ

А. Никитина.

І.

Была ночь, прелестная, июльская ночь, — и старушка Моска наслаждалась мирнымъ сномъ.

Въ небольшомъ кабинетъ, облокотясь на столъ, сидѣлъ молодой человекъ, блѣдный, но красивый собою; перелъ нимъ лежала исписанная тетрадь: онъ читалъ ее со вниманіемъ и поправлялъ гдѣ было нужно. Это былъ труженикъ, рожденный съ несчастною страстію къ поэзіи.

Нагорѣвшія свѣчи едва-едва освѣщали стѣны комнаты, увѣшанныя картинами.

— Боже мой! вы еще не спите? — говорилъ старикъ, входя въ кабинетъ писателя.

— Я уже кончилъ, еказалъ молодой человекъ, положивъ перо. Не знаешь ли, который часъ? я забылъ завести свои часы.

— Скоро третій. Охъ, ужъ только эти стихи! Ради Бога, пожалуйте свое здорovie, посмотрите, какъ вы перемѣнились; если бы барыня взглянула теперь на ваше лицо — она бы не узнала васъ.

— Ну полно болтать, Лаврентій.

— Эхъ, сударь! если бы я не любилъ

васъ, повѣрите не сказалъ бы ни слова, а мнѣ жаль васъ, Богъ видитъ.

Поэтъ вздохнулъ.

И что пользы въ этихъ стихахъ?

— Бѣдные люди! сказалъ молодой человекъ, пожавъ плечами.

Крупныя слезы выкатились изъ глазъ старика.

— Ты плачешь, Лаврентій?..

— Да, я плачу, и можетъ быть, въ первый разъ отъ роду. Не ужели вы думаете, что ваша жизнь не дорога тому, кто столько лѣтъ неразлученъ съ вами.

Въ это время багровый свѣтъ разлился по стѣнамъ комнаты.

— Пожаръ, пожаръ! вскричалъ поэтъ и, схвативъ фуражку, выбѣжалъ на улицу.

— Бѣдный, бѣдный мой баринъ, сказалъ, вздыхая, старикъ и отворилъ окно. Боже мой, какое страшное пламя!.. ахъ, какие ужасы!.. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

Передъ домомъ, объятымъ пламенемъ, толпился народъ. Крикъ, трескъ, шумъ, всё мѣшалось вмѣстѣ.

— Гали, Гали! дочь мою, дочь!.. кричала отчаяннымъ голосомъ дама. Боже

мой!.. она сгоритъ, спасите ее, спасите!

Любопытные обступили несчастную, но никто не внималъ ей молениямъ.

Вдругъ изъ толпы выбѣжалъ молодой человекъ, вылилъ на себя ведро воды и приставивъ лѣстницу къ окну, ползъ туда. Съ силою Геркулеса вышибъ онъ ставни и исчезъ въ дыму. Прошло уже довольно времени, но незнакомый не показывался.

— Онъ сгорѣлъ, говорили многіе. Одна лишь мать погибающей не теряла надежды; съ молитвою на устахъ стояла она на колыбеляхъ и, какъ страшнаго суда, ждала рѣшенія участи своей дочери.

Сильнѣе вспыхнуло пламя; одинъ уголь зданія обрушился; чорный дымъ появлялся, а избавителя не было видно.

Несчастливая мать домала въ отчаяніи руки.— Гали, милая моя Гали!.. бедная моя дочь... Господи!.. она погибла!..

Въ это время у окна показался молодой человекъ съ дѣвушкою на рукахъ; быстро спустился онъ по лѣстницѣ и положилъ драгоценную ношу на землю.

— Она умерла... отчаянно вскричала мать, и рыдая упала на грудь безчувственной дочери.

Со взоромъ, прикованнымъ къ блѣдному, но прелестному лицу дѣвушки, стоялъ, сложивъ на груди руки, избавитель ея, — оборванный, обгорѣлый. Онъ вовсе не заботился о себѣ. Можетъ быть, въ первый еще разъ въ жизни увидѣлъ онъ красавицу.

— У васъ кровь на рукѣ, не расшибли ли вы ея? сказалъ ему кто-то изъ зрителей.

— О, это ангелъ! проговорилъ молодой незнакомецъ.

— Поберегите себя, говорю я вамъ, вы, кажется, ранены.

— Боже мой! неужели она умретъ? примолвилъ избавитель.

— Онъ сумасшедшій! что съ нимъ говорить! сказалъ кто-то.

Скоро стараніями лекаря дѣвушка прилегла была въ чувство.

— Милая моя Гали!... бѣдное дитя мое... говорила въ восторгъ мать. Какой ангелъ возвратилъ мнѣ тебя, кому обязана я твоимъ спасеніемъ! сказала она, отыскивая глазами избавителя своей дочери, но его уже не было.

II.

— Что это, ты боленъ, мой милый? — Говорилъ молодой фравтъ, подходя къ постели своего другъ.

— Здравствуй Анатолій! сказалъ больной. Сядь возлѣ меня, мнѣ очень нужно поговорить съ тобою.

— Да скажи, ради Бога, отчего ты захворалъ?... Вчера вечеромъ ты былъ здоровехонекъ, проговорилъ Анатолій, придвинувъ стулъ къ кровати.

— Вчера?... О никогда не забуду я этого дня!...

— Да, сдѣлай милость, говори безъ восклицаній! Что это? у тебя опалены волосы и брови. Э!... теперь догадываюсь. Вся почти Москва трубитъ о какомъ-то молодомъ человекѣ, который вынесъ изъ огня дочь маіора Курскаго. — Вѣрно этотъ избавитель — ты?

— Да!... отвѣчалъ поэтъ со вздохомъ.

— А, поздравляю! ты влюбился въ нее? — И не мудрено: говорятъ, она прехорошенькая.

— Мало, милый, хороша; это ангелъ во плоти.

— Опять за поэзію; да перестанешь ли ты бредить стихами, говори, пожалуйста, прозой!

— И кто бы не любилъ ее, на моемъ мѣстѣ?

— О, ужъ разумѣется! Но о чемъ же ты вздыхаешь? Вѣрно она не дождетъ до такой глупости, чтобы отвергнуть любовь своего избавителя.

— Так думаешь ты?

— Да.

— Послушай, Анатолий, скажи откровенно, правилась ли тебе хоть одна женщина?

— Ну вот еще выдумал, тутъ нечего и спрашивать, я безъ ума при взглядѣ на каждое хорошенькое личико въ женскомъ платьѣ.

— И хотѣлъ сказать: любилъ ли ты?

— А я говорю тебѣ, что я любилъ, люблю и вѣчно буду любить.

— Одну?

— Одну!... Да что я за глупецъ!... Страшны вы, господа поэты; я не понимаю даже, что такое называете вы любовью?

— Не смѣйся, мой другъ, это священное чувство.

— О, что и говорить! А я такъ думаю, священнаго въ любви, рѣшительно нѣтъ ничего.

— Какъ?...

— Да! Послушай, неужели ты все еще ребенокъ? Неужели ты всё еще вѣришь ромамъ?... Право смѣшно.

— Но развѣ любовь моя романъ?

— И, мой милый, да на долго ли это? Посмотри пройдетъ, неделя два, три, ты узнаешь покорооче свою Сильфиду и, повѣрь мнѣ, не найдешь въ ней ничего особеннаго. Женщина, какова бы она ни была, всё женщина, всё та-же бѣдвенная Ева. Очарование пройдетъ, и ты даже забудешь, что былъ когда-то влюбленъ. Всё, что говорятъ и пишутъ про любовь, вздоръ.

— Нѣтъ, я не вѣрю тебѣ. Не можетъ быть, чтобы человекъ, полюбивъ одинъ разъ въ жизни, могъ опять разлюбить.

— Ты говоришь, что не можетъ быть: а сколько этому примѣровъ.

— Въ романахъ?

— Ну нѣтъ. Да! ты знаешь Сомова?

— Знаю!

— И онъ, подобно тебѣ, не хотѣлъ слу-

шать, что любовь одни только бредни сумасшедшихъ.

— Благодарю за комплиментъ! сказалъ поэтъ, улыбаясь.

— А развѣ это не правда?... Поэтому-то я и хочу избавить тебя отъ заразы. Сомовъ былъ просто глупецъ, а женившись сталъ вдвое глупѣе. Вѣдь надобно же было влюбиться въ мамзель Норову и, послѣ, навязать себѣ черта на шею. Желалъ бы право, чтобы ты посмотрѣлъ на эту семейную картину; — настоящій адъ.

— Ахъ, Анатолий! кто не зналъ мамзель Норову, кокетку, — одинъ Сомовъ... и ему было говорено, что онъ не будетъ съ нею счастливъ; кто же виноватъ, если онъ не послушался добрыхъ совѣтовъ?

— А! кто виноватъ!... Да ваша же священная любовь.

— Но послушай, люди не одинаковы; я никогда не сравню мамзель Норову, или теперь мамзель Сомову, съ милою, невинною Гали.

— Гали... Гали... да что это за санскритское имя?... Фамилія Курскихъ русская.

— И самъ я, въ первый еще разъ, слышу такое имя; по крайней мѣрѣ, такъ называла ее мать.

— Э, ну мало ли какъ величаютъ матушки своихъ дѣтушекъ, почему знать, можетъ ее просто, зовутъ Акулиною.

— Какое же сходство — Акулина и Гали?

— Пусть будетъ она то, что тебѣ угодно, только я говорю, что всё вообще женщины одинаковы — т. е. одинаково милы въ дѣвцахъ, одинаково страшны за мужемъ.

— Не понимаю, отъ чего онъ у тебя въ немилости?

— Кто это тебѣ сказалъ? напротивъ, я даже слишкомъ безумно люблю ихъ.

— Что же это за любовь?

— Да вѣдь я забылъ, что у васъ по-

этовъ, любовь совсѣмъ не то, что у насъ, прозаическихъ созданій. Да скажи мнѣ, что такое любовь?

— Любовь, мой другъ, чувство...

— Знаю!...

— Чувство безотчетное, не понятное.

— До чего же договорился? Ну, не правда ли моя, что любовь просто мистификаціи?

— О, пѣть!

— Такъ опредѣли мнѣ любовь, а иначе, я все буду говорить свое.

— Ты все шутишь, Анатолий.

— Э, полно, топ снэг, не дѣлай, пожалуйста, такой плаксивой рожи. Ну послушай: скажи мнѣ, какъ другу, неужели ты сдѣлалъ глупость, и влюбился въ... какъ бишь ее?... да, Гали!

— Самъ я не знаю, что сдѣлалось со мною, когда я увидѣлъ ее. Представь себѣ красавицу—безъ чувствъ, съ милымъ, ангельскимъ лицомъ, но блѣднымъ, какъ полотно, съ грудью бѣлье слововой кости... Всю жизнь свою отдалъ бы я за этотъ небесный взоръ, когда открыла она томные, голубые глаза свои!... Не знаю, что-то не понятное, овладело моею душою; все существо мое я отдалъ бы ей...

— Настоящій Байронъ! онъ и говорить, чуть не стихами.

— Другъ мой! не осуждай моего чувства, думай, что хочешь, но не смѣйся надъ моей любовью; пусть будетъ она одно воображеніе,—не суди меня!...

— Милый мой! мнѣ, право, жаль тебя; ну что же, если ты и точно любишь Гали, то печалиться, право, не о чемъ; съ твоею счастливою наружностью очень легко понравиться. Вотъ еще что: ради Бога, не изнурай себя, перестань писать стихи; слава Богу, и кромѣ тебя поэтовъ довольно... — Прощай!

— Бѣдные люди! сказали, вздыхая больно; — Боже мой! — повторилъ онъ съ чувствомъ, возведя свой взоръ на небо

— Ты видишь душу мою и тебѣ одному известны ея страданія.

Пора же, наконецъ, сказать что нибудь объ этомъ больномъ.

Александръ Петровичъ Черный былъ сынъ коллежскаго совѣтника; рано лишился онъ своего отца. Добрая мать ничего не жалѣла для воспитанія своего сына—и Александръ оправдалъ вполнѣ ея ожиданія. О, какая радость была для нея, когда она услышала, что сынъ ея удостоился ученой степени кандидата!

Еще съ младенчества тѣсная дружба соединила Александра съ Анатолиемъ, не смотря на то, что характеры ихъ были совершенно различны.

Добрый, чувствительный Александръ, можно сказать, жилъ только одной поэзіей. И радость и горе передавалъ онъ бумагъ. Пылкая душа его искала въ мірѣ чего-то особеннаго, сверхъестественнаго, непонятнаго для насъ, людей обыкновенныхъ, холодныхъ, прозаическихъ. Часто цѣлыя ночи проводилъ онъ за письменнымъ столикомъ, въ своемъ кабинетѣ. Въ стихахъ его не было ни дѣвъ, ни мечты, ни луны. — Нѣтъ, его душа была не знакома съ этими предметами; — чувство благоговѣнія, покорность къ Богу и, что-то странное, отсвѣчивалось въ его поэзіи, но къ несчастію не надолго: съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ онъ Гали совершенно перемѣнился, и его душа, искавшая прежде блага небеснаго, прильпилась къ земному. Повмы, элегии градомъ посыпались изъ подъ вдохновеннаго пера его. Ни просьбы матери, ни советы друга, ни разсужденія старика Лаврентія не удерживали Александра отъ страсти къ поэзіи. — Но онъ писалъ не для свѣта, не для того, чтобы видѣть свое имя подъ статейкой въ журналѣ, однимъ словомъ не изъ тщеславія.

Пылкій, беззаботный Анатолий, сынъ богатаго помѣщика, Михаила Совелина, имѣлъ слишкомъ непостоянный характеръ, къ которому никто почти, кромѣ Александра, не могъ примѣниться. Что хвалилъ онъ сегодня, то не нравилось ему завтра. Онъ не любилъ никому

лстить, если лстияль, то женщинамъ; между тѣмъ въ душѣ онь ненавидѣль ихъ. Причиною этому было воспитаніе: его отецъ жепился по любви на хорошенькой дѣвочкѣ. Спустя годъ, послѣ сватьбы, она подарила его прекраснымъ малюткой. Съ рождвіемъ Анатолія еще болѣе увеличилась любовь Совелина къ жевѣ своей;—такъ протекли три года. Однажды, когда онь былъ въ Москвѣ, вдругъ получаетъ письмо отъ своей матери, что жена его уѣхала съ Французомъ, который послѣ перемирія остался въ Россіи и жилъ у одного помѣщика, управлял имѣніемъ, верстахъ въ шести отъ помѣстья Совелина. Эта вѣсть была громовымъ ударомъ для бѣднаго мужа: съ недѣлю онь былъ какъ сумасшедшій. Съ тѣхъ поръ ужасная ненависть къ женщинамъ овладела его сердцемъ,—эту ненависть онь передалъ и своему сыну.

Черезъ недѣлю Александръ выздоровѣлъ, и могъ уже выходить изъ дому.

— Добрыя вѣсти, мой другъ! сказалъ Анатолій, встрѣтись съ нимъ въ саду.

— Что такое?

— Хочешь ли я познакомлю тебя съ отцомъ Гали?

Изумленный Александръ недовѣрчиво посмотрѣлъ въ лицо своего друга.

— Ты не вѣришь? Слушай!... Вчера только узналъ я Курскаго;—это было у Буриныхъ. Старикъ разсказывалъ, что во время пожара онь былъ въ Петербургѣ, ужасно перепугался, услышавъ, что дочь его чуть не сгорѣла и прискакалъ въ Москву на курьерскихъ. — Скоро недѣля, говорилъ онь, какъ и зѣсь, и никакъ немогу отыскать избавителя моей дочери. — Желая избавить его отъ хлопотъ, а тебя отъ безпрестанныхъ вздохомъ, и торжественно объявилъ ему, что этотъ избавитель другъ мой. Сейчасъ только были мы съ нимъ у тебя, но не застали дома. Э, да вотъ и маіоръ, посмотри, какъ онь бѣжитъ къ намъ.

— Я опять къ намъ съ просьбой, — сказалъ Анатолію толстый, высокій, въ

армейскомъ мундирѣ, мужчина, — скажите мнѣ, въ какое время могу я застать дома вашего друга.

— Объ этомъ вы можете спросить его самаго—отвѣчалъ Анатолій—вотъ онь!..

Старикъ обнялъ Александра съ чувствомъ, со слезами, какъ роднаго сына, наговорилъ ему тьму благодарностей, и вмѣстѣ съ Совелинымъ утащилъ къ себѣ.

III.

Въ Москвѣ, не далеко отъ церкви святаго Владимира, есть каменный домъ. Въ одной изъ комнатъ этого дома, а именно въ гостиной, на длинномъ диванѣ сидѣла дѣвушка лѣтъ 16. Передъ ней, на ломберномъ столикѣ, лежала книга, въ зеленой оберткѣ—первый томъ Библиотеки для чтенія. Она только что кончила повѣсть: Жизнь жепщины въ нѣсколькихъ часахъ. Наморщенные брови отбѣлили прелестное лицо красавицы какою-то думою; миленькіе глазки ея были влажны, какъ незабудка, на которую упала капелька утренней росы, освѣщенная восходящимъ солнцемъ. Это была Гали, дочь маіора Курскаго, съ годъ тому, кончившая курсъ въ одномъ изъ С.-Петербургскихъ пансіоновъ. Не знакомая съ новою жизнью, рѣдко бывала она въ собраніи и на вечерахъ; для нея, гораздо оріятнѣе было сидѣть въ своей комнатѣ за книжкою, нежели слушать приторные комплименты кавалеровъ, этихъ страдальцевъ моды, этихъ паркетныхъ вздыхателей. Правда, что матери ея, Ольгѣ Михайловнѣ, не очень нравились такіа занятія Гали, но любя чрезмерно дочь, и почитая, что учење свѣтъ, сквозь пальцы смотрѣла она на ея занятія, думая, что въ книгахъ не можетъ быть ничего худаго, и что глупостей вѣрно бы печатать не стали.—По этому Гали читала все, безъ исключенія, все, что только носило названіе романа, повѣсти, повмы и проч.

Самъ маіоръ, Павелъ Ивановичъ, ма-

ло обращалъ вниманія на воспитаніе своей дочери. Будучи сыномъ не богатыхъ родителей, и получивъ все свое образованіе отъ дядьки, молодость свою провелъ онъ въ лагеряхъ, тридцати лѣтъ женился на дочери капитана, и въ 58 лѣтъ былъ уже маіоромъ. Онъ твердо зналъ, что Парижъ не Лондонъ, а Лондонъ не Берлинъ, потому, что былъ въ Парижѣ, но ни за чтобы не повѣрилъ, что луна занимаетъ свой свѣтъ отъ солнца, что земля кругла и что звѣзды тоже міры.—Да вы стума сошли!—сказалъ бы онъ на это. Что же тутъ прикажите дѣлать? Спорить, доказывать.... Какъ бы не такъ!... Маіоръ не прапорщикъ.—Ну виноватъ ли онъ, что его не учили математической географіи. По этому, онъ и не зная даже, что такое читама Гали.

Прочитавъ повѣсть, Гали сидѣла въ какой-то задумчивости, въ ее личикѣ было что-то возвышенное, суровое, но милое и граціозное.—Странно, думала она, отчего это женщины такъ любятъ мужчинъ, что особеннаго находятъ онъ въ нихъ?... Такіе же люди, какъ и мы.—Ни одинъ мужчина, казалось ей, не стоилъ того, чтобы въ него влюбиться; всѣ эти пламенные вздыхатели были для нее существа непонятныя.

— Не можетъ быть, сказала она, ни за что въ свѣтъ не повѣрю я, чтобы женщина умерла отъ любви къ мужчине. Да и стоятъ ли того эти жалкія творенія? Умъ ихъ,—въ ногахъ, на языкѣ глупости, а важныя дѣла въ гостинныхъ и театрахъ!—Каково господа?

Спустя мѣсяца полтора, Гали бѣгала изъ компаты въ комнату, безпрестанно смотрѣлась въ зеркало, поправляла прелестныя свои волосы и улыбалась самой себѣ. То брала она книгу, то садилась за работу, или подходила къ окну, и казалось, кого-то ожидала. Все это показывало въ ней ужасное нетерпѣніе и досаду.

— Боже мой, какъ долго онъ нейдетъ!... сказала Гали, наморщивъ маленькое чело свое.— Какъ, ужъ и онъ? А гдѣ же философія, гдѣ эта страшная

ненависть къ мужчинамъ; давно ли они были пустые созданія?

Прошелъ часъ,—и его все еще не было; Гали потеряла терпѣніе.

На дворѣ стало темно, а его все нѣтъ.

— Вотъ каковы мужчины! думала бѣдная дѣвушка.

— Что за чудо, говорилъ маіоръ, допивая четвертый стаканъ чаю, какъ скучно бываетъ у насъ безъ Александра Петровича.

Ольга Михайловна улыбнулась и взглянула на свою дочь; бѣдничка чуть не плакала, и задумавшись сидѣла въ темномъ уголкѣ комнаты.

— Славный малый, продолжалъ маіоръ, право такъ! желалъ бы и имѣть такого сына: скромнѣе какъ дѣвушка, только большой охотникъ спорить. Ну съ чего онъ взялъ, что кромѣ солнца есть еще солнца? Впрочемъ, эти г-да ученые всѣ таковы: разъ какъ-то одинъ старикъ утверждалъ, что земля наша кругла, какъ—прости Господи—яблоко, или персикъ, а еще профессоръ. Стума сходятъ эти люди съ своей ученостью... Тебя, Галочка, какъ учили?

— Я сказывала уже вамъ, папа.

— Что земля наша кругла?

— Да, какъ шаръ.

— Вотъ прекрасно! какъ же прикажешь ходить по этому шару, вверхъ ногами что ли? Ха, ха, ха, ха! А нѣтъ, если ты хочешь знать, такъ земля наша похожа на поднось. Ну какъ же опять, на чемъ она держится?

— На воздухѣ.

— Еще лучше! брось-ка къ верху персикъ удержится ли онъ?

— Такъ устроилъ Богъ, сказала Гали.

— Знаю, знаю, что не мы съ тобою, глупенькая, но только земля стоитъ не на воздухѣ, какъ всѣ вы думаете, а на водѣ, точно также какъ и тотъ островокъ, который такъ понравился тебѣ, когда мы ѣхали по Ладожскому озеру.

— О нѣтъ, совсѣмъ напротивъ... въ это время вошелъ Александръ.

— Поздненько, поздненько, сударь! — Мы думали, что вы ужъ и не придете, — сказалъ маіоръ.

— Да, примоявила Ольга Михайловна, грѣшно Александръ Петровичъ обманывать: общались притти рано.

Одна Гали не сказала ни слова, но такъ задумчиво взглянула на поэта, что бѣдный испугался; этотъ взглядъ былъ для него ужаснѣе всѣхъ выговоровъ на свѣтѣ.

— Виновать! сказалъ опъ, я провожалъ друга моего, Савелина, а вѣдь вы знаете какъ я люблю его.

— Неужели болѣе меня? подумала Гали.

Правда, что формальнаго объясненія въ любви между ними еще не было, но жепщивъ доволью одного взгляда, чтобы узнать мысли мужчивѣ; наблюдительный взоръ ея тотчасъ пойметъ, любима она, или нѣтъ; а потому и не мудрено, если Гали знала, что Александръ ее любитъ; — и опять мужчина не можетъ такъ искусно скрывать страсть свою, какъ жепщина, а поэтъ былъ совершенный певжда въ подобныхъ вещахъ.

Поговоривъ съ Павломъ Ивановичемъ и Ольгой Михайловной о погодѣ и новостяхъ, Александръ съѣлъ возлѣ Гали. О чемъ разговаривали они, этого я непомню, знаю только, что когда онъ пришелъ домой, то вотъ-что написалъ къ Савелину:

Другъ мой Анатолий!

И ты говоришь, что любовь не существуетъ? о нѣтъ, ты ошибаешься. Скажи мнѣ, какъ иначе назвать, если не любовью, это непонятное чувство, эту неостижимую страсть, которую я тебѣ объяснить не въ силахъ? Говорить ли тебѣ о Гали, объ ангелѣ? Нѣтъ, другъ мой, не выразить словами того, что лежитъ на душѣ моей, что понятно одному только сердцу, — и это не любовь, скажешь ты? Вчера, ахъ, какъ прелестна, какъ очаровательна была Гали! Нѣтъ, это дѣвушка выше земнаго созданія, эта не прпсталъ смертная, это ангелъ, мой милый, ангелъ!... Ради друж-

бы нашей не осуждай любви моей, не называй ея поэтическимъ бредомъ; глаза могутъ ошибаться, а душа никогда. Много видѣлъ я жепщинъ, но не встрѣчалъ подобныхъ Гали, ни умомъ, ни добротой сердца, ни милой, обворожительной наружностью. Вотъ уже ислѣзъ какъ я каждый почти день вижу ее, но у меня нѣтъ силъ сказать: Гали, я люблю васъ!... Ахъ, тяжко, Анатолий, тяжко скрывать эту страсть на душѣ, но еще тяжелѣе открыться въ ней. Гали, такъ ласкова, такъ оживлена бываетъ всегда се млою, такъ илжно смотреть мнѣ въ глаза, что я думаю, будто и она также любитъ меня. О, если бы это была правда! какими счастливецемъ называлъ бы тогда себя преданный тебѣ всей душою другъ твой.

А. Черный.

IV.

— Представь себѣ, mon cher, сказалъ Анатолий, войди въ кабинетъ Александра: — почтенный дялюшка мой рлпнительно сходитъ съ ума... Что съ тобой, оглохъ что-ли ты, Александръ?

Но Александръ, уставивъ глаза въ потолокъ, сидѣлъ себѣ за письменнымъ столикомъ; въ это время онъ докачивалъ элегію.

— Вотъ вамъ и поэзія!... сказалъ Анатолий, качая головою. Спишь ты? примолвилъ онъ, положивъ руку на плечо своего друга, — опомнись, братецъ!...

— Ахъ, это ты, мой милый! я не ожидалъ тебя такъ скоро, проголорилъ поэтъ, обвинялъ Савелина.

— Знаешь ли, что выдумалъ мой дядя?

— Что такое?

— Вѣрно ему пришла въ голову мысль, что безумныхъ на свѣтѣ весьма мало, или по крайней мѣрѣ недостатокъ одного, — и этотъ недостатокъ онъ вздумалъ пополнить собою. Всѣхъ крестьянъ своихъ разослалъ по лѣсамъ, и, какъ ты думаешь, зачѣмъ? Собирать какой-то мохъ. Теперь у него цѣлый анбаръ этой Арлицы. Какой-то отставной лекарь увъ-

ряетъ его, что этотъ мохъ еще превосходитъ известнаго Исландскаго; они хотѣтъ открыть средство гнать изъ него масло. У дяди есть уже планъ и модель машины для этихъ глупостей, и онъ проситъ меня потрудиться найти ему мастера. Съ утра до ночи роется онъ съ лекаремъ въ книгахъ; сава ли осталась одна терапія, одинъ лечебникъ, котораго бы они не пересмотрѣли. Медикъ всегда въ упоеніи: — ну, срамъ да и только! Кому же это будетъ не досадно, а тѣмъ болѣе родному? Ты знаешь мой характеръ: я поссорился съ дядей, наговорилъ грубостей лекарю и уѣхалъ. Ну какъ идутъ твои дѣла? Ты вѣчно пишешь. О, о, элегія!... Да знаешь ли твою Гали, что ты ее любишь?

Александръ молчалъ.

— И ты ничего не говорилъ ей объ этомъ?

— Нѣтъ.

— Худо! а если-бъ, напримѣръ, я былъ на твоёмъ мѣстѣ, то клятвѣмъ конца бы не было. Что же ты за чудакъ послѣ этого: въ цѣлый мѣсяцъ не можешь открыться въ любви.

— Послушай, Анатолій, легко говорить, но каково выполнить.

— Ну вотъ пустяки. Что жъ тутъ за мудрость?

— Вѣдь ты не любишь?

— Ты только одно и поешь, что не любишь; тысячу разъ говорилъ я тебѣ, что любовь вздоръ. Ну слушай же, поѣдемъ къ Курскому вмѣстѣ, и если ты и сегодня также будешь нѣмъ, какъ и прежде, то выйдешь глупѣе рыбы.

Почти не хотя исполнить Александръ волю своего друга. Да и въ правду сказать: эти помощники, или угодники, которые ввязываются не въ свое дѣло — будь они самые лучшие друзья — по если берутся угодничать, помогать, гдѣ ихъ не спрашиваютъ, — надоедаютъ. И еще Богъ знаетъ чего; да, въ *сердечныхъ обязательствахъ* особенно услужливость, которой не требуютъ, бываетъ очень; очень не пріятна.

Черезъ полчаса оба друга отправи-

лись къ Курскому; это было въ четыре часа вечера. Маіоръ встрѣтилъ ихъ съ радушіемъ.

Послѣ чаю Гали, Александръ и Анатолій пошли въ садъ. Анатолій взглядами лаваль знать поэту, что пора приступить къ объясненію, но онъ, какъ на зло, рѣшительно не понималъ ничего, смотрѣлъ въ землю, да читалъ диссертацию о поэзіи. Когда стали подходить къ бесѣдкѣ, Савелинъ незаметно отсталъ и, опередивъ украдкой любимыхъ, притаился за колоною; ему хотѣлось подслушать разговоръ ихъ. Какъ бы то ни было, а это очень любопытно, особенно для тѣхъ, которые и не знаютъ даже, что за звѣрь любовь.

— Да!... сказалъ Александръ и вздохнулъ — да! — повторилъ онъ опять — да!... И вѣрно бы этимъ да конца не было. Страшно: бѣдный испугался, что, въ первый еще разъ въ жизни, остался изъ единъ съ милаенькою дѣвушкою — а это не перелъ добромъ.

— Поэзія, — проговорилъ поэтъ, это даръ Всевышняго, даръ единственный, святое небесное вдохновеніе!... О, если бы знали вы, какъ горько и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отраднo быть поэтомъ!

Гали молчала.

— Не для того ли сотворенъ и человекъ, чтобы наслаждаться жизнью? Но что за жизнь, что за наслажденіе, безъ поэзіи и безъ?... Вѣрно онъ хотѣлъ сказать — и безъ любви, — по смѣшался и покраснѣлъ.

— Неужели эта жизнь — говорилъ поэтъ, воспламеняясь болѣе и болѣе — заключается въ однихъ *вещественныхъ наслажденіяхъ*? Только что ужъ онъ разумѣлъ подъ этими вещественными наслажденіями, я право не знаю.

— И это жизнь?... воскликнулъ Александръ, возвысивъ голосъ до биквадратной степени. Боже мой, Боже мой!... А сколько есть людей на свѣтѣ, которые не любятъ, не понимаютъ, и даже ненавидятъ поэзію!... И это люди?... Скажите, Гали Павловна? А кто знаетъ, можетъ быть, и у самыхъ безсмыслен-

ныхъ, бесслонесныхъ тварей есть своя поэзія; но мы не знаемъ этого, намъ не извѣстны сокровенныя тайны природы; умъ притупляется при размышленіяхъ, душа не постигается!...

— Охъ! онъ вретъ, какъ сумасшедшій, онъ вѣчно не окончатъ ея своей поэзіей! думалъ Анатолий.

Гали изумилась; въ первый еще разъ Александръ говорилъ съ нею такимъ высокимъ слогомъ, — и что всего хуже, въ первый-то разъ онъ городилъ такую бессмыслицу; а это хоть кого заставитъ задуматься.

— Скажите, Гали Павловна, вѣрите ли вы въ любовь?

Ай! что онъ съѣла! Ахъ злодѣй!... Ну можно ли говорить дѣвушкамъ такія вещи.

Легкій румянецъ покрылъ щеки Гали. Любовь, робко сказала она, неужели вы думаете, что она не существуетъ? Прежде я точно не вѣрила...

— А теперь?... воскликнулъ поэтъ, схвативъ ручку дѣвушки, и такимъ голосомъ, что Анатолий вздрогнулъ и ударился затылкомъ о коловну, за которою стоялъ.

— Я не знаю — думала скромность — во сердце отвѣчало: вѣрю!

— Гали, Гали!... вы ангелъ!... сказалъ Александръ, преклоня коленно;—о, не отвергайте несчастнаго; я люблю васъ!...

Гали молчала.

— Вы не любите меня, презираете? произнесъ поэтъ укоризненнымъ тономъ.

— Боже великій!... вѣтъ, вѣтъ я даже и не думала этого, я... я...

— Ангельская душа!... Какъ я счастливъ!... молвилъ влюбленный, цѣлуя ручку красавицы.

— А вы думали, что я не любила васъ, милый мой Александръ?

Восторженный поэтъ, съ чувствомъ, прижалъ ее къ своему сердцу — и пламенный, шестистопный поцѣлуй сле-

тѣлъ на розовыя губки Гали;—два алмазныя слезки блеснули у ней на рѣсницахъ.

— На долго ли эта любовь? спросила она томнымъ голосомъ.

— О навсегда, Гали, навсегда!... одна только смерть можетъ разлучить меня съ тобою, ангелъ небесный. Новый поцѣлуй скрѣпилъ эту клятву. При третьемъ Анатолий не вытерпѣлъ и, выступивъ изъ засады, глазами ястреба смотрѣлъ на эту сцену; тутъ только увѣрился онъ, что романы и повѣсти не глутъ въ этомъ случаѣ. Какъ мила п очаровательна казалась ему Гали; онъ не завидовалъ своему другу, а даже отъ души былъ радъ его счастью.

Вечеромъ друзья атаковали маіора.

— Другъ мой! — сказалъ онъ Черному — я давно уже избралъ тебя; дай Богъ, чтобы и ты былъ также счастливъ, какъ и я! Теперь надобно спросить Галичку, — впрочемъ, все это ничего не значить, — *свыкнетсл слюбится*, — говорить пословица. Однако не мѣшаетъ и ей поговорить о твоёмъ намѣреніи; пойдѣте въ гостиную.

— Послушай, милочка, — сказалъ маіоръ, погладивъ рукою пухленькую, розовую щечку своей дочери, — тебя хотѣлъ отнять у меня.

— Кто можетъ это сдѣлать, папа? спросила она, цѣлуя его руку.

— Вотъ этотъ злодѣй — отвѣчалъ маіоръ, — указывая на Александра Петровича. Скажи откровенно, хочешь ли быть его женою?

Ручьемъ полились слезы изъ глазъ Гали; прелестная головка ея склонилась на грудь отца.

— О чемъ же ты плачешь?—говорилъ онъ разстроганнымъ голосомъ — развѣ тебя...

— Ахъ, вѣтъ, милый мой папа, я...

— Ты любишь его?

— Богъ да благословитъ васъ, дѣти мои! Но у тебя есть мать, мой другъ, сказалъ Курскій Александру.

— Она не будет препятствовать моему счастью, отвечал Александр.

Весь этот вечер проведешь быть очень весело. Черный ни на шаг не отходил от Гали; он твердил ей о будущем счастье. Старики помолодели; казалось, будто целые десятки годов свалились у них с плеч; воспоминание прошлого приводило их в восторг. Одинъ Савелинъ былъ задумчивъ; облокотясь на ручку кресла сидѣлъ онъ въ углу и думалъ объ отцѣ.

— Боже мой! — сказалъ онъ про себя — неужели и эта дѣвушка, этотъ ангелъ красоты и певности погубить друга, какъ сдѣлала моя мать. О женщины, женщины! неужели у васъ нѣтъ сердца?

На другой день, поутру, часу въ десятомъ, блѣдный, какъ полотно, явился Александръ въ домъ маіора.

— Что сдѣлалось? спросилъ его Курскій. Ольга Михайловна испугалась, Гали вздрогнула и готова была упасть въ обморокъ.

Вместо отвѣта Александръ подалъ Курскому, что-то свернутое, въ родѣ письма.

— Да это стихи... элегія!... сказалъ улыбаясь старикъ.

— Я ошибся — говорилъ поэтъ, обыскивалъ свои карманы — вотъ оно! — приложилъ онъ, вынувъ настоящее письмо.

— Отчего же ты такъ встревожился и поблѣднѣлъ? — сказалъ маіоръ, прочитавъ это письмо. Поѣзжай непременно!... Грѣхъ будетъ непростительный, если ты не послушаешься больной своей матери; нѣтъ, мой другъ, поѣзжай скорее. Сегодня мы веселы, здоровы — а завтра? О одному Богу известно будущее. Я люблю тебя, какъ роднаго сына, прими добрый совѣтъ мой: ради Бога, не медли; матушка твоя уже не молода, больна — а кто можетъ поручиться за жизнь старушки? Каково же будетъ для нея, если при послѣднихъ минутахъ жизни своей, она не увидитъ своего сына который былъ единственнымъ утѣшеніемъ въ старости ея. Ахъ, ты не знаешь еще любви родительской! До-

вольпо жить я на свѣтѣ; видѣлъ радость и горе; конечно меня не учили много, а только читать да писать, но опытъ не хуже ученья. Извини, если я сказалъ не складно.

— Да накажетъ меня Богъ за ослушаніе, и не думалъ; воля матери — для меня законъ, отвечалъ Черный; но если бы знали вы, какъ тяжело мнѣ разставаться...

— И полно, вѣдь не на вѣкъ, увидишься! говорилъ Курскій.

— Прощайте къ намъ чаще, сказала Ольга Михайловна, цѣлуя Александра въ щеку.

— Не забывай, не забывай меня, другъ души моей! шепнула Гали, прощаясь съ поэтомъ.

Съ сердцемъ полнымъ горести вышелъ онъ отъ маіора, какое-то предчувствіе омрачило чело его.

Долго, долго стояла у окна Гали, провожая взоромъ своего друга; высоко поднималась грудь ея, томные глазки были полны слезъ...

V.

Быль вечеръ; погода стояла ненастная... шелъ дождь; экипажи мѣсили грязь на дорогахъ. Это было въ половинѣ августа. Дождь усилился еще болѣе — и на дворъ сдѣлалось такъ темно, что шаговъ за десять нельзя было отличить лошади отъ человѣка. Въ это время, по проселочной дорогѣ, усталая тройка тащила повозку; въ ней сидѣлъ молодой человѣкъ, задумчивый, угрюмый; какъ и самое время.

— Далеско ли еще? спросилъ онъ имщика.

— Да будетъ персть десять, коли не больше.

— Куда же ты везешь меня? Мнѣ помнится это не та дорога, по которой я прежде ѣзжалъ?

— Не поговѣвайся, баринъ, туда нынче не вѣзять; мосты изломапы, того и гляди, что сломишь шею; правда, и эта дорога не многимъ лучше, ѣзда худая, да вѣдь и тамъ не лучше. Не прикажете ли заѣхать въ деревню; кони устали, да и темнать такая — того гляди, въ канаву угодишь.

— Нѣтъ, ступай! десять верстъ не большое разстояніе; пошолъ скорѣе!

Черезъ четверть часа, повозка спу- скалась уже подъ гору; вдругъ лошади чего-то испугались, захряпали и кинулись во весь опоръ; колеса лабѣжали по бугоръ; экипажъ опрокинулся; раздался глухой, протяжный стонъ... Дождь лилъ, какъ изъ ведра... ужасный вѣтеръ гулъ по лѣсу...

Въ одномъ изъ уѣздовъ Костромской губерніи есть не большая деревенька, въ этой деревенькѣ, какъ и во всехъ почти, не подальку отъ рѣки, стоитъ господскій домъ. Въ не большой комнатѣ этого дома, просвертанный на кровати, лежала молодой человекъ, безъ чувствъ, безъ движенія; голова его была обвязана, глаза закрыты, а слишкомъ блѣдное лице доказывало, что болѣзнь была тяжела. Въ головахъ у него, опершись на ручку кресель сидѣла дама лѣтъ 50-ти; по впалымъ, мутнымъ глазамъ и желтымъ щекамъ ея, можно было видѣть, что много уже ночей провела она палъ изголовьемъ больного. Въ переднемъ углу, передъ иконой Спасителя, горѣла лампада. На столѣ стояли стеклянки съ лекарствами. Въ комнату вошла тихонько горничная.

— Что, скоро ли докторъ спросилъ ея дама едва слышнымъ голосомъ.

— Сей-часъ будетъ, сударыня.

— Говорилъ ли ему Иванъ, что болъ-ному сдѣлалось хуже?

— Какъ же-съ, говорить, что сказывалъ.

— Ну ступай, теперь ты не нужна. Дѣвушка тихонько вышла.

— Боже великій! неужели Ты отнимешь у меня послѣднее утѣшеніе моей старости? сказала дама, возведя изумренннй взоръ свой на икону.

Больной что-то заговорилъ и очнулся, глаза его были налиты кровью.

— Какъ душно здѣсь... жарко... о... жарко... о... ради Бога... пить мнѣ... пить, проговорилъ онъ слабымъ голосомъ.

Старушка подала ему стакапъ дессертка, больной отвѣдалъ и не сталъ пить; мутный взоръ его остановился на лицѣ ея. Онъ провелъ рукою по блѣдному лицу, какъ бы стараясь что-то вспомнить, застопалъ, и безъ чувствъ склонился на подушки.

— Бѣдный, бѣдный... сказала съ глубокимъ вздохомъ дама.

Вошелъ докторъ.

— Ахъ, что вы это дѣлаете, Анна Павловна! сказалъ онъ тихо, — ради Бога, поберегите свое здоровье; посмотрите, какъ вы перемѣнились и ослабли; развѣ можете вы воскресить чрезъ это вашего сына, и не я грѣшннй, пѣтъ, и не я, а Его святая воля, воля Всемогущаго.

— Что мнѣ въ жизни безъ него? мнѣ, отжившей уже вѣкъ свой, Кто останется утѣшеніемъ, подспоріемъ въ моей старости? Ручьемъ полились слезы изъ глазъ Анны Павловны.

— Простите моему горю, сказала она, я несчастная, я причиною его болѣзни. Ему все хуже и хуже, кажется, какъ будто онъ спитъ, но этотъ безчувственный сонъ...

— За что же винить себя? — перебилъ докторъ, щупая пульсъ больного. Слава Богу, слава Богу! теперь есть надежда, вы можете успокоиться; сдѣлайте милость, пожалуйте себя и положитесь на волю Отца Небеснаго.

Не нужно говорить, кто былъ больпой. Вамъ извѣстно уже: на дорогѣ его разбили лошади, и Александръ почти за мертво привезенъ былъ къ матери. Пролѣжавъ чуть не цѣлую ночь на сыромъ воздухѣ, онъ простудился и получилъ горячку.

Прошелъ мѣсяцъ и поэтъ все еще оставалъ постели, здоровье его поправлялось медленно; прошло и еще двѣ недели; тогда только больной могъ уже вставать, но былъ слабъ и ужасно блѣденъ.

— Какъ чувствуешь себя, мой милый? спросила Анна Павловна, войдя однажды въ комнату своего сына.

— Слава Богу, маменька, я почти здоровъ, — отвѣчалъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Что же ты такъ печаленъ и задумчивъ?

Александръ тяжело вздохнулъ.

— Давно уже, мой другъ, хотѣла я говорить съ тобою, но ты былъ очень слабъ и я боялась, чтобы еще болѣе не разстроила твое здоровье. Конечно, я не виню тебя, ты всегда былъ добрымъ, послушнымъ сыномъ, но, можетъ быть, худое знакомство, а тѣмъ болѣе, дружба съ такими людьми, которые не стоятъ даже и названія благороднаго человека. Не скрывай отъ меня ничего, скажи мнѣ откровенно, какъ вѣрному другу, котораго долгъ — заботиться о твоёмъ счастьи.

— Худое знакомство и дружба; я не понимаю, милая маменька, что все это значить?

— Послушай! Можетъ быть, тебя обольстили, вовлекли: ты вѣрилъ, по неопытности всему; можетъ быть, ты и не думалъ, что все это клопилось во вредъ тебѣ, что все это дѣлалъ съ цѣлюю погубить тебя, паблюдая свои выгоды.

— Странно сказалъ Александръ, кто могъ наговорить вамъ такую бездну лѣльностей?

— Добрые люди; которые желаютъ отвлечь тебя отъ гибели, а мнѣ возвратитъ сына.

— Кто они, добрые эти люди?

— Я столько же мало знаю ихъ, какъ и ты. Выслушай меня: не бывши вовсе больною я написала къ тебѣ только для того, чтобы избавить тебя отъ бѣды...

— И приготовить новую, изуродо-

вать, заставить цѣлыхъ два мѣсяца пролежать въ постели — сказалъ Александръ; блѣдныя щеки его вспыхнули и глаза заблестали. Простите меня, мамушка, проговорилъ онъ спокойно, но Богъ свидѣтель, что мои знакомства, мол дружба не предосудительны.

— Вѣрю; такъ кажется тебѣ; я даже знаю, что ты влюбленъ. Скажи мнѣ, кто такая эта дѣвушка и коротко ли извѣстны тебѣ ея родители?

— Кто она? — произнесъ поэтъ съ мепхολической улыбкой — она дочь аорыхъ, благородныхъ людей, умная, воспитанная.

— Ужъ разумеется такъ, а если она...

— Если она дѣвушка безнравственная, скажете вы, дочь низкихъ родителей... У кого достало столько совѣсти, очернить ангела, — и этихъ негодяевъ вы называете добрыми людьми?

Чело матери наморщилось; въ первый разъ сынъ говорилъ съ нею такимъ тономъ.

— Жаль, что ты ошибался; а если у меня есть доказательство; прочти вотъ это, сказала она, вынувъ изъ кармана письмо. Рука была во-все не извѣстна ни сыну, ни матери; — вотъ содержаніе:

Милостивая Государыня!

Зная вашу доброту, ваши труды, попеченія, которые употребляли вы для того, чтобы воспитать сына, мы долгомъ себя поставили уведомить васъ о его поведеніи. Не онъ виною зла, по его знакомство и дружба съ людьми порочными. Низкіе люди обманули его, разставили сътъ обольщенія — и неопытный попалъ въ когти соблазнительей. Прельстясь красивою наружностію, онъ полюбилъ дѣвушку, не зная ея совершенно, дочь человека низкаго душою, презрѣннаго въ глазахъ благороднаго общества. Правда, что этотъ безсовѣстный вездѣ припятъ, маіоръ, по все это пріобрѣлъ онъ не службою, не трудами, а пронырствомъ, лестью и хитростію. Жена его — жен-

щина безъ правилъ, а дочь дѣвушка безвравственна, кокетка. Люди, которые васъ почитаютъ, жалуютъ и любятъ, предостерегаютъ васъ отъ несчастій; придетъ время, вы узнаете ихъ и будете благодарны.

— Клявусь Богомъ, это ложь, клевета!... вскричалъ поэтъ, сжавъ рукою письмо; губы его задрожали и багровая краска покрыла блѣдые щеки. О если бы я зналъ этихъ добрыхъ людей! проговорилъ онъ, какимъ-то страшнымъ голосомъ.

— Не горячись, мой милый, а благодарн Всевышняго, что онъ избавилъ тебя отъ погибели.

— И вы вѣрите этому, — вѣрите подлой клеветѣ? Не вию васъ, но презираю клеветниковъ; — что сдѣлалъ имъ Курскій?

Александръ разсказалъ матери исторію своей любви, но ему не повѣрили. Получивъ строгое воспитаніе, проведенны дѣтства своего въ монастырѣ и опытомъ наученная осторожности, Анна Павловна, начала съ этого времени, приглядывать за своимъ сыномъ; — бѣдный свосилъ все терпѣливо; въ письма, какъ отъ него такъ и къ нему, она перерѣзывала. Конечно этого поступка одобрить нельзя, но если взять въ расчетъ слишкомъ горячую любовь матери къ сыну, и желаніе видѣть его счастливымъ, то какъ и винить ее?

Какъ же удивилась она, когда Александръ вдругъ заговорилъ съ ней такимъ тономъ, который лишь выказывалъ нѣжность характера. Впрочемъ и всякій на мѣстѣ бѣдлаго поэта сдѣлалъ бы тоже самое.

Очернить, оклеветать благородное семейство, заслуживающее общее уваженіе, — старика который не черезъ связи, а личными заслугами, приобрѣлъ титулъ майора; — поступокъ этотъ такъ низокъ, такъ презрительнъ показался поэту, что онъ не вытерпѣлъ и, въ первый еще разъ въ жизни, заговорилъ горячо съ матерью: благородная душа его не могла скрыть справедливой досады. Низкая кле-

вета была, но его разсужденію, хуже не жели угодиное преступленіе.

Другое происходило въ Москвѣ.

VI.

183... года, въ августѣ, на другой день отъѣзда Чернаго изъ Москвы, вечеръ былъ несчастный; сильно шумѣлъ вѣтеръ, крупный дождь ударялъ дробью въ желѣзные крыши. Всѣ любители прогулокъ сидѣли дома; изрѣдка лишь крытые экипажи развѣзжались по улицамъ; исключительно, экипажи эти принадлежали охотникамъ до вистовъ и бостоновъ; кромѣ же этихъ господъ никто не хотѣлъ высунуть на улицу носа. Даже князь Діонисій Максимовичъ Вашильскій, скучный этотъ вечеръ памтрень былъ процѣпн дома. Въ богатомъ бухарскомъ халатѣ, съ трубою во рту, сидѣлъ онъ, задумавшись, на кавапѣ; — убранство комнаты было превосходное. Провелъ молодость въ Парижѣ, по смерти отца своего, князь возвратился на родину, не для того, чтобы поставить на могилѣ покойнаго памятникъ, а для полученія огромнаго наслѣдства. Получивъ до милліона наличными деньгами и слишкомъ на пятьсотъ тысячъ векселей, трицати-пяти-лѣтній князь снова хотѣлъ уѣхать во Францію. Одно только дѣло удерживало его въ Москвѣ: ему хотѣлось сбыть свое помѣстье, заключающее въ 970-ти ревизскихъ душахъ. Продавши его, онъ навсегда уже хотѣлъ оставить Россію, по такъ какъ цѣна, назначенная имъ была слишкомъ высока, то желающихъ къ покупкѣ не отыскалось. По этому, князь два года долженъ былъ выжить въ Москвѣ, и хотя накопецъ, съ досады, ему и удалось продать свое имѣніе за весьма умѣренную цѣну, но онъ и не думалъ объ отъѣздѣ. Причиною этого была Гали. Какъ-то разъ увидѣлъ онъ ее на балѣ; невидный взоръ и милое, простое, обворожительное обращеніе ея прельстили князя. Съ этихъ поръ Везувій, Этна и всѣ рѣшительно огне-

дышущія горы начали извергать пламя въ груди парижанина. Но это была не любовь, а только прихоть извѣннаго, избалованнаго французейками князя. Если бы онъ любилъ истинно, то не употреблялъ бы средствъ, недостойныхъ благороднаго человѣка.

Едва только появился князь въ Москвѣ, какъ молодыя красавицы, дѣвушки, дѣвы и даже кандидатки въ царь-дѣвицы, пустились подражать парижанкамъ: раздѣжались по магазинамъ и закупали модныя бездѣлки. Но сердце князя было вѣрно, тверже платины, и потому, какъ не велико было сердечное пламя московскихъ красавицъ, оно не плавилось и, спустя уже два года, вдругъ, отъ одного равнодушнаго взгляда Гали, раздѣлилось на 5,898,599 частицъ, такъ, что въ каждой изъ нихъ было не менѣе 40 прадусовъ любовнаго жару.

Князь былъ мужчиною высокаго роста, стройный, ловкій, съ задумчивою миною — что всего болѣе нравится женщинамъ — короче: красавецъ. Однако, не смотря на эти достоинства, онъ во-все не нравился Гали. Его парижская ловкость и приторное любезническое опротивели ей съ перваго разу; она видѣла, что этотъ челоуекъ не принесетъ ей счастья; она находила слишкомъ большое различіе между презрѣливымъ красавцемъ и добрымъ, цвѣтущимъ ювостію и красотою поэтомъ.

Вавильскій скоро замѣтилъ, что имѣетъ опаснаго соперника, что тутъ надобно употребить хитрость; по этому онъ перемѣнилъ свое обращеніе и не показывалъ даже виду влюбленнаго поклонника; а чтобы успѣхъ былъ вѣрнѣе онъ старался только удалить Александра.

— Ну, мой снѣгъ, радуйся! — сказала, входя, червивалый, низкаго росту, молодой франтъ, и въ ястребиныхъ глазахъ его заблестала какая-то злобная радость.

— Что такое? спросилъ князь, протянувъ къ незнакомцу руку и усадивъ его подле себя.

— Я кончилъ, что было нужно: осталь-

ное зависитъ отъ тебя. Пламенный Дамартинъ отправился; теперь онъ любовничаетъ съ своей маменькой, и надѣюсь не скоро освободится отъ бдительнаго ея надзора.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Вавильскій приподнимаясь, и вѣжливый румянецъ выступилъ на блѣдномъ лицѣ его.

— Да что за необходимость обманывать мнѣ тебя,

— Дай же руку твою, мой милый Вампировъ; не сердись, прости меня, вивовать! Я право незнаю, какъ мнѣ и благодарить тебя.

— Ну вотъ, есть за что! лучше подумай, какъ кончить остальное: тѣмъ болѣе, что ты не знаешь еще съ Курскимъ.

— Объ атомъ и думать нечего; стоитъ только попросить маму Тагирипу съѣзжать балъ. Маіоръ, какъ знакомецъ ея, разумеется будетъ тутъ, а познакомится долго ли, и гордая красавица...

— Будетъ наша... Vivat!... браво князь!... да ты такой дипломатъ на эти вещи, что едва-ли найдешь тебѣ подобнаго.

— Что же дѣлать, мой другъ; Парижъ научить всему — прибавилъ Діонисій съ самодовольною улыбкой — и въ тридцать лѣтъ, можно кажется, быть опытнымъ. Эй, Жандъ, шампанскаго!!...

— Побереги пока твою шампанское, теперь мнѣ некогда; послушай, охоложи мнѣ тысячу три; ты не знаешь моего горя — и проигрался. Если хочешь, я дамъ заемное письмо; но надѣюсь, что повѣришь и такъ: между друзьями это лишнее. Только хлопоты вѣхать къ потарису.

И полно, па что это. Князь отперъ бюро, вынулъ оттуда три пучка ассигнацій и, съ тяжелымъ вздохомъ, отдалъ ихъ Вампирову; ему неприятно было разставаться съ деньгами; онъ звалъ, что ихъ уже обратно, не получишь, а отказывать значило бы обезоружить себя; по этому-то онъ и ласкалъ Вампирова, а между тѣмъ ненавидѣлъ его, какъ сатану.

Положивъ дедьги въ кармапъ, Вампировъ лукаво улыбулся и отпавился проигривать ихъ въ карты. Эге, сударь! думалъ онъ, выходя отъ кннзл, еда ли то мы не похитрзе васъ, хоть вы всему почти учились во Фрауціи; дай срокъ, я заставлю васъ похлѣиться со мною вашимъ богатствомъ.

Въ комнату, отапливану на подобіе будуара, въ богатыхъ рѣзныхъ креслахъ, сидѣла, у окна, дама, лѣтъ 25-ти. Прелестныя, каштаповыя ея волосы, завитые въ локоны, падали на лилейныя плечики; въ лицѣ ея не было такой свѣжести и румянца, какъ у нашихъ сѣверныхъ красавицъ, оно было темножечко продолговато, но чрезвычайно нѣжно и бѣло. Огннстыя, стривкіе глазки ея устремлены были на бисерный кошелекъ, который она вязала, миниатюрная ножка ея покоилась на кушеткѣ. У стѣны стоялъ богатѣйшій туалетъ; на ломберномъ столкѣ лежали модныя журналы: русскіе, парижскіе и чуть-ли не въскіе, а между тѣмъ, они были даже и не разрѣзаны.

Эта красавица была вдова, Полина Егоровна Тагирина. Похоронивъ мужа, она отпавилась для развлеченія путешествовать; была въ Варшавѣ, Вѣнѣ, Женевѣ, Неаполѣ и Парижѣ. Въ этомъ городѣ прожила она полтора года и здѣсь-то Ванильскій познакомился съ нею; вскорѣ это знакомство обратилось въ дружбу, а отъ дружбы дошло и до любви, разумется не истиной: потому что не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ страсть непостояннаго кннзл остыла. Тагирина не могла снести такого оскорбленія: съ досады она оставила Парижъ и возвратилась въ Москву. Но каково же было удивленіе ея, когда вдругъ увидѣла она здѣсь Дюнисія и хоть почти ужъ забыла его, по приходили такія минуты, въ которыя, безъ сожалѣнія, она не могла вспомнить о прежней любви, и если бы опъ раскаялся, ему бы вѣрно простили прошедшее.

— Кннзъ Ванильскій! сказалъ лакей, отворивъ двери въ комнату.

Тагирина вздрогнула; работа выпала изъ рукъ ея; никогда такъ часто Дюнисій не бывалъ у нее, а тутъ не прошло еще и трехъ дней послѣ его визита.

— Проси! сказала она, и щечки ея покрылись рѣжымъ румянцемъ.

Вошелъ кннзъ, завитой и раздушенный; съ какою-то робостію подошелъ онъ къ Тагириной и пожалъ малепькую ея ручку.

— Извините, прелестная Полина, — сказалъ опъ тономъ почтительнымъ, не обезпокоить ли я васъ моимъ посещеніемъ: кажется вы чѣмъ-то были заняты?

— Пустиками, мой милый кннзъ; да садитесь, ради Бога! давно ли вы стали такъ застѣчивы? Вѣдь моя комната не кабинетъ министра.

Кннзъ сѣлъ.

— Что же вы молчите, кннзъ? Да подарите меня хоть однимъ взглядомъ; неужели видъ мой кажется вамъ такимъ ужаснымъ, что вы бонтесъ подпнать своихъ глазъ на меня! Назалъ тому годъ—прибавила красавица со вздохомъ, вы не избѣгали моихъ взоровъ.

Кннзъ терлъ присутствіе духа; эта проповѣдь ужасно смутила его.

— Вижу — сказала Полина, съ горькою улыбкой — что воспоминаніе прошедшаго вамъ не очень нравится; въ такомъ случаѣ простите меня, мой милый кннзъ; надюсь также вы неосердитесь, если я, по старой привычкѣ, буду называть васъ моимъ милымъ кннземъ. Скоро ли вы ѣдете во Фрауцію?

— Не знаю, какъ позволять обстоятельства.

— Какія же? Я слышала, что помѣстье вы уже продали и теперь, кажется, васъ не чему удерживать? Или — да нѣтъ, не можетъ быть — неужели въ Москвѣ есть такая красавица, которая могла васъ прельстить?

— А почему же? Развѣ въ Москвѣ не такіе же люди, какъ и во Фрауціи?

— Только слва ли съверная любовь согреть ослепѣвшее сердце князя; это уже испытано: впрочемъ и южная и западная не могутъ похвалиться.

— У меня есть просьба къ вамъ, сказалъ князь, желая пережвнить разговоръ.

— Какал же? Я рада вамъ служить.

— Давно уже хочу я познакомиться съ семействомъ одного маіора; разъ какъ-то вы говорили, что намѣрены слѣлать балъ и, если бы я могъ надѣлаться, что это намѣреніе скоро сбудется.

— Почему же? можете. Но скажите, я еще не знаю этого маіора; что онъ молдъ?

— Старъ.

— Женатъ?

— Какъ же.

— Жена его хороша собою?

— И пѣтъ, пожилая лама.

— У него есть дѣти?

— Одна дочь и премиленькая дѣвушка.

— О; это Курскій? Такъ вотъ та счастливая, которая умѣла поборить ваше сердце. Но, милый князь, къ чему поведетъ васъ это; сколько уже жертвъ вашего нежестокоства? Не считаю въ числѣ ихъ себя: я женщина; но обольствъ певниую дѣвушку, съ тѣмъ, чтобы послѣ бросить, забыть — хотите сердитесь на меня — но такой поступокъ непохваленъ.

— Пѣтъ, пѣтъ, да накажетъ меня Богъ! Эта любовь уже послѣдняя.

— Гали рѣлкая дѣвушка, красавица; а все трудно пошлрить, чтобы князь согласился положить на себя тяжелый цѣпи супружества.

— Развѣ рѣки не смѣняютъ своего теченія? сказалъ Діонисій улыбаясь.

— Въ такомъ случаѣ, я вѣрно васъ и оченъ буду рада вашему счастию. Ваша просьба будеть исполнена.

— Какъ вы добры! говорилъ Вавильскій, цѣлуя ручку Поляны. Погово-

ривъ еще съ полчаса о модахъ, Парижѣ и журналахъ, онъ разшаркался и уѣхалъ.

— Пѣтъ, милый мой князь, тебѣ не удастся; благодарю Бога, что ты предупредилъ меня равѣ; грѣшно будеть, если я не спасу цевниую дѣвушку. Такъ думала Полина, оставшись одна.

Между тѣмъ просьба князя была исполнена; ему удалось познакомиться съ маіоромъ, а черезъ лѣтъ неслѣли онъ былъ почти безвыходно у него. Можетъ быть, ему не трудно было бы заслужить, если не любовь Гали, то по крайней мѣрѣ, хотя не большое къ себѣ расположеніе, если бы ее не предупредила Тагирина. Какъ ни тяжело было Полигѣ, но она рассказала ей о прежней связи съ Діонисіемъ и о нестоишствѣ его.

Да что за чудо, въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ однажды маіоръ своей жепѣ — куда дѣвался этотъ Черный? Августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь, да вотъ ужъ и декабрь на исходѣ, а о немъ ни слуху, ни духу. Пишемъ не пишеть; даже Со- велингъ не знаетъ о немъ ничего и я писалъ къ нему по разъ, и все пѣтъ отвѣту. Живъ ли онъ? Богъ знаетъ! Право странно. Нечего дѣлать, подожду еще до Рождества, а не пріѣдетъ, такъ выдамъ Галочку за князя: онъ ужъ говорилъ мнѣ объ этомъ, да онъ и не Черному чета: денегъ не считаешь и, притомъ, князь, а вѣдь это чего инбудъ да стонть, правда большой ветрецинкъ, но женитса — пережвнитса.

Ольга Михайловна не сказала ни слова на это почтенному своему супругу; утопечная вѣжливость и обращеніе князи ей не слишкомъ нравились.

VII.

Наступили святки, шумные, всеелье; балы и званые вечера были чуть не каждый день; пришло наконецъ время

пазаченное и для маскарада;—это было на новый годъ.

Великолѣпно-освященный замъ Благороднаго собрания пестрѣлъ разноцвѣтными группами замаскированныхъ; казалось, что жители всѣхъ частей свѣта собрались тутъ для того, чтобы дружно встрѣтить новый годъ.

Одѣтая швейцаркой, вошла наконецъ и Гали, сопровождаемая отцомъ, матерью и княземъ. На Ванильскомъ былъ костюмъ шиллинга.

Къ Гали подошла маска, въ бѣлой атласной мантии, усыпанной золотыми звѣздочками; на головѣ у ней была діадема, въ прелестной ручкѣ держала опажезъ,—ву точь въ толь такая же волшебница, описаніе которыхъ, мы часто находимъ въ старинныхъ русскихъ сказкахъ; не доставало только золотой колесницы, запряженной голубками. Волшебницу эту сопровождали два крылатыхъ гения—исполнители воли своей повелительницы. Правда, что духи никогда не носили перчатокъ, а эти вѣрно были модники, и—что всего забавнѣе—у одного изъ нихъ сверхъ перчатки блестяло прекрасное колечко. Кольцо это было точно какъ то самое, которое Гали видѣла у Александра. Швейцарка вздрогнула, увидѣвъ этотъ талисманъ на рукѣ гения и не могла разгадать, какъ попало оно къ нему на руку. Въ волшебницѣ она узнала Полину, но и отъ ней ничего не могла развѣдать о таинственномъ гении.

На другой день, часовъ въ одиннадцать утра, Гали, утомленная танцами, задумавшись лежала на мягкомъ пухопикѣ, въ своей спальнѣ; прелестная ручка ея покоилась на подушкѣ, поддерживая головку, а шелковистые волосы локнами струились на обнаженные плечи и эти плечики казались какъ бы выточенными изъ самой бѣлѣйшей слоновой кости.

Вошла Ольга Михайловна.

— Ты не вставала еще, моя милая!— сказала она; — вѣдь ужъ давно одиннадцать часовъ, да и князь давно у насъ.

— Охъ ужъ этотъ князь! говорила, вста-

вал, Гали. Минуть черезъ пять она стояла уже передъ туалетомъ, причесывая прелестные свои волосы.

— Послушай, мой другъ, сказала Ольга Михайловна, больно моему сердцу разставаться съ тобою, но что же дѣлать? ты знаешь, что приходитъ время и тебя надобно пристроить. Твой отецъ далъ князю слово и послалъ меня къ тебѣ спросить твоего согласія. Конечно, я знаю, что ты все еще любишь Александра Петровича, но Богу одному извѣстно гдѣ онъ теперь, можетъ быть, его уже нѣтъ на свѣтѣ. Положимъ, что онъ и живъ, въ такомъ случаѣ кто же виновать, какъ не самъ онъ? И кто опять можетъ поручиться, что любовь его была истинная, не притворная? Отказать князю, по моя воля;—не спорю, что твои счастливая наружность можетъ привлечь много жепиховъ, по князь человекъ ловкій, образованный, богатъ. А кроме того... о Боже мой! ты знаешь вѣдь характеръ твоего отца.

— Маменька, милая маменька! вскричала Гали, бросаюсь къ ней въ объятія, лучше умереть, нежели быть за княземъ. Неужели я наскучила вамъ?

— Не моя воля, сказала Ольга Михайловна, утирала слезы.

Вошелъ Курскій.

— Ба! мать въ слезахъ, дочь тоже, что это значить? что у васъ тутъ за трагедія? Ну что же, Галочка, говорила тебѣ маменька, что князь просить руки твоей?

— Дорогой мой папа!—сказала Гали, обвиняя толстую шею отца— милый мой папа, ради Бога, не принуждайте меня!— Больше она не могла говорить: ея слезы ручьемъ полились на грудь маіора.

— Эге!... вотъ новости!... да чѣмъ же хуже твоего Чернаго князь, этого не благодарнаго, безсовѣтнаго. Да что па васъ смотрѣть! отъ тебя и вѣкъ не дождешься отвѣту.

Маіоръ вышелъ и, въ досадѣ, такъ сильно хлопнулъ лаврию, что она чуть не разлетѣлась въ дребезги; странно, что, будучи тихимъ и добрымъ отъ при-

роды, Курскій часто, безъ всякой причины, выходилъ изъ себя, дѣлался неукротимымъ и хоти послѣ раскаявался, но было уже поздно.

Рыдая упала Гали на грудь матери; слезы ихъ смѣшались.

На другой день Ванильскій ѣздилъ изъ магазиновъ въ лавки, изъ лавокъ къ ювелирамъ, закупалъ матеріи, брилліанты и проч., и платилъ за все не торгуясь.

Черезъ недѣлю была назначена свадьба, недѣля протѣкла быстро, быстро, какъ одинъ мигъ: день свадьбы наступилъ.

Часовъ въ шесть вечера, раздуженный и одѣтый по послѣдней модной картинкѣ, въ одной изъ церквей Москвы, дожидаясь князь своей невѣсты; постороннихъ никого не было, кромѣ Вампирова, его шафера; князю хотѣлось, чтобы никто не зналъ о его свадьбѣ.

— Боже мой! какъ долго я жду, говорилъ онъ, вышняя часы.

— Э, топ чер, а я сейчасъ съѣзжу.

— Ахъ, сдѣлай милость, будь такъ добръ... Ты не повѣришь, я готовъ умереть отъ нетерпѣнія.

— И помилуй, я вѣрю этому, сказалъ, выходя, Вампировъ. Спусти немного онъ возвратился.

— Ну что, скоро ли?

— Сейчасъ, мой милый; и признаюсь, что за красавица — чудо! а какъ превосходно одѣта! Только я право незнаю, что за фантазія пришла ей въ голову въпечататься подъ покрываломъ: ни отецъ, ни мать не могли отговорить ее, чтобы она не закрывала своего милого лица. Она говоритъ, что глядя въ лицо невѣсты, сулятъ всегда будущность сунруги. Ты не можешь себя представить, какъ торопится она къ вѣнцу. — Вампировъ сказалъ правду.

Вышла невѣста; лицо ея было завѣщено покрываломъ; ее сопровождали пожилая дама и старикъ въ помятомъ

военномъ мундирѣ, — это были дѣдъ и бабушка Гали, родители ея матери.

Священникъ началъ обрядъ; невѣста молилась набожно, женихъ былъ въ восторгѣ. Тускло мерпали свѣчи въ поникающихъ; мертвая тишина царствовала въ церкви....

— Теперь довольны ли вы, князь, ваше жеманіе совершилось? — спросила его повобращал, когда они сѣли въ карету. Голосъ былъ знакомый, но не Гали.

— Поднимите стекло, мнѣ душно.

Князь исполнилъ приказаніе; пахнулъ вѣтеръ, и дулъ покрывало въ сторону.

Ванильскій поблѣднѣлъ; вмѣсто Гали съ нимъ сѣдела Полина.

— Какъ, вскричалъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства, меня обманули... Кляпсусъ Богомъ, это не пройдетъ даромъ!... О, я докажу, что значить шутить со мною!

— Не горячитесь напрасно, мой милый князь, послушайте меня хладнокровно и послѣ скажите, что вамъ угодно. Вспомните, назадъ тому два года, не вы ли клялись мнѣ, что кромѣ меня никто не будетъ вашей женою? Не вы ли на колѣняхъ умоляли меня составить счастье вашихъ дней? Гдѣ же эти клятвы? Я повѣрила вамъ, но сдержали ли вы своеобѣщаніе? Вамъ легко было обольстить меня: я любила васъ, какъ безумная. Подумайте, легко ли было мнѣ переносить униженіе?... Развѣ доброе имя было не дорого для меня?... Неужели вы думаете, что когда нибудь Богъ не наказалъ бы клятвеннопреступника? а вы, — вы клялись передъ престоломъ Его. Теперь вы сдѣлали не лучше этого.... Знаю, какое письмо послали вы къ матери Чорваго, чтобы заставить этого человѣка уѣхать изъ Москвы, чтобы вырвать его изъ объятій любимой дѣвушки; на дорогѣ его разбили лошади и онъ чуть не умеръ. Скажите, кто былъ бы тогда причиною его смерти? Нѣтъ, князь, если бы вы истинно любили Гали, то не употребляли бы средствъ низкихъ; я знаю также, что она ненавидѣла васъ, и вамъ пріятно было бы смотрѣть на ея страданіе, если бы она сдѣлалась вашей

женою! О князь, князь!... у васъ нѣтъ сердца; нѣтъ ни жалости, ни состраданія къ ближнему; для своей прихоти вы готовы употребить хитрость, клевету, — готовы — но что говорить, спросите лучше у своей совѣсти, благородны ли поступки ваши? Благодарю Бога, что мнѣ удалось спасти невинную дѣвушку. Теперь мы квиты, но вы, — вы преступникъ меня.

Молча слушалъ князь эту проповѣдь; онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ; видно было, что совѣсть начинала пробуждаться въ душѣ его. Онъ имѣлъ добрую душу, но Парижъ и связи съ люльми порочными уничтожили въ немъ всякую искру чувства.

Карета остановилась передъ квартирой Ванильскаго.

— Прощайте князь, сказала Полина, дай Богъ, чтобы вы раскаялись, ваша жена сердечно желаетъ этого; — прощайте! Полина отвернулась; слезы капались по прелестному лицу ея.

— Нѣтъ, княгиня, такъ было угодно Богу — забудьте прошедшее, простите меня! — Сказалъ князь, взявъ ручку Полины — теперь отъ васъ зависитъ мое счастье.

— Полина молчала; прелестная головка ея склонилась на грудь князя, съ чувствомъ обнявъ онъ свою супругу, горячій поцѣлуй скрепилъ ихъ соединеніе...

VIII.

— Какъ, что это значить? шутить что-ли онъ вздумалъ со мною? Нѣтъ, я докажу его сіятельству, что я ему не игрушка, я поубавлю его княжеской снѣси. Отказываться въ тотъ самый часъ, когда надобно было итти къ вѣнцу... О, убей меня Богъ, если я не отмщу ему за эту насмѣшку! — Такъ говорилъ Курскій, сжимая въ рукѣ разорванный листокъ бумаги.

Гали, одѣтая къ вѣнцу, въ задумчи-

вости стояла у окна; крупныя слезы капались по блѣдному лицу ея. Тутъ были родственники и родственницы майора.

— Не говорила ли я тебѣ, мой другъ, сказала ему Ольга Михайловна, что князь не имѣетъ ни сколько совѣсти.

— Да, я такъ и думала, примолвила пожилая дама, тетка Гали: — что Ванильскій хитрецъ и обманщикъ.

— Да, да! — повторялъ толстый мужчина, въ статскомъ мундирѣ — онъ поступилъ слишкомъ подло; за то его можно предать суду, потребовать отъ него формальнаго объясненія: какія причины имѣлъ онъ отказаться.

— И, мой другъ, сказала жена этого господина, кто жилъ во Франціи у того въ причинахъ недостатка не будетъ.

— Это правда, примолвила дама, съ мушкою на щекѣ, кто жилъ во Франціи отъ того нельзя ожидать добра.

Въ это время вошли Александръ и Анатолий. Гали вскрикнула, Курскіе остолбѣвѣли отъ удивленія; продолжительная болѣзнь ужасно перемѣнила поэта: свѣжее, румяное лице его было теперь блѣдно.

— Боже мой! это вы Александръ Петровичъ? я во-все не узнала васъ, сказала Ольга Михайловна.

— Ба! въ самомъ дѣлѣ, — воскликнулъ майоръ — это ты, мой милый?... Гдѣ же ты бродяжничалъ?

— Александръ, Александръ! проговорила Гали и, почти безъ чувствъ, упала на грудь матери.

— Ну, надѣлалъ же ты мнѣ хлопотъ, сказалъ Курскій, обвиняя поэта, — и какъ не стыдно, ухалъ и не могъ написать ни одной строчки.

— Не вишите его — возразилъ Анатолий, взявъ старика за руку — я расскажу вамъ все. Майоръ увелъ его въ кабинетъ.

— Можетъ быть, до васъ дошелъ уже слухъ, — говорила Ольга Михайловна Черному, — что князь женится на моей

дочери; клянусь Богомъ, что ни она, ни я не виноваты: причиной этому — вспыльчивый характеръ моего мужа и ваше молчаніе. Гали не любила князя...

— Знаю, знаю все, проговорилъ поэтъ, вздыхая...

— Страшно! самъ чортъ вмѣшался въ эти дѣла, произдѣсь Курскій, выходилъ изъ кабинета.

— Ха, ха, ха, ха! Нѣтъ, грѣшишь, батюшка, грѣшишь, этотъ чортъ я! говорилъ тотъ самый старикъ, который былъ на свадьбѣ Вавильскаго, вхоля съ женою. Ха, ха, ха, ха! чорта клеветать не за что, онъ не вшовать, а тебя, мой батюшка, тебя слыууетъ пожурить; слышишь!

— Да скажите мнѣ, ради Бога, что все это значитъ и надъ чѣмъ вы хохочите? спрашивалъ смущенный маіоръ.

— Какъ надъ чѣмъ? да теперь мы сыграли комедію и еще какъ удачно. Ха-ха-ха-ха!

— Да, превосходную комедію, сказала жена старика.

— Ради Бога, батюшка, спросила его Ольга Михайловна, ради Бога объяснитесь.

— Садитесь расскажу все... ахъ, и вы, г-да, здѣсь, — сказалъ старикъ, пожимая руки Чернаго и Савелина, — кстати, очень кстати, прибавилъ онъ, садясь въ кресла. Во первыхъ, молвилъ онъ, выпивая табакерку и понюхавъ табаку, надобно хорошенько поругать тебя, любезный мой Павелъ Ивановичъ. Какъ, доживши до шестидесяти лѣтъ, сойти съ ума? мнѣ слава Богу, осьмой десятокъ, но я никогда не сдѣлалъ бы такой глупости. Далъ слово одному, а сговорилъ свою дочь за другаго, на что это похоже? Грѣшно тебѣ, Павелъ Ивановичъ, бѣситься на старости! да, да! вѣдь князь, богачъ, миллионеръ, вотъ вѣдь что, миллионеръ, чортъ меня возьми! Тьфу, прости Господи! вотъ до чего мы дожили, что деньги стали предпочитать всему; нѣтъ, мой другъ, плохой ты отецъ, безжалостный отецъ, или тебѣ не жаль своей дочери? Изъ за одной при-

хоти, изъ за одного тѣсноты, по глупости, почтеннѣйшій, ты хотѣлъ было погубить се. Чѣмъ бы ты тогда купилъ себя спокойствіе, если бы Галичка сдѣлалась женою князя и, въ своемъ несчастіи стала бы проклинать день своего рожденія? Ну, прости меня, мой другъ, что я не много погорячился, а все чортъ не вмѣшивался въ твои дѣла, а я, да жена моя. Я право благодаренъ Тагириной, очень, очень благодаренъ; она рассказала мнѣ, что Гали ненавидитъ князя, что...

— Знаю, знаю! перебилъ маіоръ.

— Ну, извини же меня, полно морщиться, посмѣемся лучше надъ комедіей. Ха-ха-ха-ха! вѣдь мы имѣли честь быть на свадьбѣ у князя, въ видѣ свидѣтелей; хоть на старости мнѣ и не прилично такъ дурачиться, по что же оставалось дѣлать, когда слова моя на тебя не дѣйствовали.

— Такъ князь женился?

— Да, ихъ сей-часъ только обвѣнчали.

— Прости меня, мой другъ, сказалъ Курскій, взявъ Александра за руку: я много виноватъ передъ тобою, а все изъ за князя, ну да Богъ съ нимъ; кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, — есть пословица.

Спустя недѣлю двѣ послѣ бала, который давала Тагирина, она узнала, что Вампировъ близокъ къ князю. Вампировъ былъ ей родственникъ, хотя и дальній, по все таки не чужой; черезъ него-то надѣялась Полина развѣдать куда дѣвался Черный: ей хотѣлось отмстить за себя князю. Она знала также отъ Гали, что маіоръ писалъ къ Александру, но не получалъ отъ него отвѣта; это всего болѣе заставило ее усумниться, что не было ли тутъ какой-нибудь хитрости со стороны князя.

Однажды она послала за Вампировымъ свой экипажъ и молодой повѣса не замѣлялъ явиться.

— Здравствуйте, мой милый cousin молвила Полина; скажите, ради Бога развѣ между своими такъ водится? За

тѣмъ наблюдать этикетъ? мнѣ кажется цѣлый годъ, какъ вы не были у меня.

— Напротивъ, не прошло и двухъ недѣль, сказалъ Вампировъ, цѣлуя ручьку Полипы.

— Ахъ, Божс мой! я и не думала, что у васъ такая твердая память; но вспомните, это было въ такое время, когда мнѣ не удалось даже съ вами и поговорить, а почему бы не зайти когда-нибудь утромъ, или вечеромъ.

— Что же дѣлать — проговорилъ Вампировъ, пожавъ плечами — у меня рѣшительно не достаетъ времени. Но я надеюсь, что вы простите меня, я постараюсь быть исправнѣе; я знаю, что женщины всегда снисходительны къ мужчинамъ и... Тутъ онъ замолчалъ, вѣрно догадался, что сказалъ глупость.

Благодарю за комплименты! но вы компрометируете женщинъ, и они никогда не простятъ вамъ, если вы заикнетесь сказать что-нибудь подобное; берегитесь же ихъ, мой милый cousin, вы знаете, что онъ шутить не любитъ.

— Винавать, винавать!

— Такъ будьте же впередъ осторожнѣе, примолвила Полина, погрозивъ кузену миниатюрнымъ пальчикомъ.

— Что за чортъ — думалъ Вампировъ — да она любезничаетъ со мною.

— А что знакомы вы съ княземъ?

— Съ кѣмъ это? спросилъ Вампировъ, показывая видъ, что онъ не знаетъ Ванильскаго.

— Признаюсь я не ожидала этого отъ васъ; а между тѣмъ и знаю, что вы не только съ нимъ знакомы, но даже другъ ему.

— Да о какомъ князѣ вы спрашиваете меня, милая Полина?

— Разумѣется о Ванильскомъ.

— За что же и винить меня? въ Москвѣ такъ много князей, что трудно и пересчитать; Ванильскій точно мнѣ короткій пріятель.

— Какъ другъ и родственникъ будешь

откровенны со мною: князь вѣрно открылъ вамъ тайны своего сердца?

— Можетъ быть.

— Говорилъ ли онъ вамъ, что знаетъ меня еще во Франціи.

— Нѣтъ, этого я отъ него не слышала.

— Не хочу скрываться передъ вами: и люблю князя, а онъ такъ холоденъ со мною; послушайте, нѣтъ ли у меня соперницы?

— Есть, молвилъ Вампировъ, улыбаясь.

— Неужели вы будете такъ жестоки, что не скажете имя ея.

— О, нѣтъ, нѣтъ! князь любитъ Гали Курскую. Но не это было нужно Полины: она и безъ Вампирова знала о любви князя; нѣтъ, она хотѣла узнать еще что-нибудь поважнѣе. Какъ опять приступить? Къ счастью, въ головѣ ея мелькнула богатая мысль: она знала, что у этого человѣка можно купить совѣсть.

— Не знаете ли, который часъ? спросила она его.

— У меня нѣтъ теперь часовъ, сказалъ Вампировъ; одинъ я подарилъ брату, другіе потерялись, а купить я не имѣлъ времени.

— Такъ вотъ вамъ мои, надѣньте и носите ихъ; пусть эта бездѣлка хоть иногда напомнитъ вамъ обо мнѣ. Полина вынула изъ комода прекрасные, на золотой цѣпочкѣ, часы и надѣла ихъ на шею своего кузена. Вампировъ съ одного взгляду оцѣнилъ, что бездѣлка эта стоитъ не дешево, хитрецъ не могъ однакоже понять къ чему все это клонилось, и Полина узнала отъ него все, что было ей нужно.

Вампировъ рассказалъ ей какимъ образомъ поэтъ удаленъ былъ изъ Москвы, но всю вину свалилъ на князя, между тѣмъ какъ письмо къ матери Александра было его сочиненіемъ. Полина заставила его написать другое, что маіоръ былъ оклеветанъ по не удовольствію на него. Къ счастью, письмо это попало прямо въ руки Александра, и онъ уговорилъ

Аппу Павловну ѣхать съ нимъ въ Москву. Правда, что матери не очень нравилась эта повѣдка, но дѣлать было нечего: грусть и ужасная задумчивость сына пугали ее. По прїѣздѣ, она старалась болѣе всего развѣдать отъ знакомыхъ о семействѣ маіора, и сердилась сама на себя, что повѣрила подлой клеветѣ.

Вѣсть о томъ, что Курскій согласенъ былъ выдать дочь свою за князя, какъ громомъ порозила поэта; но Тагирина, чтобы не разстроить своего плана, всѣми силами старалась отклонить его не показываясь въ домъ маіора; для этого она пригласила Александра къ себѣ и открыла ему о намѣреніи своемъ отступить князю. Однако Черный хотѣлъ непременно увидѣть Гали; Полина и тутъ нашла случай, заставивъ его ѣхать съ собою въ маскарадъ въ костюмъ генія.

Въ день, назначенный для свадьбы князя, она написала будто отъ него письмо къ Курскому, что онъ отказывается отъ руки Гали. Такимъ образомъ князь обвинчался на Полину, во-все не подозревая обмана, тѣмъ болѣе, что Тагирина имѣла небольшое сходство съ Гали, какъ въ пмени, такъ и въ самой наружности.

Прежде нежели кончится эта повѣсть, я долженъ сказать что-нибудь и о прочихъ ея герояхъ. Всѣ они довольны, каждый своимъ состояніемъ. Князь живетъ прекрасно; правда случается иногда, по старой привычкѣ, поволочиться; за то Полина Егоровна такъ нѣжно деретъ его уши своими маленькими пальчиками за эти шалости, что Ванильскій самъ не свой отъ восхищенія.

Анатолій посвятилъ себя холостой жизни.

— Препозлѣный человѣкъ этотъ Савелинъ; говорить иногда Курскій, странный, очень странный! ну что онъ, кого оставить онъ преемникомъ своей фамиліи? онъ хоронитъ ее за живо, онъ не хочетъ передать ее потомству, онъ не хочетъ обезсмертить себя; препозлѣный

человѣкъ, ни къ чему неспособный и ничего не въ состояніи производить.

Теперь остается сказать что-нибудь о Гали и Александрѣ, какъ о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ моей повѣсти; свадьба была ихъ въ скорѣ... нѣтъ, нѣтъ, объ нихъ я не скажу ничего.

Въ одинъ прелестный майскій вечеръ, верстъ за пятнадцать отъ Москвы, ѣхали два экипажа. Въ одномъ изъ нихъ сидѣли молодой красивый собою, мужчина и прелестная блондинка; она была молода: казалось ей не было еще и 17-ти лѣтъ, а въ другомъ — старикъ и пожилая дама.

— Ну, мой другъ, куда еще намъ ѣхать? — воротимся — сказалъ старикъ.

— Да хоть версту.

— И полно, все равно: когда-нибудь вѣдь надобно-же будетъ разстаться. — Стой! закричалъ онъ.

Передній экипажъ остановился; молодой человѣкъ быстро соскочилъ на землю и поднявъ къверху руки, красавица прыгнула въ его объятія. Посмотрите, сказалъ онъ, цѣлуя ее, какъ она легка, точно перышко.

Старикъ улыбнулся; молодой человѣкъ протянулъ къ нему руку и пособилъ выйти изъ коляски обоимъ.

— Прощай, милая моя Гали! проговорила старая дама, прижавъ ее къ груди своей.

Не нужно говорить, что это старые наши знакомцы.

Нѣжно обнявъ Курскій Гали и Александра.

— Богъ да благословитъ васъ, дѣти мои! сказалъ онъ разтроганнымъ голосомъ, живите въ мирѣ и согласіи, молитесь и Всевышній не оставитъ васъ. Когда я покончу дѣла свои, тогда и мы прїѣдемъ къ вамъ; — повѣжайте съ Богомъ!

СТИХОТВОРЕНИЯ

И

КУПЛЕТЫ.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ МІРЪ.

Скучишь міръ провинціальный.
 Все одно тамъ и одно:
 Лугъ, дубрава, прудъ зеркальный,
 Копы, пашни да гумно;
 Рядъ овинновъ, рядъ избушекъ,
 Утрожь въ рождъ соловей,
 А подъ вечеръ крикъ лягушекъ
 Съ крикомъ галокъ и грачей;
 Въ полдень душно, жалить мухи,
 Только знай, что ихъ гонятъ
 Да грозою ослухи,
 Прокливалъ, поражай.
 Вотъ и праздникъ у соседа:
 Бдутъ гости по росѣ...
 Между блюдами обѣда
 Вѣчно встрѣтишь стѣме glassé.
 Вѣчно знаешь, что подъ брюшкой
 Утку въ соусъ дадутъ,
 Что раздвоенною клювкою
 Гадкій пудингъ обольютъ;
 Что подъ пещеръ на пирушкѣ
 Будутъ прыгать подъ гудокъ,
 Что сберутся всѣ старушки
 Почесать спой язычекъ;
 Что мужчины до разсвѣта
 Провограютъ въ профераисъ,

Скучно. Тройку! въ городъ ѣдемъ!
 Тамъ, быть можетъ, веселый;
 Тамъ посмотримъ и заѣдимъ
 Кругъ особенный людей.
 Вотъ и городъ. Рѣчка тихо
 Подъ горой его бѣжитъ.
 Къ почтовой конторѣ лихо
 Тройка борзал летитъ.
 Вотъ и пара грязныхъ улицъ,
 Мигистратъ и Земскій Судъ.
 У воротъ десятокъ курицъ
 И кудакуютъ и клюютъ.
 Вотъ аптека и аптекаръ
 Подъ окномъ съ своею женой,
 Съ нимъ толкуетъ лысый лекарь
 О инъектурѣ для большой.
 Вотъ и въ шляпкѣ трехъ-этажной
 Казначейшка; вслѣдъ за ней
 Засѣдатель съ мнимою важной
 А за ними казначей.
 Вотъ и самъ законъ приличій
 И лобезности — верхомъ,
 Въ пестрыхъ брюкахъ, городничій,
 Съ аркамъ, бисернымъ шпуркомъ;
 На шпуркѣ виситъ печатка,
 А на ней съ письмомъ вѣтухъ.

Онъ остриженъ очень гладко
И всегда разряженъ въ пухъ.
Вотъ исправникъ, вотъ бухгалтеръ;
Жель чиновниковъ кумиръ,
Вотъ еврей: mein lieber Walter
И потъ песь уездный миръ...
Скучно, скучно! по куда же
Убжгать теперь? пездъ
Глушь и степь и скука таже
И позайи ингда.

Н. Грековъ.

отрывокъ изъ IX думы

О ПОКОРЕНИИ СИБИРИ,

посвященный

Е.М. ИВАН. РУДАКОВОЙ.

И тихо, и сладко источникъ игривый
Въ берегахъ разноцвѣтныхъ журчить;
Онъ быстро мѣняетъ златые отлпы,
Какъ роза дѣвичьихъ ланитъ.
То, зивю подобно, онъ выется усталый,
Чуть слышный по лопу цвѣтовъ;
То, въ берегъ ударясь, онъ сыметъ кри-
сталы,
И, гость минометный кустовъ,
Согласнымъ журчаньемъ, какъ арфой Эола,
Живить онъ пустыняю стъ...
Ліся по бархату свѣтлаго дола,
Спятъ онъ въ древесную тѣнь;
Журча подъ написами роши привѣтной,
Онъ ичтется къ цвѣтущимъ лугамъ.
То, быстрый, исчезнетъ онъ въ чащѣ за-
вѣтной,

То вновь побѣжить до корнямъ...
О! грустнр смотрѣть на свободный полны
Тою, кто сподобы не зналъ:
По тотъ, кто отваги и мщенія полный,
Надъ бездной Хвалыни леталъ,
Кому поднебесныя бури служили,
Предъ кѣль трепеталъ Танаисъ,
И свѣтлыя воды роскошной Эдилы,
Казалось, покорно лились, —
Тотъ смутенъ и блѣденъ, какъ призракъ
неволи,

На берегъ источника сталь...
Символъ ли пѣмбичивой смертнаго доли
Ручей Ермаку представлялъ;
Нль въ зеркалѣ ясно цвѣтущей природы
Онъ пѣчности книгу узрѣлъ —

Далекаго неба лазурные своды,
Последній желаніи прелель, —
Того льтоищцы рѣшить не посмѣли...
Онъ долго недвиженъ стоялъ;
Глаза исполнитнымъ огнемъ пламенѣли,
И потъ на челѣ выступалъ...
Вдругъ съ юга подулъ вѣтерокъ араматный,
Смутн. иньструн ручейка.
И слезы, казалось, для сердца отрадно,
Блеснули въ глазахъ Ермака.
Вздохиулъ онъ глубоко, и тихой стопою
Пошелъ подъ наклономъ вѣтвей,
Какъ будто по сѣтяхъ за привѣтной струею,
Съ тяжелой печалью своей.

Поклопяною вершиной
Полнирай сводъ небесъ,
Надъ прекрасною равниной
Возвышается утесъ.
Яркимъ золотомъ облиты,
Вкругъ разсыпаны граниты
И цвѣтущіе холмы.
Вверхъ идутъ столпы рядами,
И съдыми головами
Подпратуютъ тропъ зныи.

Подъ туманомъ, межъ скалами
Вѣчно жить осуждена,
Надъ палящими лучами
Насмѣхается она.
И плѣнительны и живы,
Выются радуги отлпы
На блестящихъ глыбахъ льда;
Вселятъ за тучей громоюю
Брызжутъ молніи порою
Въ дымя ливил; но всегда
Надъ чудесною скалою
Пензитивичивъ и суровъ
Видъ зныи и видъ свѣгопи.

Вся громада ужасаетъ
Жизнописною красой;
И въ окрестность разливааетъ
Сумракъ прелести пѣной.
Но за тѣнью великана
Разстнается поляна,
Разсыпаются цвѣты
Надъ блестящими ручьями;
И отдаленыи рядами
Отъ привѣтной высоты
Пауть и роши и кусты.

Больше вѣка, какъ природа
Дикій памятникъ сыла,
Гдѣ исторія народа
Первобытнаго цвѣла

Въ населеннейшей пустынь
Есть преданіе до нынѣ;
Въ день Пророка Іліи,
Лишь прекрасныя румяны
Пламеняющей Мерпапы
Развалися на струи,
На утесы и поляны,

Страшно въ ущелияхъ буйныя вѣтры взре-
пѣли,

Дождь подопадаи хлынул со скалъ...
Зарепомъ страшнымъ нависшія тучи го-
рѣли;

Грози въ туманѣ перуиъ рокогаль...
Мсленно, глухо и лико земля простонала;
Быстро исчезла рѣка въ берегахъ;
Поле взволнилось, какъ пива; и страшно
дрожала

Роща, вздымаясь на новыхъ холмахъ.
Дважды подземный ударъ подъ утесъ на-
правлялся:

Дважды дрожаль онъ, и — цѣль оставался...

Быстро, быстро третій палъ
Подъ землею пробѣжалъ:
Разступилась пропасть ада;
Зашаталася громада,
Попалились груды скалъ.
Все мрачнѣе, диче стало;
Громы грянули плали;
И, казалось, задрожало
Основаніе земли.
Глыбы снѣга и гранита
Полетѣли съ неба выпзъ;
Со скалы полуразбитой
Водопады сорвались;
Въ подл гладкомъ и широкомъ
Воды хлынули потокомъ,
И съ собою повлекли
Горы камней и земли...
Трескъ, и грохотъ, и волненье,
Отдаленный эха вой!
Снова громъ на возвышенъи,
Снова громы подъ скалой!
Разступилась пропасть ада!
Пала страшная громада!
Пала грозно... Дикій гулъ
Полвселенной пошатнулъ,
Грянулъ въ дебрахъ, въ небѣ грянулъ,
На волнахъ рѣки отпрянулъ,
Стихъ и умеръ...

Одинокъ,

Быстръ и шуменъ, но печаленъ,
Между горами развалинъ,
Нынь вьется ручеекъ:
Гдѣ главою носидьбой

Возвышаясь до небесъ,
Прежде царствовалъ утесъ. —

Шалунъ окривленный, влюбленныхъ другъ
пѣжный,

Земуръ благодатный, отрада долины!
Ты сосенъ вершины колеблешь набрежно,
И мило трепещешь на листьяхъ осинъ!
Ты смѣло съ холодной струею играешь,
Ты робко душистую розу лобзаешь,
Ты радость приносишь, ты пѣгу даряшь,
Гармоніей топной пустыни жавишь,
И сладостный стонъ свой въ скалахъ от-
ражая,

Ты, кажется, чувство граниту даешь, —
Зачѣмъ же хоть каплю отрады, гость
рал,

Ты въ скорбую душу вождя не вольешь?..

Сидитъ онъ, унылый, надъ свѣтлой струею
Въ привѣтной тѣни;

Летаютъ надъ нимъ разнovidной мечтою
Счастливыя дни!

Безчувственъ къ надеждѣ, къ прошедшему
хладенъ,

Недвижимый, онъ
Сидитъ подъ скалой, какъ скала безотра-
днъ,

Въ себя погруженъ;
И жизнь въ настоящемъ, какъ рой спови-
днѣй,

Томитъ пришельца...
Вы, свѣтлыя струи, вы, мрачныя снѣги,
Зовите Дюппа!

Ты, вѣтеръ отрадный, аблема свободы
И сладкой любви,

Ты пѣжиаго сына суровой природы
Мечтой оживи!...

Все пѣгою дышетъ, все роскошью рая
Пришельца манитъ,

Заблѣвемъ, прохладой, весною навѣвая,
Но онъ, какъ гранитъ,

Безчувственъ, безмолвенъ, сидитъ надъ
струею

Въ привѣтной тѣни;
И вьются надъ нимъ разнovidной мечтою
Счастливыя дни!...

Якутскъ.

ДМИТРІЙ ДАВЫДОВЪ.

ВЪНЧАЛЬНАЯ СВѢЧА.

Романсъ.

Когда вънчальная свѣча
Зажжется звездочкой свѣтящей
И блескъ коварнаго луча
Отвѣдать на слезѣ дрожащей —
О! что мой другъ, съ твоей душой,
Въ то время будетъ роковое,
Какой надеждой и тоской
Забьется сердце молодой?

Къ блаженству ли осветить путь
Тебѣ огонь свѣчи вънчальной.
Или сожжетъ младую грудь,
Какъ факелъ счастья погребальной?
Молись, молись мое дитя,
За первый шагъ, онъ такъ ужасенъ!
Досея жизнь текла шутя,
Миръ Божій былъ тебѣ прекрасенъ!

Живи среди своихъ подругъ
Въ кругу семьи твоей желанной,
Теперь передъ тобою другъ
На црльмй вѣкъ судьбою данный!
И другъ ли онъ? пойметъ ли онъ
Душъ неопытной желанья?
Осуществить ли юный сонъ
И затаянныя мечтанья?

Что если нѣтъ? гаси свѣчу,
Дрожащую между перстами,
Не дай пылать ея лучу
И потуши ее слезами!
Но поздно. Страшная свѣча
Ужъ зажжена... она пылаетъ
И блескъ кроваваго луча
Насмѣшливо въ слезѣ играетъ.

М. Воскресенскій.

ВОЛШЕБНИЦА-МУЗА.

Я знаю волшебницу-дѣву
И огненныя пару очей:
Движеньемъ и звуку, улыбки, напеву —
Подвластны уму и сердцу всехъ людей.
Дѣв молвія — взоры, ланиты — дѣв роумъ,
Душа — вдохновеній поля!

И думы, и радость, и вздохи, и слезы
На смертныхъ пороѣ навязаетъ она.

Какъ уядина молодой,
Виды быстро мѣнялись,
Вдохновенною игрой
Въ миръ фантазій живою
Насъ уводитъ за собой.
То пастушкой молодой
Дѣтской прелестью влечеть,
То цыганкой кочевой
Пѣсню буйную поетъ,
То появится нажевкомъ,
Равной шапостою дыша;
То вдругъ розовымъ чертешкомъ —
И, какъ ангелъ хороша!
То разсѣрится такъ живо,
То ласкается шутя,
То груства, томна, уныла.
То навина, какъ дитя;
Голосокъ такъ чистъ и звонокъ,
Стань эфирный гибокъ, тонокъ;
А гармонія движеній,
Сила дъ веселыхъ пѣснопѣній,
И блестящій лоскъ кудрей,
И огонь ея очей...
Все такъ полно, все такъ живо,
Все такъ звучно, такъ живо,
Такъ заманчиво все въ ней,
Въ дѣвѣ — вѣги и страстей!

Въ часъ труда и вдохновенія
Въ безмятежный часъ ночной,
Призракъ дѣвы! въ видѣ гениа,
Ты носился предо мной!

То уста твои сжимались,
Къ наслажденію мана,
То слезами наливались
Очи, полныя огня.

И приятно ты ласкался...
Я къ восторгу былъ влекомъ...
И въ мавуту разгоралася
Мысль видъ творческихъ перомъ.

Облеклась опять въ негавнію!
Прилетай къ посту вновь,
И отрадой вдохновенія
Полари его любовь.

И на лпрѣ вдохновенной л
Воспою, моя краса,

Твоя чари несравненныя
И любовь и чудеса.

О. К.

1839.

КЪ ДРУГУ.

Не безпокой меня надеждой
И наслажденій не сули,
Но въ смертный часъ сомнѣнъ мнѣ вѣжды
И до ногы проводи.
Давно брожу оспрогелый,
Давно скитальцель я живу
И счастье, призракъ полмертвѣлый,
Мнѣ не лается на лву.
Моя ничто здѣсь не тревожить,
И полъ руку съ тоской иду
И съ ней же имѣть, Богъ поможетъ,
До пристави я лобреду.
Я однопкъ отъ кыльбсла,
И жванъ пройти олинъ уидѣл,
Но лишь безъ друга у постела
Я умереть бы не хотѣл.

А. Ф.—нъ.

МОЛИТВА.

Съ живую пѣроу, съ любовію святою,
Съ надеждой събглюю; съ молитвой
устатъ,
Я повергнусь ницъ, Владыко, передъ То-
бою, —
Виени Ты моему моленью въ небесахъ.

Но Благости Своей прости мѣя прегрѣ-
шенья,
Въ священной мудрости мой разумъ утверди,
Не попусти, Господи, войти во искушенья, —
Десницею Своею мѣя руководи.
О чезъ-либо просить Тебя я не дерзаю.
Блаженство-ль жадег мѣя, година-ль тяж-
кихъ бѣдъ —
Смиренно жребій мой въ грядущемъ ожи-
даю:

Ты лучше знаешь Самъ, что надо мнѣ, что
нѣтъ.

Когда мнѣ суждено пать въ жизни чѣмъ
счастья,
Когда мнѣ суждена земная благодать:
Въ собратяхъ страждущихъ клянусь я
брать участие
И раки ближняго любовью врачевать.

Когда-же бластвія и злой судьбы гоненья
На жизненномъ пути послѣдуютъ за мнѣю,
То я перенесу Небесъ предназначенье:
Испытывай меня, о Господи, я Твои!

Испытывай меня, мнѣ легокъ крестъ Твой
будетъ
Онъ мнѣ предазвріе въ небесныя врата...
Но ежели она, она мѣя забудетъ, —
О, Боже! я паду полъ тяжестью креста!

П. Шумайръ.

ДОВОЛЕНЪ Я.

Какъ не любить роднаго пепелница
И какъ не пожадеть,
Что колыбель такъ близко отъ владыка,
Что рядомъ съ жизнью смерть.
Нѣтъ; бытія не надо мнѣ другаго!
Здѣсь на землѣ дыша,
Живу двоицъ: есть сердце для важнаго,
Для неба есть душа.
Коснется ли мѣя тревожное сознанье —
И въ горы счастья въ я:
Есть въ небѣ надо мной святое прови-
дѣнье,

А на землѣ друзья.
Блеснетъ ли радость мнѣ среди житейской
битвы,

Двоини радость въ ней:
И небу за нее шлю жаркія молитвы,
А здѣсь дѣлюся ей.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

ДВА ОЧЕРКА ИЗЪ ЖИЗНИ ДРЕВНИХЪ.

ПОДМАСТЕРЬЕ ХЛѢБНИКА.

Разъ вечеромъ, хлѣбникъ Квинтилианъ шелъ себѣ домой, не много подвыпивъ, какъ и всегда. Не успѣлъ онъ переступить за порогъ своей пекарни, какъ началъ бранить молодого человека, который вертелъ жерновъ ручной мѣльницы. Въ то время ручная мѣльница замѣняла нынѣшнія вѣтряныя и водяныя.

— Азиній, ты большой дѣлтай, сказалъ онъ ему, клянусь Церерою! Что ты дѣлалъ во время моего отсутствія? Мѣшокъ твой далеко неполонъ; безъ меня ты смололъ, кажется, горсти двѣ, три муки, ве больше; а вѣдь ты вертишь жерновъ съ самаго утра?

Молодой человекъ отеръ съ чела своего потъ и принялся дѣлательно за свою работу, не отвѣчая ни слова на брань хозяина. Но его молчаливость и покорность, кажется, ни сколько не смягчили Квинтилиана, потому что онъ еще пуще началъ браниться.

— Что дѣлалъ ты безъ меня? повторилъ онъ. Ты, вѣрно, звалъ на прохожихъ и подслушивалъ ихъ разговоры? Это твоя всегдашняя забава. Не правда, что ли? А! Сколько ты потерялъ на это времени? Сколько разъ я заставалъ тебя, ротозей, у двери дома, ты подслуши-

валъ, да изволилъ потомъ смѣяться надъ тѣмъ, что подслушалъ. Смотри-же ни ты работой изъ всѣхъ силъ, или я выгоню тебя, какъ выгоняютъ животное, которое поймани тебя тѣска. Я тебя выгоню, Азиній, какъ осла, палкою; мени, братъ, не проведешь; я знаю о всѣхъ твоихъ чванныхъ глупостяхъ, хвастушишка; знаю, что ты болтаешь: я, дикарь, скоро сдѣлаюсь богачемъ, меня станутъ почитать, какъ сенатора; вельможи и даже консулы примутъ меня въ свою компанію. А ты думалъ, я незнаю? Ты сдѣлаешься богачемъ? Тебѣ станутъ отдавать почтенеіе? Тебѣ? пасынку раба? Верти жерновъ, Азинусъ; а не то береги спину!

Но постойка, братъ; это что валется между мѣшками? Папирный свертокъ и грифель? Ты еще смѣешь писать, негодяй? Твое дѣло вертѣть жерновъ, а ты смѣешь писать? Въ печь эту дрянь! Въ огонь глупости Азинуса!

— Не сожигай, не трогай, говорю я! вскричалъ подмастерье хлѣбника, вырывая изъ рукъ хозяина папирный свитокъ. Клянусь Юпитеромъ! Ты вестоишь, со всею своею мукою, и одной строчкой изъ этаго свитка!

— Какъ, ты меня неслушаться? закричалъ въ бѣшенствѣ пьяный хлѣбопѣкъ.

Пошелъ же вовъ! вои! чтобы и нога твоя не была здѣсь!... Если ты покажешь ко мнѣ носъ, я тебя поподчую вотъ чѣмъ.

— Ладно! отвѣчалъ молодой человекъ. Страхнувъ пылъ съ волосъ и короткой своей туники, онъ вышелъ изъ пекарни, незная куда преклонить голову.

Онъ пораздумалъ нѣсколько съ самимъ собою и побрелъ въ домъ одного вѣлла.

Эдиль не принялъ его къ себѣ.

— Однакожъ надо что-нибудь поѣсть сегодня, бормоталъ молодой человекъ. Выспаться можно и подъ портикомъ, гдѣ нибудь въ уголку; и увѣрять, что усну, какъ консулъ, если только консулъ спитъ. Какая жизнь моя! Какія странныя приключенія! какъ мало бога-покровители обращаютъ на меня вниманія! И! да о чемъ же мнѣ тужить? спрашивалъ онъ самъ себя, улыбаясь. Развѣ я не богатъ и счастливъ? отчего-жъ моею настоящей бѣдности не положить конецъ сейчасъ-же? Зачѣмъ богохульствовать и упрекать боговъ за то, что они надѣли ли меня тремя дарами: молодостью, веселостію и поэзіею? Благодареніе богамъ-покровителямъ!

Но кто этотъ человекъ, котораго окружаетъ толпа молодыхъ людей, которому каждый прохожій кланяется... Это Катонъ! Да, я узнаю его рыжіе волосы, его голубые глаза. Здравствуй, Катонъ!

— Здорово, рабъ, отвѣчалъ Катонъ, проходи мимо, безъ вниманія.

— Рабъ! нѣтъ. Я сынъ вольноотпущенника и римскій гражданинъ.

— Здравствуй, сынъ вольноотпущенника и римскій гражданинъ, отвѣчалъ Котовъ, проложая путь впередъ.

— Римскій гражданинъ голодець, Катонъ; дай ему хлѣба.

— Пусть римскій гражданинъ достаетъ себѣ хлѣбъ трудами.

— Я былъ подмастеремъ у хлѣбника; онъ меня выгналъ.

— Ступай къ другому.

— Это ремесло мнѣ надоело.

— Примись за другое.

— Я прошу у тебя совѣта. Вотъ комедія, которую я кончилъ сегодня утромъ.

— Комедія! вскричалъ Катонъ, мѣряя глазами незнакомца, котораго короткая туника была испачкана въ мукѣ.

— Катонъ, кажется, судить о людяхъ по платью. Однако подъ горькою корою померавца скрывается вкусный плодъ, а подъ аппетитною кожицею оливы — нигукуда негодное ядро.

Слова эти, сказанныя тономъ презрѣнія, загляли за живое Катона.

— Твое имя? спросилъ онъ, развертывая свитокъ.

— Хлѣбникъ прозвалъ меня — *Asinus* (осель).

Молодые люди, сопровождавшіе Катона, засмѣялись; но полмастерье продолжалъ безъ смущенія:

— Отецъ же мой далъ мнѣ названіе Марка Акція Плавта (короткогого). При этомъ новомъ имени молодые люди захохотали во все горло.

На лицѣ Катона поминутно исчезала холодная и презрительная улыбка, которою онъ встрѣтилъ незнакомца. И не мудрено: Катонъ читалъ первый трагическій образецъ произведенія латинской сцены, *Амфитріона*.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ сваялъ съ себя тогу, надѣлъ на плеча хлѣбника, поклонился ему и взялъ его за руку.

— Маркъ Акцій Плавтъ, сказалъ онъ ему, пойдѣмъ ко мнѣ, тебя примутъ, какъ заслуживаетъ великій поэтъ... Гражданинъ, преклонитесь предъ авторомъ *Менеми* и *Аулуларии*. Преклонитесь предъ этимъ человекомъ; онъ сдѣлалъ болѣе вреда пороку, чѣмъ все доброе примѣры и презрѣніе; онъ выставилъ его смѣшнымъ.

При сихъ словахъ молодые люди окружили комическаго поэта и последовали за Катонномъ и Плавтомъ, которые шли объявшись.

— Вотъ *геній* и *добродѣтель* идутъ объ руку! сказалъ что-то.

— Да, отвѣчалъ Плавтъ, по *генію* только сейчасъ пересталъ вертѣть мѣлничный жерновъ, которымъ онъ сплискивалъ себѣ пропитаніе.

— А *добродѣтель*, можетъ быть, со временемъ пожелаетъ, что не вертѣла его всю жизнь.

Видно предчувствіе говорило Катону,

что на его долгомъ и трудномъ поприщѣ, придется ему не разъ позавидовать жизни престолюдина. И въ самомъ дѣлѣ, сорокъ четыре раза Катонъ стоялъ предъ римскимъ народомъ, какъ обвиненный.

Что касается до Плавта, онъ скоро отказался отъ гостепримства и проекціи Катона; первое представленіе *Амфитріона* принесло ему и деньги и славу.

Плавтъ написалъ много пьесъ для театра. Четыре изъ нихъ болѣе другихъ известны; это: *Амфитріонъ*, которому подражали, у Италіанцевъ: Лудовико Дольче, у Англичанъ: Дриденъ, у Французовъ: Ротру и Мольеръ; *Авгуларія*, откуда Мольеръ заимствовалъ своего *Скупца*; *Менехмы*, передѣланные для италіанской сцены Триссино (*Similiti*), для авглійской Шекспиромъ (*ошибки*), для французской Ротру и потомъ Ревьяромъ; и *Мостеларія*, которую Лариве почти перевелъ въ своей комедіи *Духи*, а Ревьяръ заимствовалъ изъ ней «*Нечаянный возвратъ*» (*Retour imprévu*). *Casina* подала Макіавелло сюжетъ для его *Клитуа*; кроме того некоторыя черты ея можно найти въ *Любодныхъ Шлохтахъ*—Ревьяра и даже въ *Свадьбѣ Физаро*, Бомарше. Одна изъ первыхъ сценъ *Севильскаго Цирюльника* такъ-же напоминаетъ сцену изъ *Куркуліона*. *Разстроенная Свадьба*, заимствована частью изъ *Epidicus*, а частью изъ *Vaschides*, одного изъ остроумѣйшихъ произведеній латинскаго поэта. Корнель, начертывая характеръ Матамора, въ своей комедіи *Призраки* (*Les Illusions*) и вообще всѣ поэты, которые выводили на сцену самохваловъ, пользовались Плавтовымъ *Miles Gloriosus*. Андріе призывается, что три стиха изъ Горация и Плавтова пьеса *Trinnumus* (или Три Щита) дали ему идею для комедіи *Сокровище*. некоторыя комическія черты изъ *Mercator*, (Купецъ); скопированы разными новѣйшими драматургами. Но почти ничто заимствовано изъ *Pseudolus* (Обманщикъ) и *Truculentus* (Грубявъ), хотя, по словамъ Цицерона, эти двѣ комедіи Плавтъ имѣлъ полное право гордиться. *Cistellaria*, несмотря на бѣдность содержанія, богата

интересными подробностями. Другія пьесы Плавта суть *Rudens* (снасти, или счастливое кораблекрушеніе), *Persa*, *Asinaria*, и *Stictus* (или Супружеская Вѣрность). Последняя драма недостойна Плавта, хотя Лимберъ перевелъ ее стихами. Нѣкоторые ученые увѣряютъ, что она не его произведеніе: въ самомъ дѣлѣ трудно въ этой пьесѣ узнать остроуміе, веселость и слогъ Плавта. *Asinaria* перепорчена переписчиками; пропуски, приписки и переноски чрезвычайно обезображиваютъ эту комедію. Интересъ валь въ *Persa* и не слишкомъ живъ въ *Rudens*, не смотря на романическій характеръ сочиненія.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ АРИСТОФАНОВОЙ КОМЕДІИ: «ОБЛАКА».

(Въ четвертомъ году 389 олимпиады, за 378 до Р. X.)

Это было въ праздникъ Кивелы. На театрѣ давали новую пьесу Аристофана.

За долго до вечера народъ собрался у входа театра и расположился въ портикахъ, на мраморныхъ скамьѣкахъ. По обычаю народному, здѣсь раздавалось по два оболы каждому гражданину аѣнскому, желавшему видѣть спектакль; одинъ оболъ платился за мѣсто въ ложахъ амфитеатра, а другой издерживался на желудочные расходы, во время представленія.

Получивъ деньги, зритель уходилъ въ галерею, которая вела въ амфитеатръ. Въ каждомъ ярусѣ ложъ стояло по два пристаивика: одинъ, въ пурпуровой одеждѣ, собиралъ деньги за входъ, а другой, съ бѣлою палкою въ рукъ, разсуживалъ зрителей чинно по мѣстамъ и смотрѣлъ за порядкомъ.

Въ тотъ разъ, любителей забавнаго собралось въ театрѣ необыкновенно много, ложи были набиты биткомъ; кто сидѣлъ, кто стоялъ. Шумъ, свистъ, топотъ, крики нетерпѣнія и злая шутка надъ смѣшными физіономіями, не умолкали ни на минуту. Аѣнныне были ве-

сельчаки; любили позабавиться и поострить на счетъ ближняго; бѣдникъ, понавшійся имъ на зубокъ, или бѣжалъ вонъ театра или закрывалъ отъ стыда голову тоюго и прятался куда-вибудь въ уголъ.

Почти передъ началомъ представленія входить въ амфитеатръ почтенный старецъ, бѣдво одѣтый и согбенный подъ тяжестью лѣтъ; онъ ищетъ себѣ мѣста, гдѣ бы можно было присѣсть. Затрудненіе не много смѣшало старика: убійственный хохотъ раздался со всѣхъ сторонъ. Въ одной ложѣ молодые люди потѣшились и оставили пустое мѣсто; а старикъ, сопровождаемый извительными насмѣшками, съ большимъ трудомъ протиснулся къ этому мѣсту. Онъ прошолъ почти весь амфитеатръ и достигъ наконецъ до назначаемого ему мѣста. Это была ложа спартавскихъ пословъ.

Младшій изъ нихъ поднялся, взялъ старца за руку, посадилъ на свое мѣсто, а самъ сталъ позади его.

Одинъ изъ аэниавъ всталъ съ мѣста и началъ аплодировать. Вся зрители вторили ему съ громкими кликами. Аэниавы забыли, что, аплодируя поступку чужестранца, они пятнали свой поступокъ.

Между тѣмъ звуки музыкальныхъ инструментовъ возвѣстили начало спектакля; хористы выступили на сцену, впереди ихъ шедъ флейщикъ. Шестъ хористовъ составляли переднюю шерингу, а четыре заднюю; это значило, что будетъ играть комедія.

Театръ представлялъ парадное крыльцо дворца; въ глубинѣ видѣлась площадь; въ сторонѣ отърывались двѣ улицы, застроенныя домами; одна улица выходила на востокъ, другая на западъ.

Совсѣмъ неожиданно явилась на сценѣ въ кровать съ постелью; уродливая маска встаетъ съ постели, бѣгаетъ по сценѣ въ большихъ попыхахъ. Это было одно изъ дѣствующихъ лицъ, Стрепсиадъ. «У меня куча долговъ, а вкусъ избалованъ до крайности,» говорилъ Стрепсиадъ. Выходитъ новое лицо, Фидиппудъ, сынъ его, порялочный недоросль и такой-же расточительный, какъ и отецъ его. Завязывается споръ между

сыномъ и отцомъ, тутъ кстати Стрепсиадъ намекаетъ, что у него есть на примѣтъ одинъ философъ, (по имени не называется), у котораго онъ хочетъ попросить совета, какъ бы избавиться отъ своихъ займолавцевъ.

Стрепсиадъ стучитъ въ дверь философа, слуга открываетъ, вѣдь перемѣняется.

Философъ сидитъ на каведрѣ, окруженный своими учениками. Маски лицъ, безъ сомнѣнія, имѣли большое сходство съ наружностію тѣхъ, кого они представляли; потому что вся зрители обратились къ аэниаву, рукоплескавшему спартавскому послу, и повторяли со смѣхомъ: «Сократъ! Сократъ!»

Сократъ держалъ въ рукъ букетъ розъ. Онъ улыбался вмѣстѣ съ другими, но смѣялся безъ укоризны, по уваженію къ искусству.

Спектакль продолжался. Сократъ вившій въ лукошкѣ на воздухъ, спустился на театръ и призывалъ облака «единственныхъ боговъ, въ которыхъ вѣр ovalъ.»

Зрители долго аплодировали этой остроумной шуткѣ Аристофана. Авторъ комедіи давалъ зрителямъ понять, что ученія Сократа есть чистая химера, подобная туману, изъ котораго образуются облака.

Послѣ Сократова призыванія спустились, посредствомъ машины, и облака: это были актеры въ самыхъ странныхъ костюмахъ и женскихъ маскахъ. Они воспѣвали хоромъ могущество облаковъ и обѣщали Стрепсиаду расположить въ нему Сократа.

За тѣмъ Стрепсиадъ отвергаетъ аэниавскихъ боговъ и воздастъ божеское почтеніе облакамъ, за что они и обѣщаютъ научить его, какъ можно занимать деньги и ничего не платить.

«Руководствуйся Сократомъ, и ты узнаешь» прибавили онъ.

Этимъ окончился первый актъ. Актеры сошли со сцены, зрители стали съ ними разговаривать и громко смѣяться.

Хоръ показался снова, за нимъ Сократъ и Стрепсиадъ, у котораго философъ укралъ плащъ.

Начался разговоръ, прерываемый къ-

сколько разъ хохотомъ насмѣшливой публики.

Сократъ. Чему ты хочешь научиться: мѣръ, гармоніи, числу?

Стрепсиадъ. Да, да, мѣръ, непременно, потому что одинъ бупецъ недавно безсовестно обмѣривалъ меня... А гармонія... на что она мѣръ?

Сократъ. Она сдѣлаетъ тебя пріятнымъ въ обществѣ.

Стрепсиадъ. Вотъ въ чемъ дѣло: научи меня дѣлать бессильнымъ законное право.

Чѣмъ ближе Стрепсиадъ приступаетъ къ дѣлу, тѣмъ болѣе оступаетъ Сократъ; философъ, говоритъ онъ требуетъ моего прелиминарныхъ познаний, и даетъ своему ученику урокъ грамматическій, который оканчивается такъ:

«Лягъ въ постель, размышляй, следи за одною мыслию, и если не можешь ее рѣшить, возьми другую, развивай ее, разгадывай, созерцай; и ты найдешь, наконецъ, средства обанкрутить своихъ заимодавцевъ.»

Хохотъ и рукоплесканія послышались со всѣхъ сторонъ; эти слова довольно тонко пародировали правила Сократа, который всегда старался выпытывать мысли у другихъ, не высказывая своихъ. Поэтому-то его и прозвали *повивальной бабкою умовъ*.

Ворочаясь съ боку на бокъ на своей постели, Стрепсиадъ вскричалъ наконецъ, что онъ нашелъ секретъ.

«Я дамъ денегъ Фессалійскому чаролю, завлабую, при помощи его, луною и вставлю ее въ рамку, вмѣсто зеркала.»

Сократъ. Чтожь изъ этого будетъ?

Стрепсиадъ. Какъ что? не будетъ мѣсяца, не буду и я платить долговъ.

Сократъ. Какъ такъ?

Стрепсиадъ. Дѣло ясное. Небудеть мѣсяца, какъ же мѣвъ платить помѣсячно.

Сократъ. Но если тебя присудятъ заплатить пять талантовъ, какъ ты отдѣлешься отъ этого обязательства?... Подумай объ этомъ, размысли нѣсколько минутъ, дай полетъ своему уму, подобно тому, какъ поступаютъ дѣти съ жукомъ, привязавъ его на нитку.

Стрепсиадъ. Я стану позади судьи,

поставлю зеркало противъ лучей солнца и сожгу бумагу, гдѣ подписанъ мой приговоръ.

Сократъ. А если тебя осудитъ цѣлое общество?

Стрепсиадъ. Средство простое; я повѣшусь.

Сократъ видя, что ничего немо- жетъ сдѣлать изъ своего новаго ученика, совѣтуетъ ему послать вмѣсто себя сына.

Мы нестанемъ слѣдить за ходомъ всей пьесы *облака*, мы скажемъ только, что полъ конецъ, сынъ Стрепсиада, по совѣту Сократа, бьетъ палкою и выгоняетъ своего отца. Послѣдній, возненавидя философію, сзываетъ своихъ людей, вооружаетъ ихъ топорами и факелами, взлезаетъ съ ними на кровлю школы, зажигаетъ ее; и школа выгараетъ до тла.

Сократъ выходитъ весь въ дыму и спасается вмѣстѣ съ своими учениками; хоръ насмѣхается надъ бѣглецами.

Небольшое происшествіе прервало на время первую сцену въ послѣднемъ актѣ. Одинъ изъ актеровъ какъ-то запамятовалъ роль и перевернулъ свою двойную маску, когда вовсе неслѣдовало; *) публика встала съ мѣсто и требовала отъ актера, чтобъ онъ снялъ маску, желая позабавиться его смущеніемъ. Несчастный принужденъ былъ повиноваться; его ошквали съ ногъ до головы; онъ уступилъ свой костюмъ и маску другому актеру и тотъ продолжалъ его роль.

Толпа мало по малу разходилась; выходы изъ театра сдѣлались просторнѣе. Сократъ, сидѣвшій весело и смѣявшійся въ продолженіе всего спектакля, вышелъ изъ театра среди своихъ учениковъ, которые удивлялись необыкновенной силѣ души этого человека.

На поворотѣ одной улицы онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ Аристофаномъ, котораго съ триумфомъ провожали друзья. Аристофанъ покраснѣлъ и хотѣлъ вернуться назадъ; но Сократъ прямо подошелъ къ нему и букетомъ розъ ласково

*) Двойная маска была съ двумя лицами; актеръ повертывалъ въ ней голову то на ту, то на другую сторону, смотря потому, како- го выраженія требовалъ ходъ пьесы.

потрепалъ его по лицу. Аристофанъ, испугавшись, отступилъ на нѣсколько шаговъ. Аристофанъ, сказавъ ему съ улыбкою философъ, поступай съ этимъ букетомъ, какъ я поступилъ съ твоею піекою; не сердись на колючіе шипы, ихъ выкупаешь прекрасный запахъ.

— Берегись! вскричалъ одинъ прохожій; въ этихъ розахъ гнѣздится, быть можетъ, змѣя.

Этотъ прохожій былъ Платонъ. — Спуста двадцать три года Сократъ принялъ поднесенный ему ядъ; Аристофанъ задумчиво прохаживался въ Притавѣ, знакомый голосъ заставилъ его затрепетать:

— Я вѣдь говорилъ тебѣ, Аристофанъ, что въ твоихъ розахъ гнѣздилась змѣя.

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦЪ.

ВОДЕВИЛЬНАЯ ШУТКА.

Мы вступили въ одинъ день въ Сенсирское военное училище. Оба мы однихъ лѣтъ, одного роста и долго жили одною жизнью. Теперь тому уже лѣтъ двадцать.

Насъ было четыреста воспитанниковъ, жадныхъ славы и съ мечтами не о чинахъ, а о битвахъ. Увы! гдѣ теперь эти четыреста мальчиковъ, составлявшихъ тому двадцать лѣтъ Сенсирскій батальонъ? Въ арміи осталось ихъ едва тридцать, сорокъ! Остальные бросились по разнымъ дорогамъ; кто палъ тогу адвоката, кто посвятилъ себя сельскому хозяйству и скромной семейной жизни, кто избралъ кафедру профессора; иной одѣлся скромной ризою священника, иной щеголяетъ въ раззолоченномъ мундирѣ префекта; есть изъ числа ихъ журналисты, врачи, книгопродавцы... Наконецъ, изъ батальона 1825 года, немногимъ удалось разрѣшить самую завлекательную задачу: какъ быть маршаломъ.

Я сказалъ, что мы были одного выпуска и одной роты. Его звали Робертъ де Валловъ; меня Юлій Маркъ. Мы были искренними друзьями съ дѣтства; между

нами не было никакой разницы; никакой, кромѣ того, что я былъ богатъ, а онъ бѣденъ; что онъ былъ знатенъ, а я нѣтъ. Я не могъ попасть въ его кругъ; ему должно было отказаться отъ моихъ удовольствій — вотъ вся разница: но тогда мы были въ счастливомъ возрастѣ, который не знаетъ свѣтскихъ различій.

1 Октября 1824 г., мы съ Робертомъ имѣли честь получить чинъ подпоручика. Наше прощаніе съ училищемъ было непродолжительное. Оставивъ книги, какъ бесполезный хламъ, мы бросились на путь жизни съ безпредѣльными надеждами.

Мой другъ Робертъ наследовалъ всѣмъ преданіямъ вѣка регенства: онъ утверждалъ, что нужно имѣть пламенную душу, благородное сердце, отчаянную голову, ловкую шпагу и страсть къ приключеніямъ.

Черезъ два года послѣ нашего выпуска, Робертъ былъ самымъ милымъ повѣсой во всей французской арміи. Недостатокъ денегъ, слабость здоровья, и чрезвычайная увлекательность, часто заставляли меня бояться за будущность друга моего Роберта де Валлона.

У него была старая тетка въ Парижѣ, богатая, очень богатая, но чрезвычайная ханжа. Графиня де Сенъ-Сиранъ, изъявила желаніе женить Роберта и дать ему великолѣпное приданое. Она никогда не видала своего племянника и торжественное свиданіе было назначено въ первую треть года. Именно въ то же самое время, дѣла призывали въ Парижъ и меня.

На другой день приѣзда, другъ мой Робертъ почувствовалъ такую усталость, что не могъ вытти изъ комнаты. Этотъ день былъ однако заранѣе избранъ для торжественнаго свиданія подпоручика съ тетусшкой-святошей. Мелничъ было невозможно: общественная касса мало по малу истощилась и тетусшка должна была быть провидѣніемъ обоихъ друзей.

Призванный докторъ объявилъ, что у Роберта гастрическое воспаленіе. Такая болѣзнь требовала продолжительнаго покоя. Я ходилъ за больнымъ. Прошла неделя, двѣ, наконецъ мѣсяць. Займы стали трудны и мы дошли до крайности

Къ намъ пришло письмо изъ Тура, по съ клеймомъ парижскаго почтамта; это письмо искало Роберта въ городъ, гдѣ стоялъ его полкъ и намъ переслали его въ Парижъ... Увы! графиня Сень-Сирапъ, на смертномъ одрѣ, горько жаловалась на пренебреженіе своего племянника и заклинала его именемъ Бога поспѣшить теперь же принять благословеніе и послѣднюю волю его единственной родственницы.

Чортъ побери! да я разоренъ, вскричалъ Робертъ, не смотря на свою болѣзнь; васлѣдники воспользуются моимъ отсутствіемъ, чтобъ погубить меня. О, милый Жюль, что съ нами будетъ! — Ба! вотъ чудесная мысль! тетуска меня не знаетъ; мы оныхъ лѣтъ, олого роста, ты — другой я; о Жюль, замѣни меня на нѣсколько дней? мы братья, не правда ли? твое присутствіе возвратитъ, можетъ быть, жизнь графинѣ Сень-Сирапъ и она будетъ благословлять нашу благую хитрость.

Хоти такая мѣна показала мнѣ слѣшкомъ отзывавоющеюся регенствомъ, и сперва видѣлъ въ ней только дѣтскую шутку, и рѣшился на нѣсколько дней стать молодымъ графомъ Робертомъ де Валлономъ. Плате его было сшито какъ бы па мѣдъ, и когда и подстригъ усы и волосы по его привычкѣ, то разительно доходилъ на моего друга Роберта.

Свиданіе было патетическое. Старая тетуска крѣпко прижала мѣня къ сердцу; потомъ велѣла мнѣ стать поодоль, смотрѣла на меня съ слезами на глазахъ и сказала: это живой портретъ де Валлоновъ! Ахъ, дитя мое, какъ ты напоминаешь мнѣ своего дѣда Цезаря Тимолона де Валлона, о которомъ бывало не переставалъ говорить король. Тетуска протянула мнѣ руку и я почти гелъю поцѣловалъ ее. «Какіе благородные примсы, другъ мой, въ тебѣ видѣтъ графъ въ самомъ малѣйшемъ движеніи.

Когда мы, по желанію тетуски, остались одни; она объявила, что желаетъ женить меня на единственной дочери герцога де Мелана. — Герцогъ принадлежить къ одной изъ лучшихъ фамилій во Франціи, сказала она: — а беру па

себя припадокъ: Двадцать тысячъ доходу; прибавила она шепотомъ.

Я былъ въ крайнемъ смушевіи; роль моя казалась мнѣ чрезвычайно тягостною.

Графиня Сень-Сирапъ меня совершенно очаровала и я полюбилъ ее съ перваго взгляда.

При прощаньи, я едва могъ отвѣрнуться отъ предложеній. Она хотѣла приудить меня переселиться въ ея обширный домъ. Ты велѣчилъ меня, говорила она улыбаясь; не покидай меня, Робертъ; ты — дома; смотри на меня, какъ па добрую бабушку и возврати мнѣ семейство и любовь, которыхъ я такъ давно лишилась.»

Я былъ непоколебимъ въ своей рѣшимости и отказался даже отъ хорошенькаго кошелька, набитаго золотомъ, который графиня сунула мнѣ въ руку па прощаньи.

Но чрезъ два часа, таинственный говетъ украдкой положилъ па каминѣ нашей маленькой гостиной въ улицѣ д'Артуа, богатую коробку, заключающую въ себѣ короткое письмо и десять билетовъ въ тысячу франковъ. Робертомъ овладѣлъ припадокъ веселости, котораго не могла развѣять мол грусть.

Меня мучило смутное предчувствіе и совѣсть кричала, что я измѣняю достоинству человека и офицера. Робертъ заглушилъ мои опасенія и находилъ положеніе наше чрезвычайно забавнымъ.

«Когда я выздоровѣю, мы бросимся па колѣна передъ тетускою, которой мы не дали умереть; и она проститъ, и мы желимся и разбогатѣемъ...»

Сильный кашель не далъ ему докончить. Мертвенная блѣдность покрыла его лицо и въ первый разъ я замѣтилъ успѣхи болѣзни.

На другой день, и въ слѣдующіе дни, я едва могъ отлѣзаться отъ визитовъ, которые должепъ былъ дѣлать. Кругъ знакомства графини Сень-Сирапъ былъ довольно великъ и я должепъ былъ послатить цѣлую ведѣлю па развѣзды по Сень-Жерменскому предмѣстью. Герцогъ де Мелавъ, сдѣлалъ мнѣ самый дружескій пріемъ. Въ его дочери Маріи я пашелъ ангела и скоро у меня была уже тайпа отъ моего бѣднаго Роберта.

Напрасно старался я вырваться изъ этого положенія, полнаго прелести и угрызений. Два быстро летѣли за днѣми и вихрь увлекалъ меня противъ волн. Графиня выздорѣвала и не переставала называть меня своимъ избавителемъ. Болѣзнь Роберта все усиливалась, а Марія де Меданъ заставила меня забыть цѣлый свѣтъ. За визитами слѣдовали дружескія сближенія, семейные объѣды, сельскія прогулки. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ Робертъ былъ уже при смерти, графиня злоровѣе, чѣмъ когда вѣбудь, а герцогъ просилъ меня въ кабинетъ переговорить. Сырые глазки графини были слишкомъ зорки, чтобъ неугадать моей любви къ Маріи.

— Завтра, сказала она, вѣжно пожмая мнѣ руку; завтра ступай въ кабинетъ къ герцогу; и потомъ, милый Робертъ, намъ можно будетъ произносить имя Маріи... безъ грѣха.

Добрая женщина! Она любила меня два мѣсяца и заставила меня попятъ всю прелесть материнской ласки! Въ этихъ двухъ мѣсяцахъ была для меня цвѣлая жизнь. Я узналъ избранное общество. Я благородно носилъ благородное имя, и любилъ, и былъ любимъ... и къмъ, Боже мой! самую милою, самую очаровательною изъ дѣвушекъ..

На другой день участь моя должна была рѣшиться. Въ полночь я вышелъ изъ дома графини и мучимый бореніемъ мыслей, пустился бѣгомъ по пустыльнымъ городскимъ улицамъ. Мало по малу мои мысли смѣшались, голова растерялась и какой-то жаръ овладѣлъ мною. Я помѣшался; было часа четыре утра, когда я втащился кой-какъ на лѣстницу нашей квартиры въ улицѣ Артуа. Это было 1-го декабря; ночь была долгая, темная и холодная. — Сидѣлка Роберта заснула въ креслахъ при умиравшемъ огнѣ камина. Я развинулъ завѣсы больного. Передо мною лежалъ не Робертъ, а какое-то странное привидѣніе, я наклонился и назвалъ его по имени; онъ какъ будто горько улыбулся мнѣ.

Старая сидѣлка мало по малу проспунлась, раздула огонь, посмотрѣла на часы, подъ которыми изображено было время съ косою въ рукахъ; потомъ попра-

вила чепчикъ, подошла къ постели, бормоча что-то про себя и вдругъ закричала: *онъ умеръ!*

Я бросился съ лѣстницы и побѣжалъ, куда глаза глядѣли, по площадямъ и переулкамъ. Безуміе совершенно овладѣло мною. Холодъ возвратилъ мнѣ нѣсколько наружное спокойствіе и голова моя наполнилась самыми странными идеями. Къ образу мертваго Роберта, моего единственнаго друга, примѣшивался улыбающійся образъ Маріи, моей единственной любви; мнѣ чудилось, что графиня меня проклинаетъ, герцогъ гонять и свѣтъ предастъ презрѣнію.

Перебирая всю мою жизнь, я сознавалъ, что я честный человѣкъ и между тѣмъ какой-то внутренней голосъ называлъ меня низкимъ обманщикомъ.

Твердымъ шагомъ возвратился я въ улицу д' Артуа. Распоряженія къ похоронамъ Роберта были скоро сдѣланы. Я привелъ въ порядокъ собственный дѣла и изготовился къ отъѣзду; потомъ отправился въ литографію и велѣлъ напечатать слѣдующіе билеты:

«Графъ Робертъ де Валлонъ, офицеръ 22 егерскаго полка, имѣетъ честь извѣстить васъ о своей кончинѣ. Онъ умеръ въ квартиру своей, въ улицѣ Артуа, № 10, сегодня 1 декабря, въ четыре часа утра, и покорпѣйше проситъ пожаловать на выносъ тѣла, завтра въ полдень, въ церковь...»

«Простятъ собираться въ домъ покойнаго.

«De profundis»,

Съ огромнымъ пакетомъ билетовъ, одѣтый въ черпомъ, съ блѣднымъ лицомъ и голосомъ, ослабшимъ отъ ужасныхъ впечатлѣній послѣдней ночи, я отправился ко всемъ знакомымъ, и кланялся, говорилъ: *я умеръ.*

Многіе сочли мся сумасшедшимъ и лѣйствительно я страдалъ безуміемъ, но безуміемъсеріознымъ, философскимъ, какое бываетъ нерѣдко.

Бѣдная графиня упала въ обморокъ, и я воспользовался минутою, когда всѣ суетились около нея, чтобъ бѣжать и скрыть свои слезы.

Герцогъ выслушалъ меня, улыбаясь, и спросилъ въ которомъ часу я завтракаю.

Я подалъ ему пригласительный билетъ съ низкимъ поклономъ и не говоря ни слова о Маріи.—«До вечера, въ моемъ кабинетѣ», сказалъ онъ.—«До завтра, на кладбищѣ», отвѣчалъ я и пустился бѣжать.

На другой день утромъ, фасадъ нашего дома былъ обитъ чернымъ сукномъ. Прохожіе останавливались, спрашивали и равнодушно продолжали путь.

Я забился въ маленькую темную комнату въ противуположномъ домѣ и наблюдалъ за всѣмъ, что происходило.

Въ половинѣ перваго графиня Севъ-Сирапъ и герцогъ Меланъ пріѣхали въ безпокойствѣ о томъ, что я не явился наканунѣ въ назначенное свиданіе. Нѣсколько пріятелей явились тоже, чтобъ посмѣяться надъ моими вчерашними проказами, другіе чтобъ насладиться моимъ смущеніемъ. Собралось семь, восемь каретъ. Швейцарь, съ крѣпкою повязкою на рукѣ и шляпѣ кланялся всѣмъ съ плачевнымъ видомъ.—Я хочу видѣть графа Роберта де Валлова, сказала графиня.—Онъ умеръ вчера въ четыре часа утра, отвѣчалъ улыбаемый привратникъ:—его-то хоронятъ.

—Какъ, вскричалъ герцогъ, да мы все видѣли его вчера въ полдень.

—Онъ умеръ, повторилъ привратникъ.

Графиня Севъ Сирапъ вскрикнула и

упала на руки герцога. Ея перенесли въ карету герцога Мелана. Потомъ, а не видѣлъ уже ничего, во слышалъ смѣшанные голоса, которые твердили о смерти Роберта; потомъ еще крикъ, крикъ ужасный, отъ котораго я вздрогнулъ, какъ отъ пули, пробивающей сердце: это былъ крикъ Маріи...

Черезъ два дня жаръ, который я считалъ безуміемъ, прошелъ. Я прочиталъ подробное описаніе моихъ похоронъ въ газетахъ. Потомъ я потѣхалъ въ Орлеанъ и цѣлыя шесть лѣтъ не могъ укрыться отъ своихъ воспоминаній.

Возвратившись въ Парижъ, я тотчасъ отправился на кладбище отца Лашеза, помолиться на могилѣ Роберта. Въмѣсто одной, я увидѣлъ двѣ могилы. Старая графиня не могла пережить меня, герцогъ умеръ также, провѣсивъ кратковременную жизнь, отравленную ребяческими ужасами. Увы! онъ вѣрилъ въ привидѣнія и ночи его проходили безъ сна и покоя.

Вчера я былъ въ оперѣ въ одной ложѣ съ Марією; она теперь богатая и прекрасная графиня Г... — Она не узнала меня; волосы мои побѣлѣли подъ гнетомъ воспоминаній, африканское солнце сожгло лицо и глубокія морщины составили меня преждевременно.

ТЕКУЩІЙ

РЕШЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ

№ 10.

1841.

РАЗДАЕТСЯ

ПРИ

ШАНТРОНЪ

РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

ТЕАТРА

СОДЕРЖАНИЕ ДЕСЯТОЙ КНИЖКИ.

РАССКАЗЫ

**Сюжетт. Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ Французскаго Н. Филимо-
лова.**

1811

№ 10

РАЗДАЕТСЯ

ВЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВЪ СКАЗО И ВОСХЪ ВЪРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРА

СЮЗЕТТА.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Д. С. Филлимонова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Пастолниѣрь, инспекторъ телеграфа.
Эдуардъ Дельпье.
Вагнеръ, докторъ.
Сюзетта, невіста Пастолниѣра.
Элоиза, ея двоюродная сестра.

Зефиръ.
Пьеръ, слуга Пастолниѣра.
Трактирный мальчикъ.
Гости.

Первое дѣйствіе происходитъ въ Фонтенав, а второе въ Шалонъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Зефиръ и національные гвардейцы, потомъ Элоиза. Приподнятіи завѣса, пять человекъ солдатъ маневрируютъ, по командѣ Зефира.

Зефиръ. Лѣвой... правой... лѣвой... правой... стой... во фронтъ... къ ногъ... стоять вольно.

Элоиза. Прекрасная мѣсть, г. Зефиръ, заставитъ маневрировать вашу роту въ саду, у самыхъ дверей дома.

Зефиръ. Это для того, чтобъ быть подъ защитою отъ бури: скоро пойдетъ

дождь, а я не хочу подвергать этихъ господъ непріятности быть промоченными. *(Командуетъ)*. Смирно.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Эдуардъ.

Эдуардъ. Позвольте васъ спросить, не здѣсь ли живетъ г. Пастолниѣрь?

Элоиза. Пастолниѣрь, инспекторъ Фонтенайскаго телеграфа?...

Зефиръ. Капитанъ нашей волтижерской роты и лучшій человекъ въ свѣтъ; не правда ли друзья, что нашъ капитанъ добрейшій человекъ?

Гвардейцы. Да, да, правда, правда.

Эдуардъ. И мнѣ то же сказывали. Могу ли я съ нимъ говорить?

Элоиза. Это теперь довольно трудно: онъ при своемъ фонарь.

Зефиръ. А когдаонъ на телеграфъ, за-прещено ему мѣшать.

Элоиза. (Эдуарду). Если вамъ надо, что нибудь ему сказать, такъ я готова...

Эдуардъ. Благодарю васъ, сударыня! Я еще разъ зайду; вѣроятно можно будетъ улучшить минутку чтобы съ нимъ поговорить!

Зефиръ. Конечно... да... вотъ что: г. Пастолиньеръ сегодня женится, то есть ужъ окончательно.

Эдуардъ. Женится... (Элоизѣ) и можетъ быть на васъ?

Элоиза. Нѣтъ, сударь, я двоюродная сестра его невесты.

Зефиръ. Она уже вадова. (Командуетъ). Смирно.

Эдуардъ. (Въ сторону). О чортъ его возьми... ужасно надоелъ. (Громко). Такъ какъ г. Пастолиньеръ теперь занять, то я приду въ другое время; мнѣ надобно раздать еще нѣсколько писемъ. (Читаетъ адресъ). Посмотримъ это... дѣвицъ Сюзеттъ Ферьеръ, въ Фонтенаъ, близъ Монтаржи.

Элоиза. Сюзеттъ Ферьеръ, на большой улицѣ, № 10-й?... Это невеста Пастолиньера.

Эдуардъ. Право? Но у меня нѣтъ времени теперь... прощайте! (Блѣжитъ, попадаетъ во фронтъ солдатъ и дѣлаетъ въ немъ безпорядокъ). Ахъ извините, я и не замѣтилъ вашей армін.

Зефиръ. Да не съ ума ли сошелъ, этотъ молодой человекъ? Какъ же было смѣть сдѣлать такой безпорядокъ во фронтъ?

Элоиза. И зачѣмъ ему надо г. Пастолиньера?

Зефиръ. Это какой нибудь служащій при телеграфѣ. (Командуетъ). Смирно. (Пастолиньеръ выходитъ на крыльцо, въ шлафрокъ и колпакъ).

Элоиза. Вотъ и братецъ... а молодой человекъ ужъ ушелъ... Эй вернитесь, сударь... Нѣтъ, онъ повернулъ въ другую улицу.

Зефиръ. А капитанъ... (Командуетъ). На плечо... слушай... на крауль.

ЯВЛЕНІЕ III.

Пастолиньеръ, Зефиръ, Элоиза и національные гвардейцы.

Пастолиньеръ. Здравово ребята!

Гвардейцы. Здравія желаемъ, капитанъ.

Элоиза. (Возвращаясь). Онъ ужъ далеко.

Пастол. Волтижеры!... Я всегда съ новымъ удовольствіемъ вижу васъ. — Сержантъ Зефиръ.

Зефиръ. Что угодно капитанъ?

Пастол. Утверждаю и подтверждаю, что всего пріятнѣе, въ день моей свадьбы, виать здѣсь мою волтижерскую роту. — У меня будетъ свадебной обѣдъ. — Волтижеры — я всѣхъ васъ приглашаю — въ церковь. (Подходя на авансцену). Сержантъ Зефиръ... проходите въ порядокъ.

Зефиръ. (командуетъ). На плечо... на право... скорымъ шагомъ... маршъ. (Маршируютъ).

Пастолиньеръ. Держаться прямо... вотъ такъ... Сержантъ Зефиръ — идите въ головъ колонны... а вы не вѣшайте головъ... хоть васъ не много на лицо... идите съ праздничнымъ лицомъ. (Зефиръ съ командою уходитъ).

Элоиза. Наконецъ, насилу эта армія провалилась.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Элоиза и Пастолиньеръ.

Пастолиньеръ. Теперь оставьте меня въ покоѣ, чтобъ я былъ счастливъ на свободѣ!... Ахъ, кузина Элоиза!... какое благополучіе... туманъ и будетъ дождь... само небо благословляетъ нашъ союзъ.

Элоиза. Что вы говорите?

Пастолиньеръ. Туманъ... слѣдовательно нѣтъ передачи телеграфическихъ новостей. Я несъ предаюся моей женитбѣ и женѣ... мнѣ такъ хорошо... такъ легко, что кажется во мнѣ нѣтъ и ста драхмъ вѣса... мнѣ кажется, что я могу привести новость въ Парижъ, на собственныхъ ногахъ моихъ, также скоро, какъ на рукахъ телеграфа. Но гдѣ же Сюзетта? Но гдѣ же она?

Когда со мною нѣтъ Сюзетты,
Чего-то мнѣ не достаетъ;
Всѣ пошлы кажутся предметы,
Она одна на умъ лѣтъ.

Элоиза.

Такая нѣжность, страсть къ цѣвѣсть
У всѣхъ бываетъ въ свой чередъ,
А пожить съ женою вмѣстѣ,
То вмѣстѣ съ тѣмъ и страсть пройдетъ.

Не выходите изъ терпенія; она скоро будетъ... она теперь занята туалетомъ.

Пастолиньеръ. Туалетомъ?... Развѣ Сюзетта имѣетъ въ пемѣ надобность? Развѣ она нуждается въ прикрасахъ? — Да когда же... да скоро ли она придетъ?...

Элоиза. Скоро придетъ время, когда вы не будете ожидать се съ такимъ нетерпѣніемъ.

Пастолиньеръ. Да время ужъ ей быть.

И такъ женюсь я непременно.

Элоиза.

Она вамъ слишкомъ молода!

Пастолиньеръ.

Я въ ней увѣренъ совершенно!

Элоиза.

Напрасно; тутъ-то и бѣда.

Пастолиньеръ.

Покойнымъ я могу остаться:
Кокетства въ ней ни капли нѣтъ.

Элоиза.

И молодымъ нельзя ручаться,
А ужъ тѣмъ боле — вашихъ лѣтъ.

Пастолиньеръ.

Смотрѣть за ней, я буду строго
И поступать не наобумъ.

Элоиза.

Но пользы будетъ въ томъ не много,
Когда любовь взбредетъ на умъ.

Пастолиньеръ.

Ей много чтенія найдется,
Оно займетъ и развлечетъ.

Элоиза.

Ну коль она другимъ займется,
Или другой — ее займетъ.

Пастолиньеръ, (съ ужасомъ останавливая ее).

Молчите... духъ во мнѣ займетъ!

Элоиза. Ну что за огонь, что за жаръ такой?... знаете ли... любовь васъ слишкомъ молодитъ.

Пастолиньеръ. Какая любовь... въ мои лѣта... не дѣлай меня смѣшнымъ, душа моя... какъ будто я женюсь въ первый разъ.

Элоиза. Какъ сударь, такъ вы женитесь на другой?

Пастолиньеръ. На третьей.

Элоиза. Ахъ, Боже мой! Онъ женится на третьей.

Пастолиньеръ. Ковечно. На телеграфѣхъ всегда такъ, всегда по экстрапочтѣ.

Элоиза. (перебивъ его). И вы всегда были счастливы?

Пастолиньеръ. Не совсѣмъ... женитьба номера перваго, была по любви; я женился еще юношею... Этому уже много лѣтъ.. тогда жена моя была прелестна, восхитительна... ну и я... я также былъ недуренъ...

Элоиза. Да этому должно быть много лѣтъ.

Пастолиньеръ. Мы не покидали другъ друга и, всякой девѣ, моя Лиза, ее звали Лизой... имѣла пріятную привычку, мнѣ клясться въ вѣрности, любви и постоянствѣ. — Въ одно утро, на телеграфѣ было пропасть дѣла и она меня поддѣла...

Элоиза. Что жъ клятвы-то ся?

Пастолиньеръ. Другой слушалъ ихъ вмѣсто меня.

Элоиза. Другой?

Пастолиньеръ. Молодой Величь... Спустя нѣсколько времени, мы воспользовались правомъ развода, съ моею дражайшею половиною; потому что, другая-то половина ея принадлежала Величу, какъ я имѣлъ честь доложить.

Элоиза. И она уѣхала?

Пастолиньеръ. Любовь, постоянство и вѣрность отравились вмѣстѣ съ нею.

Элоиза. И послѣ этаго, вы осмѣлились опять жениться.

Пастолиньеръ. А почему же пѣтъ? — Я люблю женщину... очень натурально, что я ихъ люблю!... Женитба помера втораго была по расчету... Целестина, ее звали Целестипой... она была очень дурна въ дѣйствительности, но очень богата по наружности.

Элоиза. Какъ по наружности?

Пастолиньеръ. Да! всѣ думали, что отедъ ея ужасно богатъ; но не то вышло на дѣлѣ; на другой день нашей свадьбы, онъ объявилъ себя банкротомъ... и опять разводъ.

Элоиза, (смѣясь). Ха, ха, ха... бѣдный Пастолиньеръ!... Такой добрый человекъ...

Пастолиньеръ. Да это съ добрыми-то всегда и случается.

Элоиза. Надѣйтесь, по крайней мѣрѣ, что вашъ третій номеръ...

Пастолиньеръ. О, что до этого, то я совершенно покоенъ!... Я богатъ и не требую состоянія: я въ состояніи удовлетворять всѣмъ прихотямъ жены... и очень хорошо, что у нее нѣтъ ни су... Этого-то мнѣ и надо. Жена говорунья вознаграить мнѣ нѣмые разговоры телеграфа... она будетъ мнѣ читать журналы по утру и романы вечеромъ... наконецъ развязный языкъ и умѣнье читать на своемъ языкѣ, — вотъ все, чего я желаю... кажется, меня нельзя назвать взыскательнымъ.

Элоиза. О пѣтъ! Въ этомъ случаѣ, выборъ вашъ очень удаченъ: по всей справедливости, Сюзетта должна говорить больше всякой другой, чтобъ вознаградить потерянное.

Пастолиньеръ. Какъ, вознаграить потерянное?

Элоиза. Знаете ли, что она шести лѣтъ еще ничего не говорила; ужъ думали, что она будетъ нѣма... девяти лѣтъ — языкъ ея съ трудомъ лепеталъ нѣсколько словъ; только десяти, она начала говорить какъ всѣ... но и теперь еще бьвзють дни...

Пастолиньеръ, (съ большимъ удовольствіемъ). Прекрасно!... Да эта жена, нарочно изобретена, для меня... жена, которая десять лѣтъ молчала — должна это вознаграить. Боже мой! Какой богатый запасъ разговоръ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Сюзетта.

Сюзетта.

Право вовсе не пристало хлопотать такъ въ этотъ день.

И отъ бѣзгнѣя устала,
А другимъ заняться лѣнь.
Вы ко мнѣ добры такъ были,
Что рѣшились баловать
И приданнымъ подарилъ,
Чтобы блеску мѣтъ придать.
Но принять ей, ей, мнѣ больно...
Да вольно же вамъ дарить;
Я вниманіемъ довольна,
Вы хотѣли, — такъ и были!
Говорять, что это вздоры,
Вся наряды суеты —
Наши модные уборы,
Бриллианты и цвѣты!
Но совсѣмъ не справедливо
О нарядахъ такъ судить,
Эти вещи такъ красивы,
Что зельвя ихъ не любить.
До безумья все прельстило!
Но хотѣлабъ я сама
Безъ прикрасъ казаться милой
И сводить другихъ съ ума!

Пастолиньеръ. Ну, ну, ну и пошла
и пошла... теперь я смѣло могу ска-
зать, что на этотъ разъ, выборъ мой
очень счастливъ.

Сюзетта. Что это значить? Никому
и ни до чего дѣла нѣтъ; я одна должна
стараться обо всемъ; а больше всѣхъ я
обвиняю тебя, сестрица.

Элоиза. Меня?

Сюзетта. Да, тебя... если мой же-
нникъ не занимается ничѣмъ, то это очень
поватно... онъ такъ преданъ своему
счастью, что не можетъ думать ни о
чемъ постороннемъ... но ты кузина...
ты должна припомнить, что остается
еще выбрать музыкантовъ, устроить
оркестръ и все, что нужно для бала... я
хочу танцовать, много танцовать. —
(Вспоминяетъ). А меръ съ своимъ шар-
фомъ... его нѣтъ еще.

Вѣрно меръ совсѣмъ не знаетъ,
Что здѣсь свадьба есть у насъ
И, никто не замѣчаетъ,
То что будетъ черезъ часъ;
Такъ послать за нимъ и только,
Время скоро такъ идетъ;

Хоть у насъ съ нимъ — и нисколько
Ничего пойдетъ впередъ.

Элоиза. Пойдемъ, пойдемъ, я всѣмъ
распоряжусь. — Но ты еще не ви-
дала того, кто сейчасъ тебя спраши-
валъ.

Сюзетта. Нѣтъ, я никого не видала...
но поли... оставь насъ... мнѣ надо
серьезно поговорить съ женихомъ мо-
имъ.

Элоиза. Seriously... (Смѣется). Ха
ха, ха. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

СЮЗЕТТА И ПАСТОЛИНЬЕРЪ.

Сюзетта. Послушайте, мой другъ...

Пастолиньеръ. И такъ мы будемъ
говорить серьезно.

Сюзетта. Если вы позволите?

Пастолиньеръ. Говори; я буду слу-
шать, не прерывая, и даже общаюсь не
смѣяться.

Сюзетта. Очень хорошо... я въ этомъ
увѣрена... потому что... вотъ видите...
послѣ подписи контракта... уже не дол-
жно имѣть тайнъ отъ своего мужа.

Пастолиньеръ, (забавляясь надъ
нею). Да, да, конечно.

Сюзетта. Вы общались не смѣяться.

Пастолиньеръ. Правда.

Сюзетта. И такъ узнайте же су-
дари...
дари...

Пастолиньеръ, Что же я, сударыня,
узнаю?

Сюзетта. Что, въ продолженіе шести
мѣсяцевъ... я...

Пастолиньеръ. Ну, что же вы?...
Продолжайте.

Сюзетта. Я любила, очень любила и была любима взаимно.

Пастолиньеръ, (съ бльшенствомъ). Что?... Какъ?... Вы любили и васъ любили?

Сюзетта. Вспомните ваше обьщаніе!

Пастолиньеръ. Мое обьщаніе... мое обьщаніе!... я обьщаль вамъ не смьяться и, кажется, вовсе не смьюсь!... Васъ любили... вы любили.. но кого сударыня?... Но кто?...

Сюзетта. Одинъ молодой человекъ.

Пастолиньеръ. О! Чортъ возьми, я такъ и думалъ!... Но этотъ молодой человекъ... кто онъ?... Что онъ?.. Какъ онъ?...

Сюзетта. Я не знаю.

Пастолиньеръ. Вы не знаете?... (*Въ бльшенствъ*). Такъ оставьте же меня въ покоѣ.

Сюзетта. Но что съ вами?.. Вы внѣ себя...

ПАСТОЛИНЬЕРЪ.

Можноль было не взбьсься?
Вы въ другаго влюблены!
Только вздумалъ я жетвиться—
Какъ ужъ горе отъ жены. —
Вотъ не ждалъ ужъ финты-фантовъ...
Я обиженъ и сердить
На всьхъ щеголей и франтовъ,
Подляпалъ и волокить.

СЮЗЕТТА.

Да помилуйте за что же?
Можноль было запретить?

ПАСТОЛИНЬЕРЪ.

Нѣтъ на дьло не положе,
Позволять себя любить.
Ахъ, злой рокъ съ ума ужъ сводить,
Просто къ гибели вьдетъ;
Двухъ со мною жевъ разводить;
Ну—какъ съ третьей разведеть,
Онъ совсьмь меня добьеть.

Но кто же этотъ молодой человекъ?

Сюзетта. Я никогда съ нимъ не говорила и никогда не видала его.

Пастолиньеръ. А... вы не знали его?

Сюзетта. Знала только по письмамъ.

Пастолиньеръ. По письмамъ!...

Сюзетта. А онъ зналъ меня очень хорошо: онъ мнѣ писалъ, что я мила, что всѣ должны меня любить.

Пастолиньеръ. Каковъ пагледъ!

Сюзетта. О нѣтъ! папротивъ я нахожу...

Пастолиньеръ. Да гдѣ же письма-то?—письма...

Сюзетта. Я вамъ ихъ принесла... вотъ они... (*Отдаеть ему письма*).

Пастолиньеръ, (успокоенный). Вотъ это хорошо!... вы поступили очень благородно.

Сюзетта. Вы всегда были добры ко мнѣ, бдной сиротѣ... у меня не было ни друга, ни покровителя, кромѣ васъ... вы выбрали женой, тогда, какъ я ничего не имѣю... этого не лзя забыть.—Я хотѣла быть откровенною и вы все узнали прежде свадьбы... потому что послѣ... послѣ... говорятъ, это ужасно!

Пастолиньеръ. Да, да, это очень неприятно... и я благодарю васъ за намѣреніе... конечно... но опять таки повторю мой вопросъ; что это за молодой человекъ?... Вѣдь есть же у него имя... чортъ возьми!... Я увѣренъ, что это какой нибудь негодяй... какой нибудь бездѣльникъ. (*Читаетъ подпись письма*). Оскаръ... Оскаръ Гранже. (*Въ сторону*). Ба, ба, ба!

Сюзетта. Не правда ли... прекрасное имя, Оскаръ?

Пастолиньеръ, (въ сторону). Сынъ моего стариннаго друга Гранже!

Сюзетта. Я воображаю себѣ его наружность...

Пастолиньеръ. Я не спрашиваю васъ, какъ?

Сюзетта. Молоденькой.

Пастолиньеръ. Какое мнѣ дѣло.

Сюзетта. Съ голубыми глазами...

Пастолиньеръ. Еще таки...

Сюзетта, (продолжая). И съ усами... ахъ, я очень люблю мужчинъ съ усами.

Пастолиньеръ. Да подумайте сами, ну что красиваго въ нихъ; или вы говорите для того, чтобъ замѣтить мнѣ, что у меня нѣтъ усовъ... но этотъ волокита... я увѣренъ, что онъ предрѣзкій волокита... Какъ узнали вы его?

Сюзетта. Черезъ его сестру, премилую дѣвушку, которая рисуетъ портреты за деньги, по мой спяла даромъ; въ замкѣ Горень, гдѣ я ее видѣла... Она безпрестанно мнѣ твердила о братѣ своемъ; а послѣ говорила ему обо мнѣ, показывая мой портретъ, который увезла съ собою... Это-то кажется и поддало мысль молодому человѣку... потому что... однажды онъ написалъ ко мнѣ, за болѣзнию сестры своей и написалъ большія вѣжвости... Потомъ, спустя нѣсколько мѣсяцовъ или лучше сказать нѣсколько писемъ... намъ показалось, что мы любимъ другъ друга... Съ того времени все болѣе и болѣе увеличивалась любовь наша...

Пастолиньеръ. Ну и что жъ?

Сюзетта. И вотъ...

Пастолиньеръ, (перебивъ). Да и вотъ! Если вы любили, этого мнимаго красавца, то какже рѣшились вытти за меня?

Сюзетта. Именно потому, что...

Пастолиньеръ. Почему?

Сюзетта. Вотъ видите... я хотѣла его видѣть... но лучше прочтите его послѣднее письмо... эту таинственную фразу... «Вы никогда меня не увидите, никогда я не предстану вашимъ глазамъ.» Онъ тутъ остановился... точка

и капля слезъ... которыя не дали ему продолжать...

Пастолиньеръ. Подите вы... это просто залито!... Они всѣ говорятъ, что не покажутся, не придутъ, а смотришь и явятся какъ тутъ, чтобъ съ вами надѣлать гдупостей.

Сюзетта. О нѣтъ, онъ никогда не прѣдетъ, опъ это мнѣ писалъ... но всегда думаетъ и будетъ думать обо мнѣ...

Пастолиньеръ. И я все это слушаю!... Сумасшедшій!... Но позвольте одна-кожъ... какимъ же образомъ, чортъ возьми, согласить эту любовь съ обязанностію супруги?...

Сюзетта. Ахъ, очень можно.

Пастолиньеръ. Какъ же можно?

Сюзетта. Безъ сомнѣнія... вѣдь онъ никогда не прѣдетъ... вотъ почему я и рѣшаюсь за васъ вытти... это очень ясно.

Пастолиньеръ. Прекрасно!... Вотъ намъ женское разсужденіе, которое всѣ понятія перевертываетъ къ верху дномъ... Да тутъ нѣтъ никакого смысла и печего отвѣчать.

Сюзетта. И такъ, мой добрый другъ, вы все знаете теперь... остальное касается до васъ. Я вамъ дала честное слово... и не думаю ему измѣнить... Отъ васъ зависитъ моя участь и какова бы она ни была... женитесь ли вы па мнѣ или нѣтъ... я буду любить васъ отъ того не менѣе... *(Взявъ его руку).* Точно такъ, какъ не могу любить болѣе!... *(Скоро уходитъ).*

Я В Л Е Н І Е VII.

Пастолиньеръ, потомъ Пьеръ.

Пастолиньеръ (одинъ). Я окаменѣлъ, одурѣлъ совершенно!... Все шло хорошо... какъ нельзя лучше... я былъ

счастливъ... былъ увѣренъ въ моемъ третьемъ номеръ... въ жепѣ, которая говоритъ и говоритъ... Какъ вдругъ откуда ни возмись обожатель, страсть, письма; словомъ все, что дѣлаетъ эти вещи неприятными... все, что называется... но коварно. (*Развертывал письмо*). Правда, онъ пишетъ къ ней, что не покажется ей на глаза... (*Съ инволюмъ*). Но ты врешь, негодяй!... Ты явишься, какъ снѣгъ на голову, когда она будетъ моей женой... и это мнѣ крѣпко отзовется.—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!... Конечно!... (*Зоветъ*). Пьеръ. — Лучше остаться вдовцомъ, чѣмъ сдѣлаться... (*Зоветъ*). Пьеръ, Пьеръ.

Пьеръ, (вбѣжавъ). Чего изволите, сударь?

Пастолиньеръ. Сейчасъ бѣги къ мери... Ру...

Пьеръ. Слушаю сударь. (*Недослушавъ бѣжитъ къ калиткѣ*).

Пастолиньеръ. Постой, постой. Ну, чтожъ ты ему скажешь, болванъ?

Пьеръ, (возвратясь). Что, сударь? Все, что вамъ угодно.

Пастолиньеръ. Скажи ему, чтобъ онъ отложилъ свой шарфъ и отеческія увѣщанія до другаго случая: ваша свадьба отложена...

Пьеръ. Какъ же это, сударь, возможно ли? Такъ вы не будете сегодня мужемъ?...

Пастолиньеръ. Поля же, поля... (*Въ волнении ходитъ назадъ и въ передъ*).

Эдуардъ, (показывается въ глубинѣ). Дома г. Пастолиньеръ?

Пьеръ, (показывая на Пастолиньера). Вотъ онъ самъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Пастолиньеръ, Эдуардъ.

Эдуардъ, (раскланиваясь). Мое почтеніе.

Пастолиньеръ, (не видя его). Бѣдная Сюзетта!... чего мнѣ стоитъ отказаться отъ не!... Я ее любилъ... такъ немножко... это послѣдняя любовь!...

Эдуардъ. Позвольте, сударь.

Пастолиньеръ. Ахъ извините... Съ чѣмъ я имѣю честь говорить?

Эдуардъ. Я... пришелъ...

Пастолиньеръ. На свадьбу... по ее не будетъ.

Эдуардъ. Нѣтъ... я пришелъ сообщить вамъ одну неприятную новость.

Пастолиньеръ. Хорошо... неприятностейъ пельзи миновать... говорите, сударь, я скрещаю руки, какъ мой телеграфъ и ожидаю удара... говорите.

Эдуардъ. Я къ вамъ по порученію вашего друга, который меня просиль...

Пастолиньеръ. Ну, чтожъ онъ умеръ?

Эдуардъ. Не то, чтобы онъ самъ... это г. Гранже.

Пастолиньеръ, (испугавшись). Гранже!... Ахъ, Боже мой!... Да не сынъ ли вы его?... (*Въ сторону*). Его негодный сынъ, который писалъ, что никогда не пріѣдетъ.

Эдуардъ. Какъ, его сынъ?

Пастолиньеръ (въ сторону). Я бы хотѣлъ его избить.

Эдуардъ. Нѣтъ, сударь, я не имѣю этой чести, съ чѣмъ себя и поздравляю...

Пастолиньеръ. Ба! такъ это не вы... съ чѣмъ себя и поздравляете...

Эдуардъ. Не отъ того, чтобы г. Гранже не былъ человекъ почтенный... нѣтъ... для меня было бы очень лестно имѣть его своимъ отцомъ.

Пастолиньеръ. Ахъ... да... для васъ было бы лестно имѣть его своимъ отцомъ... и вы съ тѣмъ себя поздравляете, что вы не сынъ его... Я что-то не понимаю.

Эдуардъ. Имя мое Эдуардъ Дельпре; я путешествующій повѣренный дома

Левро и компаніи... вотъ мои адресы. Когда я проѣзжалъ Лионъ, то г. Гранже, торгуя у меня партію греленаплю, со слезами на глазахъ, поручилъ мнѣ отдать вамъ это письмо. (Отдаетъ письмо).

Пастолиньеръ, (смотря на него съ безпокойствомъ). Со слезами на глазахъ!... Посмотримъ. (Читаетъ). «Мой старый другъ! Прими участіе въ моей горести» (Вдругъ останавливается). Ахъ, Боже мой. (Читаетъ). «Моего сына Оскара явтъ болѣе въ живыхъ.» (Удерживая дыханіе). Ахъ, Творецъ небесный!... Его сына... Оскара!...

Эдуардъ, (утирая слезы). Да, сударь.

Пастолиньеръ, (очень вселю). Онъ умеръ!

Эдуардъ, (удивясь). Что, сударь?

Пастолиньеръ. Онъ... ахъ... ахъ!... Какъ это случилось?... Бѣдный молодой человекъ!... Какое несчастіе... Какое счастье... то есть... ахъ!... Онъ умеръ... (Смѣясь). И я очень огорченъ.

Эдуардъ (въ сторону). И похоже на то.

Пастолиньеръ, (читая). «Онъ отправился съ полкомъ, посланнымъ въ Африку.» (Останавливается). Онъ хорошо сдѣлалъ!—(Читаетъ). «И при взятіи Маскары былъ опасенъ равенъ, такъ, что послѣ того прожилъ только нѣсколько часовъ.» (Останавливается). Онъ прекрасно сдѣлалъ.

Эдуардъ (въ сторону). Что съ нимъ дѣлается?

Пастолиньеръ, (читая). «Я знаю то участіе, которое вы примите въ потерю моей.» (Останавливается). О, конечно!... добрый другъ мой!... А я... а я было остановилъ свальбу... (Читаетъ). «Въ послѣднія минуты жизни своей, Оскаръ писалъ ко мнѣ и къ этому письму, приложилъ другое, къ одной молодой особѣ,

живущей въ вашемъ городѣ.» (Останавливается).. Это къ Сюзеттѣ.

Эдуардъ. Вотъ это самое письмо; я еще не пашелъ ее.

Пастолиньеръ. Такъ это вы ее спрашивали? Отдайте мнѣ письмо, а я ей передамъ. (Читаетъ адресъ). Ну такъ, «Сюзеттѣ Ферьеръ».

Эдуардъ. А вы знаете ее?

Пастолиньеръ. Знаю ли я ее? (Съ восторгомъ). Я женюсь на ней, мой другъ... я женюсь... (Вынувъ платокъ и утирая имъ глаза). Бѣдный Гранже... Какое участіе привимаю я въ печали твоей! (Утираетъ глаза и вдругъ вскрикиваетъ). Ахъ!

Эдуардъ. Что такое?

Пастолиньеръ. А магистратъ, который я предупредилъ...

Эдуардъ. Какой магистратъ?

Пастолиньеръ. А меръ... а шарфъ... а отеческія увѣщанія... и я сейчасъ бѣгу. (Бѣжитъ въ дверь дома).

Эдуардъ. Да онъ сумасшедшій!

Пастолиньеръ, (обращаясь). Ахъ! Молодой человекъ!... Пойдемъ ли мы другъ друга... и нельзя ли вамъ...

Эдуардъ. Я очень радъ...

Пастолиньеръ. Вы здѣсь не надолго?

Эдуардъ. Я ѣду черезъ часъ.

Пастолиньеръ. Тѣмъ лучше.

Эдуардъ. Покорно васъ благодарю.

Пастолиньеръ. Не за что. Я отдамъ Сюзеттѣ письмо, но только не теперь; потому что... понимаете... она будетъ въ отчаяніи... слезы... спазмы... это не очень лестно въ день свадьбы... послѣ мы увидимъ, а теперь я хочу предупредить ее отъ малѣйшаго огорченія... Она прелобрая дѣвушка; она оказала столько откровенности, что я, кажется, полюбилъ ее еще болѣе.—Вы не ищете случая ее видѣть?

Эдуардъ. Совсѣмъ иѣтъ.

Пастолиньеръ. Но если вы увидите ее, не говорите ей ни слова о письмѣ.

Эдуардъ. Это легко сдѣлать, тѣмъ болѣе, что я не знаю его содержанія.

Пастолиньеръ. Да, не сказывайте ей печальной новости: она обезпокоитъ ее.

Эдуардъ. О будьте покойны.

Пастолиньеръ. Напротивъ, скажите ей, что Оскаръ совершенно здоровъ, но что онъ не думаетъ болѣе о ней, даже скажите, что онъ женится... если можно.

Эдуардъ. Какъ?... мнѣ ей сказать?...

Пастолиньеръ. Такъ... знаете... увѣрьте ее — мой милый господинъ... госп...

Эдуардъ. Эдуардъ Дельпре, повѣренный дома Левро и компаніи.

Пастолиньеръ. И такъ любезный г. Левро...

Эдуардъ, (перебивъ). Дельпре.

Пастолиньеръ. Я бѣгу... и пошлю пригласить мера... прощайте... иѣтъ мѣры моему благополучію! — (*Обнимаетъ Эдуарда*). Желаю вамъ благополучнаго пути и еще разъ благодарю за пріятную новость. (*Еще разъ обнимаетъ его и убѣгаетъ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Эдуардъ одинъ.

Вотъ презабавная печаль... этотъ господинъ на одну сторону смѣется, а на другую — плачетъ; еслибъ онъ платилъ пожизненное жалованье бѣдному Оскару, то и тогда бы не принялъ этого извѣстія веселѣе... Да... да... да... понимаю... понимаю... онъ вѣрно былъ соперникъ... Жалкій Оскаръ, соперникъ не красивый, не ловкій, неуклюжій, который могъ заставить себя любить,

только заочно... конечно и этотъ не красивъ, а въ добавокъ еще старъ; да если и невѣста-то не лучше ихъ... такъ... впрочемъ пусть ихъ, какъ хотятъ... теперь мнѣ здѣсь дѣлать нечего... лилжансъ ѣдетъ въ Парижъ и я отправляюсь.

ЯВЛЕНІЕ X.

Эдуардъ и *Сюзетта*, въ свадебномъ нарядѣ.

Сюзетта. Хорошо, хорошо... я буду готова... вѣдь надобно же... я дала слово вытти за мужъ...

Эдуардъ. О! Какая хорошенькая!

Сюзетта, (не видя его). Какой-то молодой человекъ меня ищетъ... для чего?... зачѣмъ?... И молодой человекъ... я никого не знаю. (*Увидя Эдуарда*). Ахъ! незнакомый мужчина!

Эдуардъ. Вуаль... померанцовые цветы... это она.

Сюзетта. Какъ онъ смотритъ на меня!... Удивительно, какъ бьется мое сердце!

Эдуардъ. Прекрасная Сюзетта...

Сюзетта. Мое имя!... Онъ знаетъ мое имя!...

Эдуардъ. Вы невѣста г. Пастолиньера?

Сюзетта. Точно такъ.

Эдуардъ. Да... вы выходите за него, я это знаю.

Сюзетта, (въ сторону). Ахъ! Какой взглялъ!... Какая улыбка!...

Эдуардъ. Съ чѣмъ васъ и имѣю честь поздравить... Я никакъ не думаю, чтобы клятвы, даванныя другому, могли вамъ помѣшать.

Сюзетта, (въ сторону). Онъ знаетъ все! Я болѣе не сомнѣваюсь — это онъ!

Эдуардъ. Вы были въ выборъ свободны...

Сюзетта. Оскаръ, ахъ, Оскаръ!

Эдуардъ. Гмъ... вы называете меня...

Сюзетта. Оскаромъ... О, я въ этотъ увѣрена... сердце никогда не обманываетъ. Да, я васъ сейчасъ узнала.

Эдуардъ, (въ сторону). Она меня принимаетъ за другаго. (*Громко*). Извините, сударыня! (*въ сторону*). Но я далъ слово ничего не говорить.

Сюзетта. Прекрасно!... Точно такъ, какъ я воображала... голубые глаза...

Эдуардъ, (въ сторону). Хорошо... а у него были серожемчужнаго цвѣта.

Сюзетта. Тонкій, гибкій стаъ; свѣтлорусые волосы...

Эдуардъ, (въ сторону). Оччень хорошо!... а у него были красно-рыжіе. — (*Громко*). Позвольте вамъ сказать...

Сюзетта. Но я на васъ сердита, сударь... да,... сердита; это недостойно васъ. — О! мой мужъ говоритъ правду... эти молодые люди пишутъ, что не прѣдутъ никогда, не покажутся намъ на глаза, а смотришь и явтся — какъ тутъ...

Эдуардъ. Но позвольте...

Сюзетта, (продолжаетъ, не слушая его). Когда ихъ совсѣмъ не ожидаютъ, когда все рѣшено, когда уже поздно!

Эдуардъ. Да кто же виноватъ?

Сюзетта. Но можетъ быть, вы не могли раньше прѣхать?

Эдуардъ. Ахъ точно.

Сюзетта. Ахъ, сударь, еслибы раньше...

Эдуардъ, (въ сторону). Въ самомъ дѣлѣ, это принимаетъ другой оборотъ. (*Громко*). А вы можетъ быть не могли дожидаться?

Сюзетта. И еще упреки мнѣ? ... когда вы ихъ сами заслужили!

Эдуардъ. Я?! (*Въ сторону*). Ну братъ Оскаръ любезный, защищайся!

Сюзетта. Прѣхать нарочно для того, чтобъ сдѣлать меня несчастною, чтобъ

заставить меня плакать!... Тогда, какъ ваши обещанія. .

Эдуардъ. Мнѣ кажется, что вы не сдержали своихъ... потому что вы любите другаго.

Сюзетта. Нѣтъ, сударь, нѣтъ... я не люблю его... я не люблю никого...

Эдуардъ, (въ сторону). Какъ это для старика-то лестно.

Сюзетта. Нѣтъ, сударь никого!

Эдуардъ. Почему же, нѣтъ?... Вѣдь вы назовете же себя госпожею Пастолицъеръ. (*Въ сторону*). Я общался съ намекутъ оженидѣбъ. (*Громко*). Оскаръ этому противиться не будетъ... будьте покойны... вы его никогда не увидите.

Сюзетта. Никогда!

Эдуардъ, (въ сторону). Ова незнаеть, до какой степени это правда.

Сюзетта. О! Вы также несчастны, какъ и я... но еслибъ я попросила г. Пастолицъера?...

Эдуардъ. О, не просите его ни о чемъ!... Это не возможно... Это поведеть къ несчастію!

Сюзетта. Ахъ нѣтъ, я лучше умру!

Эдуардъ. Вы должны вытти за него... вы общались... и я знаю, что мнѣ остается дѣлать. (*въ сторону*). Итти взять мѣсто въ делижансѣ.

Сюзетта. Оскаръ!

Эдуардъ. Прощайте, сударыня!

Сюзетта. Прощайте, сударь!

Эдуардъ, (въ сторону). Еще ли старій не ловоленъ?

Сюзетта, (въ сторону со слезами). Онъ уходитъ!

Эдуардъ, (въ сторону). Однако жъ слишкомъ жестоко оставить ее въ такомъ положеніи. (*Приближаясь къ ней, громко*). Впрочемъ, сударыня...

Сюзетта, (испугавшись). Ахъ!... (*въ сторону*). Онъ остается.

Эдуардъ. Я чувствую, что люблю васъ навсегда...

Ахъ, ручку вашу на прощанье
Позвольте мнѣ поцѣловать,
На память нашего свиданья,
Чтобъ было — что вспоминать!

СЮЗЕТТА.

На то дается позволенье,
Лишь только мужу одному.

ЭДУАРДЪ.

Какое строгое рѣшенье!
Вѣдь все останется ему.

Сюзетта. Нѣтъ, сударь, нѣтъ.

Эдуардъ. Вы мнѣ отказываете, Сюзетта!... Вы меня предасте отчаянію... Вы хотите, чтобъ я умерь...

Сюзетта, (испугавшись). Оскаръ!

Пастолиньеръ, (за кулисами). Ну вотъ и я готовъ.

Эдуардъ. Мужъ!

Сюзетта. Г. Пастолиньеръ... кузина... не называйте себя... я вамъ запрещаю.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Пастолиньеръ, Элоиза и гости.

Элоиза. Все готово Сюзетта и меръ насъ ожидаетъ.

Сюзетта, (смотря на Эдуарда). Меръ.

Пастолиньеръ, (надвывая перчатки). Вотъ и я совсѣмъ... въ жабо и бѣлыхъ перчаткахъ. — Я вѣрюю тебѣ мое счастье, Сюзетта! Ты видишь, что не смотря на то, въ чемъ ты призналась мнѣ... я не колеблюсь и смѣло иду къ алтарю.

Сюзетта. Это доказываетъ, что вы честный человѣкъ. *(Смотря на Эдуарда).* Но еслибъ тотъ, который... знаете... еслибъ онъ пріѣхалъ.

Пастолиньеръ. Онъ мнѣ не помѣшаетъ... я увѣренъ... *(Въ сторону)*... что

онъ умеръ. *(Громко).* И кътому жъ ты мнѣ дала обѣщаніе...

Сюзетта, (также). Которое надо сдержать... *(Въ сторону, смотря на Эдуарда).* Онъ улыбается, но я увѣрена, что онъ внутренно страдаетъ.

Эдуардъ, (въ сторону). Бѣдьяжка!... Какъ досадно мнѣ, что я долженъ скоро уѣхать.

Элоиза. Пойдемъ, пойдемъ; но это что такое?... Ты какъ будто разстроена!... *(Увидя Эдуарда).* Ахъ, давшій молодой человѣкъ!

Сюзетта, (сжавъ ея руку). Это онъ!

Пастолиньеръ, (тихо Эдуарду). Все кончилось прекрасно... она ничего не подозреваетъ.

Эдуардъ, (тихо Пастолиньеру). Она ничего не подозреваетъ.

Сюзетта, (тихо Элоизѣ). О Боже!.. Они шепчутся... что у нихъ будетъ. *(послышно).* Послушайте.

Пастолиньеръ, (Эдуарду). Я опять прощаюсь съ вами и не приглашаю васъ на свадьбу.

Эдуардъ. Да мнѣ и не возможно быть на ней.

Элоиза. И такъ, если насъ ничто не удерживаетъ — пойдемте.

Пастолиньеръ, (подаетъ руку Сюзеттѣ). Моя прекрасная невеста... номеръ третій... то-то мы заговоримъ!

Пастолиньеръ и Элоиза.

Послышите, ожидаютъ
Ужъ давно у мера насъ;
Послышите, наступать
Мнѣ съ Сюзеттой брака часъ,

Но чтобъ все привесть къ забвенью,
Успокоить се кровь;
Нужно все моя утѣше,
Моя иѣжная любовь!

СЮЖЕТЪ.

Поспѣшите, ожидаютъ
Ужъ давно у неѣра насъ;
Поспѣшите наступаетъ
Для меня ужъ брака часть.
Чтобъ смирить въ крови поленье,
Не любите Оскара вновь,
Нужно сильное рѣшеніе
Позабудьте мою любовь!

ЭДУАРДЪ.

Я все кончила; наступаетъ
Для меня отъѣзда часъ;
Должность вѣхатъ заставляетъ
Противъ воли, въ этотъ разъ.
Но ея ко мнѣ влеченье
Взволновало мою кровь,
Надо все мое терпѣнье
Не влюбиться чтобы вновь.

Сюжетта позволяетъ взять свою руку, но все съ безпокойствомъ смотритъ на Эдуарда.

Эдуардъ, (тихо Сюжеттѣ, когда она проходитъ мимо ея). Прощайте... на всегда!

Сюжетта, (съ ужасомъ). Ахъ!

Всѣ. Ну что еще?

Сюжетта. Иду, иду.

Всѣ кромѣ Эдуарда уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ЭДУАРДЪ, ПОТОМЪ ЗЕФИРЪ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГВАРДЕЙЦЫ.

Эдуардъ. Ха, ха, ха (хохочетъ изъ всей силы). Какой романъ затѣялъ я! — Мнѣ стоитъ только кончить его и оживить бѣднаго Оскара. Рѣшено... остаюсь на свадьбу... заблужденіе будетъ продолжаться, все пойдетъ своимъ чередомъ.

Зефиръ, (съ марширующими солдатами). Лъвой, правой, лъвой, правой.

Эдуардъ. Но это будетъ вѣроломство и притомъ дѣла прежде всего. (Вынимаетъ часы). Вотъ часъ отъѣзда.

Зефиръ. Стой... во фронтъ.

Эдуардъ, (обратясь на шумъ). Гмъ... вотъ человекъ, у котораго, кажется, страсть къ экзерциціямъ.

Зефиръ. Что вы, сударь говорите?

Эдуардъ. Я говорю, сударь, что у васъ особенный вкусъ, къ командованію арміею.

Зефиръ. Хе, хе, хе, это очень натурально: я сержантъ. Но это не мѣшаетъ иногда развиваться моему воображенію и, чтобъ праздновать свадьбу нашего капитана...

Эдуардъ. Г. Пастолниѣра?

Зефиръ. Да, сударь, у меня пречудесная мысль: устроить серепаду...

Эдуардъ. Правое?

Зефиръ. Серепаду изъ ружейныхъ выстрѣловъ...

Эдуардъ. То есть пальбу.

Зефиръ. Само собою разумѣется, что я зарядилъ холостыми зарядами, чтобъ не повредить сосѣдніе дома и проходившихъ.

Эдуардъ. Съ чѣмъ васъ я поздравляю. (Глядя за кулисы). Но позвольте, вотъ кажется карета изъ Парижа?

Зефиръ. Эффектъ будетъ превосходный... чудесный сюрпризъ... я подамъ сигналъ...

Эдуардъ. Точно карета изъ Парижа.

Зефиръ. Она сейчасъ уѣзжаетъ. Сильный залпъ и за нимъ еще десять другихъ... пифъ, пафъ, пухъ.

Эдуардъ. Хорошо, хорошо... но вотъ дилижансъ проезжаетъ.

Зефиръ. Да, проезжаетъ. Но вы вѣдь останетесь на свадьбѣ.

Эдуардъ. Это невозможно. — Прощайте сержантъ... желаю успѣха вашей серепаль... ха, ха, ха. (уходитъ).

Зефиръ. Безсовѣтный! Овъ пренебрегаетъ моими экзерциціями; но я побьюсь объ пяти франкахъ, что овъ побѣднхъ не видалъ. — Смирно. — Они воз-

вращаются... постройтесь позади дома и ожидайте сигнала... на право... скорымъ шагомъ... маршъ... лъвой, правой, лъвой, правой... (Когда они уходятъ на право, свадьба показывается изъ глубины сцены).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Пастолншьеръ, Сюзетта, Элонза и гости.

ФИНАЛЪ.

хоръ.

Ваше счастье совершилось!
Намъ осталось вамъ желать,
Чтобъ весь въкъ блаженство дьялось;
Чтобъ вамъ въкъ не унывать!

пастолншьеръ, въ восторгъ.

Даже вамъ пріятно вчуже:
Я женатъ подь старость лтъ,
И меня счастливей — мужа
Въ королевствъ цѣломъ птъ!
(Отдаетъ Элонзѣ письмо и шепчетъ ей на ухо).

сюзетта, озираясь въ сторону.

Но Оскара птъ здѣсь съ нами,
Съ нимъ па въкъ разсталась я!

(Плачетъ).

элонза.

Не томи себя слезами,
Вотъ — прочти душа моя!

(Отдаетъ ей письмо).

сюзетта.

И ко мнѣ онъ пишетъ слова,
Когда бракъ ужъ все рѣшилъ;

Я теперь жена другаго!...
А онъ, такъ меня любилъ!...

(Читаетъ. Оркестръ продолжаетъ играть). «Милая Сюзетта! Ты можешь.» (Остановясь). А, онъ пишетъ мнѣ — ты. (Читаетъ). «Съ этого времени, ты можешь отдать свое сердце другому, болѣе меня счастливому; я не имѣю никакихъ правъ на него!» (Остановясь). Бѣдный Оскаръ!... (Читаетъ). «Когда ты прочтешь это письмо, меня уже не будетъ па свѣтѣ.» (Виль себя). Ахъ, сулдарь, ахъ!... Онъ застрѣлится... бѣгите... бѣгите же... его надо... (Слышнень выстрѣлъ. Она вскрикиваетъ). Ахъ! (И падаетъ безъ чувствъ).

пастолншьеръ, стараясь ей помочь.

Поскорѣ помогите!

Право я сойду съума!

(Всѣ окружаютъ Сюзетту и хлопочутъ около нея. Слышно еще нѣсколько выстрѣловъ. Сюзетта приходитъ въ себя, хочетъ говорить и не можетъ).

Всѣ. Говорите, говорите! (Сюзетта напрасно дѣлаетъ новыя усилія, прикладываетъ руку къ губамъ, чтобъ показать, что она не можетъ говорить).

Всѣ. Ахъ! она онѣмѣла!... (Сюзетта въ безнадежности слова падаетъ безъ чувствъ; Пастолншьеръ въ отчаяніи разрываетъ письмо).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ компанію въ трактирѣ. Въ глубинѣ сцены альковъ; съ лѣвой стороны каминъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Эдуардъ, Вагнеръ и Зефиръ. При поднятіи занавѣсы, Эдуардъ застегиваетъ свой чемоданъ, Вагнеръ, сидя за маленькимъ столомъ, близъ каминна, мечтаетъ, Зефиръ въ продолженіе сцены то уходитъ, то приходитъ опять.

Зефиръ (откупоривая бутылку). Нѣтъ, господа... вы не могли выбрать лучше мѣстопробыванія... Это лучшая гостиница въ Шалопѣ; не болѣе трехъ мѣсяцевъ я здѣсь и это очень замѣтно.

Эдуардъ (все еще занимаясь чемоданомъ). Да, да, да... Ты новой трактирщикъ... ну, послушай, мой любезный, въ летописяхъ славы твоей гостиницы, съ этого дня, будетъ считаться честь пребыванія знаменитаго Германскаго хирурга и гостиница можетъ быть поль вѣтскою: короля гомеопатовъ.

Вагнеръ. Я лучше бы хотѣлъ быть гомеопатомъ королей.

Зефиръ. Вѣдь я знаю г. доктора; какъ мнѣ не звать... онъ лечитъ нашу знать... знаю такъ хорошо, что мнѣ слѣжалось дурно и затрясла лихорадка, при первомъ проздѣ его. (*Вагнеру*). Вотъ вамъ Шамбертень... не нужно ли, сударь, еще чего нибудь?

Вагнеръ. Да, стаканъ для моего спутника: онъ вѣрно не откажется сдѣлать мнѣ удовольствіе.

Эдуардъ. Нѣтъ, о конечно, нѣтъ... особенно, если вы бросите въ стаканъ часть вашего порошка, который излечиваетъ отъ всѣхъ болѣзней.

Вагнеръ (Зефиру, который принесъ

стаканъ). Г. трактирщикъ, а скоро ли будетъ готова моя комната?

Зефиръ. Сію минуту, г. докторъ... окно противъ этого, съ той стороны крыльца. (*Хочетъ идти, но останавливается предъ Эдуардомъ*). Мнѣ кажется, я гдѣ-то видѣлъ этого господина. (*Уходитъ*).

Эдуардъ (которому докторъ наливаетъ вина). Да здравствуютъ диллижансы!... Особенно почтовые кареты!... Ну, право, гдѣ лучше сдѣлаешь новое знакомство или возобновишь старое? Вѣдь я и съ вами, докторъ, познакомился въ диллижансѣ.

Вагнеръ. Я этому очень радъ, мой добрый другъ!

Эдуардъ. И въ диллижансѣ и также отыскалъ мою прекрасную Кларису.

Вагнеръ. Кларису?

Эдуардъ. Ну да, мою сосѣдку по Лафиту и Кальяру... она прелестная парижская гризетка, бывшая прачка Вивьенской улицы. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, составляла она счастье моей жизни... «Какъ это ты Клариса!» вскричалъ я, увидѣвши ее. Ахъ... а я думала, что вы умерли давно. — «А я такъ думала, что ты замужемъ давно». — О какъ же, я не такъ глупа; да перестаньте же, я сдѣлалась умна и разсудительна. — Ты Клариса? Это забавно, тѣмъ лучше... А я такъ все влюбленъ, какъ прежде... что я говорю?.. Въ пять разъ больше... ужъ я незнаю до чего это дой-

деть... (*Весело*). Ну, что скажете, докторъ.

Неужли пить у васъ микстуры,
Чтобъ кровь мою расходить.

Вагнеръ.

Нѣтъ, я найду противъ природы;
Ужъ видно должно вамъ любить.

Эдуардъ.

Любовь до сердца мнѣ доходитъ
И самъ хожу я какъ шальной;
Шалить на мысль мнѣ не приходится,
Выходитъ то, что я больной.

вагнеръ.

Любовь есть точно лихорадка,
И въ пей есть глупость, жаръ и бредъ,
Но отъ любовнаго припадка
Лечиться вовсе неужьды пить.

Эдуардъ.

Да что же дѣлать мнѣ, скажите,
Чѣмъ потушить въ груди пожаръ?

вагнеръ.

Въ пожаръ этомъ не сторите,
И самъ собой пройдетъ угаръ.

Эдуардъ. О нѣтъ! вотъ видите: иногда бываютъ случаи, что вдругъ заберется въ сердце любовь... Такъ, что незнаешь, зачѣмъ и для чего?... Напримѣръ... нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я заставилъ одну новобрачную думать, что я ея воскресшій обожатель... это мнѣ казалось шуткой... я оставилъ ее безъ сожалѣнія — а между тѣмъ, съ того самаго времени, и думаю, и брежу о ней безпрестанно. А потому очень радъ, что снова встрѣтился съ Кларисой; она меня разсвѣтъ, развлечетъ... конечно, къ ней меня влечетъ не такъ, какъ къ Сюзеттѣ... эта совѣмъ въ другомъ родѣ. — При неожиданномъ свиданіи моемъ съ Кларисой, воспоминавія нагрянули толпой... Карета неслась во весь духъ, и чувства мчались какъ карета... вдругъ вы — какъ съ неба къ намъ свалились, чтобы сѣсть между нами.

Вагнеръ (*сильсь*). Такъ зачѣмъ же вы мнѣ не сказали.

Эдуардъ. О, въ этомъ нѣтъ еще бѣды.

Можно всегда найти другъ друга, когда одинъ ищетъ, а другой не прячется.

Вагнеръ, (*въ полголоса*). Она можетъ быть уѣхала.

Эдуардъ (*также*). Нѣтъ... она вѣрно здѣсь... но все таки надо справиться. (*Зоветь*). Эй, трактирщикъ. (*Хлопаетъ въ ладоши*). Она мнѣ сказала, что ни за что не останется полъ одною кровлею съ вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Вагнеръ. Ну, такъ она здѣсь.

Зефиръ. Вы звали, сударь, что вамъ угодно?

Эдуардъ. Мнѣ угодно, ... ну право я гдѣ-то видалъ эту фигуру.

Зефиръ. И я сейчасъ тоже говорилъ.

Эдуардъ. Да гдѣ же?

Зефиръ. Три мѣсяца тому назадъ я былъ кожевникомъ въ Луаръ... А потомъ, я послѣдовалъ этотъ трактиръ и съ честью прохожу мое повое поприще.

Эдуардъ. Скажите мнѣ: у васъ оставилась молодая особа, вмѣстѣ съ нами прѣхавшая, такая хорошенькая, веселенькая, блондинка, лѣ голубомъ капотъ, въ шотландской шали и съ шотландскимъ носикомъ.

Зефиръ. А, Вздернутый носикъ! да, сударь, ей назначена комната.

Эдуардъ. Хорошо, (*отводя его влѣво и понизивъ голосъ*). А которая?

Зефиръ (*также*). Эта самая, въ которой мы теперь.

Эдуардъ (*въ сторону*). Это нужно знать.

Вагнеръ. Г. трактирщикъ, не спрашивалъ ли кто меня?

Зефиръ. Точно такъ; у меня есть къ вамъ карточка отъ преемника.

Эдуардъ. Судебная власть заболѣла. (*Смотря въ окно, говоритъ въ сторону*). Этотъ балконъ примыкаетъ къ лѣстницѣ.

Вагнеръ (вставши). Однакожь надо къ Префекту итти.

Зефиръ (приводя въ порядокъ комнату). Ахъ, г. докторъ, я предупреждаю васъ, что у него коклюшь.

Вагнеръ. У Префекта?

Зефиръ. О, пѣтъ, у вашего больного, у его сына...

Вагнеръ. Сумасшедшій! Но возвращеніи моемъ, чтобъ комната была готова впрямь.

Зефиръ. Слушаю, г. докторъ. (*Эдуарду*) И для васъ также, сударь?

Эдуардъ. Ахъ вѣтъ, благодарю!... Мнѣ нуженъ только хорошей ужинъ, бутылка вашего бургундскаго вина и кресла въ большой залъ, — вотъ все, что мнѣ на эту ночь надо. (*громко*) А у меня кстатѣ есть шелковые образчики, которые надо снести въ большой магазинъ, подлѣ самой Префектуры. (*Зефиру*). По возвращеніи моемъ, чтобъ ужинъ былъ готовъ. (*въ сторону*) А тамъ, какъ всѣ въ гостиницѣ заснутъ, я сюда прокрадусь потихоньку.

ВАГНЕРЪ.

Но я итти сейчасъ намѣренъ;
Меня ужъ вѣрно ждутъ давно.

ЭДУАРДЪ.

Меня не ждутъ, я въ томъ увѣренъ,
Но право это все равно.

(*въ сторону*).

Меня ни сколько не забудетъ,
Хоть быть и съ посомъ суждено;
Любовь моиѣ пожатимъ будетъ
Черезъ балконъ, сюда, въ окно.

ВАГНЕРЪ.

У васъ какія-то затѣи
Пора однакоже, поидемъ.

ЭДУАРДЪ (въ сторону).

Лишь не сломишь бы только шеи,
А то поставлю на своемъ;
Не въ первый разъ шалить рѣшаюсь...
(*громко*).

И отъ любви ужъ такъ и быть,
Самъ излечиться постараюсь,
Когда не стали бы лечить.

ВАГНЕРЪ.

Да и уснете, ручаюсь,
Любовь любовью потушить.

(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Зефиръ, потомъ мальчикъ.

Зефиръ (проводя Эдуарда глазами). Это странно, — я побьюсь о пяти фракахъ, что гдѣ-то его видѣть, — можетъ быть это комедіантъ... они очень часто проезжаютъ... Впрочемъ, что мнѣ до него за дѣло!... Эй!... кто нибудь! Франсуа, Луи, Жозефъ.

Мальчикъ (входитъ). Я здѣсь, хозяинъ.

Зефиръ. Живѣе лѣнвецъ... комнату для г. доктора.

Мальчикъ. Слушаю-сь.

Зефиръ. Это знаменитый, ученый хирургъ, прославленный въ Германіи, онъ всѣмъ дѣлаетъ много пользы... сдѣлаетъ пользу и намъ; во всѣхъ провинціяхъ только и разговоръ, что о немъ... ступай, употреби всѣ способы, все возможное вниманіе, угожденіе, предупредительность и вычи ти его сапоги.

Мальчикъ. Слушаю-сь.

Зефиръ, передразнивая). Слушаю-сь, слушаю-сь... пѣтъ другаго отвѣта... дуралей!... на него и сердиться нельзя. (*Прислушиваясь*). Но это что? Какъ будто пріѣзжіе подѣхали къ крыльцу... да и хорошо сдѣлали; начинается сильная буря. (*смотритъ въ окно*). Коляска въѣхала на дворъ... скорѣе бѣги принимать гостей.

Мальчикъ. Слушаю-сь.

Зефиръ. Поди ты къ чорту съ своимъ

слушаю, животное! ты меня сведешь съ ума.

Мальчикъ (выходя хладнокровно). Слушаю-съ.

Зефиръ. Но эта фигура, эготъ голосъ, — Господи Боже мой! еслибъ не должность при телеграфѣ, я бы подумалъ, что это мой капитанъ; таже голова, тотъ же экипажъ, — ну вотъ и авѣ дамы съ нимъ... ахъ! это не такъ; у него одна только жена, да и та нѣмал!... Бѣдная Сюзетта! моя ружейная серенада съдѣлала въ ней эту перемѣну... что за чортъ, — да это ея кузина — Элоиза Жеродо.

Пастолиньеръ (за сценою). Сюда, душа моя, сюда.

Зефиръ. Такъ, — это онь, это его голосъ.—Я узнаю того, кто мнѣ командовалъ: «кладсь, пли, жай».

ЯВЛЕНІЕ III.

Пастолиньеръ, Сюзетта, Элоиза, Зефиръ.

Пастолиньеръ (входя). Кладсь... пли... жай... (*Зефиръ, по командѣ его, дѣлаетъ пріемы пологою щеткою*). На карауль... на плечо... хорошо... (*входитъ на авансцену*). Здорово, сержантъ Зефиръ! (*жметъ ему руку*).

Зефиръ. Здравствуйте, капитанъ! (*раскланивалсь*). Здравствуйте, сударыни.

Элоиза. Здравствуйте, сержантъ, кожевникъ и трактирщикъ.

(*Сюзетта показываетъ, что она находится въ здоровомъ и попольвшимся*).

Зефиръ. Вы находите, что я попольнѣлъ, — да, конечно, — новое состояніе, — все идетъ хорошо... (*тихо Пастолиньеру, показывая на Сюзетту*) Мнѣ кажется, что супруга ваша все въ томъ же положеніи.

Пастолиньеръ. Все въ томъ же, ужъ я къ этому привыкъ. Ну вотъ, — ты видишь, что я тебя не забылъ; пріѣхавши въ Шалопъ, я остановился у тебя.

Зефиръ. Ахъ, капитанъ, такая честь...

Пастолиньеръ. Я бы поступилъ очень дурно, если бы остановился въ другой гостинницѣ, а не у моего сержанта, моего сослуживца:

Элоиза. Да, говорите вы... онъ оставилъ вамъ прекрасную память.

Пастолиньеръ. Цсъ! — пререстаньте!

Зефиръ (показывая на Сюзетту). Я замѣчаю, что супруга ваша всегда весела, очень весела... и прекрасно, когда вы счастливы.

(*Сюзетта показываетъ знакъ согласія, что она имѣетъ добраго мужа, который ее очень любитъ и она его также, — она протлгиваетъ къ нему руку и объясняетъ, что очень довольна*).

Элоиза. Да, точно, у нея предобрый мужъ и она ни въ чемъ не имѣетъ недостатка.

(*Сюзетта показываетъ: ни въ чемъ, кромъ дара слова*).

Зефиръ. Ахъ, да! кромъ возможности говорить, — а это стоитъ чего пибудь. (*Обратясь къ Элоизѣ*). Не такъ ли, сударыня?

Элоиза. О да, конечно.

Пастолиньеръ. Тогда какъ у нея прекрасный слухъ, когда она не проронитъ ни одного словечка, сказаннаго ей, — а сама должна отвѣчать, только движеніемъ рукъ и глазокъ своихъ!

Но смотря на глазки эти,
Можно, право, полагать,
Что всѣ женщины на свѣтѣ
Для того лишь, чтобъ молчать;
Еслижъ милая сестрица
Разговаривать начнетъ,
То и въ лицахъ небываца
Ей къ лицу всегда идетъ.

Элоиза. Какіе пустяки.

Зефиръ. И какъ подумаю, что это моя вина, что еслибъ не проклятые выстрѣлы, то этого бы не было, — я себѣ никогда не прощу. *(Вытираетъ слезы).*

Пастолиньеръ. Ну, полно, полно, — развѣ говорятъ тебѣ о томъ, — успокойся.

(Сюзетта показываетъ, что не помнитъ ничего и простили его; — треплетъ его по щекамъ и заставляетъ взглянуть на нее съ улыбкою).

Элоиза. Ея правда, не огорчайтесь. Ну, скажите же, которыя комнаты дадите вы намъ?

Зефиръ. Комнаты... намъ нужно двѣ?

Пастолиньеръ. Три.

Зефиръ. Двѣ.

Пастолиньеръ. Три.

(Сюзетта показываетъ, что нужно одну для Пастолиньера, другую для Элоизы и третью для нея).

Зефиръ. А! такъ, три. *(Въ сторону).* Мнѣ кажется, что мужъ съ женой...

Элоиза. И такъ посмотримъ ихъ.

Зефиръ. У меня есть двѣ рядомъ: № 6-й и 8, а третьей нѣтъ.

(Сюзетта осматривается во кругъ себя и показываетъ, что эта самая для нея будетъ хороша).

Элоиза. Въ самомъ дѣлѣ, она здѣсь можетъ помѣститься.

Зефиръ. Если вамъ угодно. Но я назначилъ ее для одной молодой особы...

Пастолиньеръ. Назначилъ? Но если эта комната полнѣ тѣхъ другихъ.

Зефиръ. Хорошо, хорошо, — да и что же; вѣдь эта дѣвица не капитанъ же мой, — да и у меня тамъ, наверху, есть еще комнатка.

(Сюзетта дѣлаетъ знакъ, что она тутъ останется).

Пастолиньеръ. Да, это будетъ спальня моея Сюзетты.

Зефиръ (показывая на дверь, съ правой стороны). Здѣсь будетъ туалетная и булуаръ, постель послапа, все готово; но теперь, капитанъ, позвольте васъ спросить, какая причина заставила васъ пріѣхать сюда, — развѣ вы въ отставку?

Пастолиньеръ. Поди ты! — мнѣ нѣтъ никакой надобности оставлять службу; я живу себѣ по прежнему въ моея Монтаржи, который славится чистотою нравовъ.

Зефиръ. И породю собакъ.

Пастолиньеръ. Я взял отпускъ, мой милый, — ты можешь понять, что надо было имѣть важную причину, чтобы повѣрить другому мой телеграфъ.

Зефиръ. Нѣтъ, не могу понять; вы мнѣ ничего не сказали.

Пастолиньеръ. Да, точно не сказалъ. Вотъ видишь: послѣ плачевнаго случая, лишившаго жену мою пріятвѣйшей способности, я искалъ помощи у всѣхъ докторовъ въ Монтаржи и совѣтовался письменно съ цѣлою толпою другихъ, чтобы возвратить употребленіе языка моея Сюзетты.

Зефиръ. И чтожъ они сдѣлали?

(Сюзетта показываетъ, что они сами не знаютъ въ томъ толку).

Элоиза. Да, они поболтали на свою долю и всѣ тутъ.

Пастолиньеръ. Наконецъ я отчаялся совсѣмъ; какъ вдругъ въ журналахъ объявляютъ о пріѣздѣ въ этотъ городъ знаменитаго Германскаго меллика.

Элоиза. Великаго гомеопата...

Зефиръ. Ахъ, Боже мой, доктора Вагнера?

Пастолиньеръ. Да, точно его.

Зефиръ (въ восхищеніи). Ахъ, капитанъ, ахъ суларини!

Элоиза. Что такое?

Зефиръ. Какъ я радъ!

(Сюзетта съ удивленіемъ смотритъ на него).

Пастолиньеръ. Что это значить?

Зефиръ. Этотъ искусный докторъ, надежда ваша, исправитель моей погрѣшности...

Всъ. Ну, чтожь?

Зефиръ. Онъ здѣсь, здѣсь, подь руками, въ моей гостиницѣ.

Пастолиньеръ. Возможно ли?

Элоиза. Какое счастье!

(Сюзетта изъясняетъ радость).

Зефиръ. погодите, я побѣгу; — онъ былъ въ Префектурѣ, и если возвратился, то я его сыщу.

(Бѣжитъ къ дверямъ).

Пастолиньеръ. Да, да, поскорѣе!

Элоиза. Проси, чтобъ онъ сюда пришелъ.

(*Зефиръ уходитъ, Сюзетта прыгаетъ, хлопаетъ въ ладоши, танцуетъ отъ радости, что будетъ говорить*).

Элоиза. Да, да, ты будешь говорить! Ахъ, какъ я рада.

(Сюзетта показываетъ, что не будетъ ли ей это досадно).

Пастолиньеръ. Безъ сомнѣнія; — тогда будетъ рѣже ваша очередь, кухня.

Зефиръ (отворивъ дверь). Сюда; пожалуйста, г. докторъ.

Пастолиньеръ. Онъ идетъ.

Зефиръ. Я встрѣтилъ его. (Въ дверь). Сюда, сюда, г. докторъ.

(Сюзетта не можетъ устоять и бѣжитъ въ глубину театра).

Элоиза. Побѣжимъ на встречу къ благодѣтелю человечества.

Пастолиньеръ. Почтенному старцу.

Зефиръ. Вотъ онъ, вотъ онъ.

(Докторъ входитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ВАГНЕРЪ.

Вагнеръ. Кто имѣеть надобность во мнѣ?

Элоиза. Да онъ совсѣмъ не старъ.

(Сюзетта присѣдаетъ).

Зефиръ. Вотъ мой капитанъ, который хочетъ имѣть честь...

Вагнеръ. Вы, сударь?

Пастолиньеръ. Пастолиньеръ, инспекторъ телеграфа въ Монтаржи... я очень счастливъ, встрѣтивши такого превосходнаго, отличнаго, искуснаго доктора и... наконецъ... я имѣю честь кланяться...

Вагнеръ (показывая на Зефира). Онъ мнѣ сказалъ, что я приглашенъ къ одной особѣ...

Пастолиньеръ. Дѣйствительно такъ...

Элоиза. Вотъ она.

Вагнеръ (смотря на Сюзетту). Ахъ, такъ молода, такъ прекрасна и не можетъ отвѣчать на привѣтствія ей слышныя, что, вѣроятно, случается часто.

(Сюзетта смотритъ на него съ улыбкою и благодаритъ).

Вагнеръ. Ахъ, она слышитъ?

Пастолиньеръ. И даже превосходно.

Вагнеръ (Элоизѣ). Бѣдняжка, какую потерю сдѣлала она.

Элоиза. О комъ вы говорите, докторъ?

Зефиръ. Ей должно быть очень затруднительно.

Пастолиньеръ. И безпокойно! — Признаюсь это не завидное положеніе!

Зефиръ. И причиною-то случай, — то есть, ружейный выстрѣлъ...

(Сюзетта становится между ними и топаетъ ногою).

Вагнеръ. Молчи! (Сюзеттѣ). Потрудитесь вы мнѣ изъяснить... я понимаю ваши взгляды и жесты... какимъ образомъ приключилось вамъ это несчастье

Элоиза (съ живостію). Съ удовольствіемъ, сударь.

Пастолиньеръ (также). Это было въ четвергъ, въ одиннадцать часовъ...

Элоиза. И десять минутъ утра... мы вышли изъ дому...

Вагнеръ (остановивъ ихъ). Позвольте, позвольте... извините... мнѣ надо вникнуть въ разговоръ этихъ прекрасныхъ глазъ... мнѣ бы хотѣлось узнать все отъ нея самой. *(Сюзеттѣ).* Я слушаю, или лучше сказать, я смотрю. *(Докторъ садится. Сюзетта становится по срединѣ сцены).* Въ какомъ состояніи было ваше сердце?

(Музыка).

(Сюзетта изъясняетъ, что прежде чѣмъ перестала говорить, она любила, и прикладываетъ руку къ сердцу). Ахъ! Вы любили?

(Сюзетта изъясняетъ, что она любила заочно, одного молодого человѣка который умеръ. Вагнеръ, обратясь къ Пастолиньеру). Онъ умеръ? *(Пастолиньеръ дѣлаетъ утвердительный знакъ. Сюзетта изъясняетъ, что неожиданно къ нимъ пріѣхала прекрасной и любезной молодой иеловкѣ).* Какъ, молодой человѣкъ?

Элоиза. То есть она думала, она вообразила, что прибывшій молодой человѣкъ, былъ онъ. *(Вагнеръ показываетъ знаки нетерпѣнія).*

Пастолиньеръ (перевивъ ее). Молчите, сестрица!

Вагнеръ (Сюзеттѣ). Вы говорите, что этотъ вновь прибывшій васъ полюбилъ?

(Сюзетта объясняетъ, что она отвергла любовь его и онъ удалялся; — но вдругъ ей подали письмо).

Пастолиньеръ. Да, письмо отъ другаго.

Элоиза. Которымъ увѣдомляли ослу...

(Вагнеръ показываетъ знаки нетерпѣнія).

Пастолиньеръ (перевивъ ее). Да перестаньте, кухня!

Вагнеръ (Сюзеттѣ). Въ немъ увѣдомляли васъ о смерти?

(Сюзетта показываетъ, что Зефиръ, одѣтый въ мундиръ, со шпагою и въ эполетахъ, дѣлаетъ экзерциціи и выстрѣлилъ. Музыка военнал).

Элоиза (показывая на Зефира). Вотъ онъ самъ несчастный... который выстр...

(Нетерпѣніе Вагнера).

Пастолиньеръ (съ ипсомъ). Кухня!

Элоиза (съ досадою). Не дадутъ слова выговорить. *(Отходитъ и садится).*

Вагнеръ (Сюзеттѣ). Ну, а послѣ выстрѣла?

(Сюзетта показываетъ ужасъ, объясняетъ, что хотѣла говорить, но не было возможности... она сдѣлалась нѣма и упала въ обморокъ).

Зефиръ. Конецъ и больше ничего!

Вагнеръ. А сколько времени она въ этомъ положеніи?

Пастолиньеръ (припоминая). Около...

Элоиза (вскрикиваетъ). Шесть мѣсяцовъ и четыре дни.

Вагнеръ. Шесть мѣсяцовъ... точно какъ дѣвица Вандель, которая...

Пастолиньеръ. Какъ, что такое?

Вагнеръ. Не нужно ли вашей интелесной больной отдать какихъ нибудь приказаній?

Пастолиньеръ. Да, да, въ самомъ дѣлѣ, Сюзетта, распорядись въ нашихъ комнатахъ.

Элоиза. А Зефиръ тебя проводить.

(Сюзетта говоритъ пантомимами: «А! вы мени высылаете; у васъ тайны, это не хорошо!» Уходитъ съ позволеннымъ гримасой).

Зефиръ (въ сторону). Я побьюсь о пяти франкахъ, что меня высылають.

Вагнеръ. Подите, дитя мое, и не безпокойтесь!

(*Сюзетта съ живостію возвращается, съ нѣжностію жметъ у доктора руку и уходитъ. Зефиръ слѣдуетъ за нею.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Пастолиньберъ, Вагнеръ, Элоиза, потомъ Сюзетта.

Пастолиньберъ. И такъ, скажите, докторъ, есть ли хоть сколько нибудь надежды?

Вагнеръ. Есть, и очень много.

Элоиза. Если вы ее вылечите, весь полъ нашъ будетъ васъ благословлять.

Пастолиньберъ. Такъ вы, докторъ, думаете?...

Вагнеръ. Да, я думаю, что я уже примѣнялъ къ этому случаю гомеопатическую систему: уничтоженіе подобнаго подобнымъ.

Элоиза. Право?

Вагнеръ. Болѣзнь ея произошла отъ сильнаго ужаса и волненія, еслибы теперь случился другой ужасъ, другое волненіе, они послужили бы ей лекарствомъ.

Пастолиньберъ. Позвольте, — я васъ поцѣляю... другой ужасъ... хорошо; я постараюсь объ этомъ, — я велю выстрѣлить изъ трехъ ружей подлѣ самыхъ ушей Сюзетты.

Вагнеръ. Этимъ можете причинить ей падающую болѣзнь и свести ее съ ума.

Элоиза. Ахъ, Боже мой!

Пастолиньберъ. Въ такомъ случаѣ примемся за другіе способы.

Вагнеръ. Да, намъ нужно совсѣмъ другаго рода волненіе, такое, которое

возвратило способность говорить дѣвицѣ Вандель.

Элоиза. Вандель! А кто она?

Вагнеръ. Молодая вѣточка, которая отъ сильнаго испуга, во время пожара, овѣмвала.

Пастолиньберъ. Такъ, такъ, — пожаръ и выстрѣлъ, это довольно близко.

Элоиза. Это похоже...

Вагнеръ. Моя молодая соотечественница этимъ очень огорчилась.

Элоиза. Я думаю... Боже! Еслибъ мнѣ пришлось быть въ подобномъ состояніи.

Пастолиньберъ (*Элоизѣ*). Вы пессимны, душа моя! (*Вагнеру*). Такъ нельзя вамъ ее слѣдять...

Вагнеръ, (*показывая на Элоизу*). Нѣ мою? Хорошо. (*Продолжая разсказъ*) Моя соотечественница обрекла себя уединенію безъ надежды на выздоровленіе; по она была молода, прекрасна и богата, — многіе просили ея руки, а я приговѣтовалъ, даже приказалъ ускорить ея свадьбу, — ее отпраздновали и она на другой день стала говорить.

Элоиза. Гмъ... она стала говорить...

Пастолиньберъ. Она стала говорить... Поученія мера и благословеніе пастора излечили ее.

Вагнеръ. Совсѣмъ нѣтъ.

Пастолиньберъ и Элоиза. Да чтожъ такое?

Вагнеръ. Любовь.

Пастолиньберъ. Любовь?

Вагнеръ. Да, конечно, — живое впечатлѣніе послужило ей въ пользу; но для этого надо любить и быть любимой, что и было съ дѣвицею Вандель. И такъ, совѣтъ и даже приказаніе мое, любезный другъ, состоитъ въ томъ, что вашу дочь надо выдать замужъ.

Пастолиньберъ (*пораженный*). Выдать за мужъ? Мою дочь?...

Элоиза. Выдать за другаго?

Вагнеръ. Вѣрво вы сами пойдете, что она ведетъ жизнь скучную, монотонную, безъ волненія, безъ страстей.

Пастолиньеръ. Но... милостивый государь...

Вагнеръ. Вашу дочь непременно надо выдать замужъ.

(*Сюзетта показывается*).

Элоиза. Тихе... она нястъ...

Пастолиньеръ (*Сюзеттѣ*). Полн.— выдь, душенька... еще на минуточку.

(*Сюзетта, показавъ, что и такъ прошло много времени, уходитъ*).

Вагнеръ. Да, сударь, ее надо выдать замужъ.

Пастолиньеръ. Но, милостивый государь... по...

Элоиза. Вы сами разсудите: вѣдь...

Пастолиньеръ (*перебивъ Элоизу*).

Ахъ, перестаньте!

Элоиза (*Пастолиньеру*). Да скажите же ему.

Пастолиньеръ. Да перестаньте же.

Вагнеръ. Я подтверждаю, что надо...

Пастолиньеръ (*съ живостію*). Да это невозможно.

Вагнеръ. Да отъ чегожь? Она молода, прекрасна.

Элоиза. Невозможно.

Вагнеръ. Да ей могутъ представиться двадцать партій.

Пастолиньеръ. Невозможно.

Вагнеръ. Но, сударь...

Пастолиньеръ. Я, сударь, не знаю вашихъ пѣмецкихъ правилъ и объявляю вамъ: то, что вы предлагаете мнѣ, безнравственно въ самой послѣдней степени и я не хочу больше о томъ слышать.

Элоиза. И мы не хотимъ больше о томъ слышать.

ПАСТОЛИНЬЕРЪ И ЭЛОИЗА.

Кончимъ наши разсужденія, Видно—такъ ужъ ей и быть.

ВАГНЕРЪ.

Ей есть способъ излеченія.

ПАСТОЛИНЬЕРЪ И ЭЛОИЗА.

Мы не можемъ имъ лечитъ. Ужъ нельзя ли насъ уволить, Лучше будетъ пусть пѣма, Но нельзя никакъ позволить Вамъ свести меня съ ума.

ВАГНЕРЪ.

Не могу я васъ пѣволитъ, Пусть останется пѣма.

(*Въ сторону, показывая на Пастолиньера*)

Пусть себѣ и онъ изволитъ Оставаться безъ ума.

(*Вагнеръ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЭЛОИЗА И ПАСТОЛИНЬЕРЪ.

Пастолиньеръ (*раздраженный, бѣгаетъ взадъ и впередъ*). Мою дочь... выдать замужъ... замужъ...

Элоиза. Да, это неприлично; — если я когда нибудь онемѣю, то вѣрно не у него буду лечиться.

Пастолиньеръ (*убьѣжавъ въ глубину сцены*). Но она за мужемъ... дочь... какъ это мило?

Элоиза. Да, точно, она за мужемъ. (*Остановясь и размышляя*). Постоите на минуту.

Пастолиньеръ. Какъ на минуту?

Элоиза. Я не скажу, чтобъ онъ былъ совершенно правъ, но, можетъ быть, и не совсѣмъ виноватъ.

Пастолиньеръ. Какъ такъ?

Элоиза. Я такъ думаю... послушайте...

Пастолиньеръ. Говорите, что такое?

Элоиза. Конечно, супружество ваше самое спокойное, пріятное; вы лю-

бите жену свою съ отеческою въжно-
стію.

Пастолиньеръ. Прекрасно!

Элоиза. Но при всемъ томъ, жизнь
Сюзетты довольно монотонна.

Пастолиньеръ. Какъ монотонна?

Элоиза. Нѣтъ ни страстей, ни волне-
ній, ни сильныхъ ощущеній.

Пастолиньеръ. Сильныхъ ощущеній?
Какъ будто всемъ нужны сильныя ощу-
щенія?

Элоиза. По крайней мѣрѣ, страсть.

Пастолиньеръ. Элоиза! (въ сильномъ
волненіи). И такъ, если Сюзетта когда
нибудь начнетъ говорить, это будетъ
значить, что она полюбила другаго.

Элоиза. Ахъ, братецъ!

(Сюзетта входитъ со свѣчю въ
рукъ, и не будучи видима, слушаетъ
конецъ разговора).

Пастолиньеръ. И я буду несчастнѣй-
шій человекъ въ свѣтѣ.

Элоиза. Ахъ, нѣтъ; когда такъ, то
ужъ пусть лучше останется она нѣмой.

(Движеніе Сюзетты).

Пастолиньеръ. Да ужъ пусть лучше
останется...

(Сюзетта быстро подходитъ къ
ней).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Сюзетта, потомъ Зефиръ.

Элоиза (Пастолиньеру). Молчите.
(Сюзетта переходитъ отъ одного къ
другой. «Какъ?... я останусь нѣмой?
Развѣ докторъ ничего не приказалъ,
или онъ не имѣетъ вовсе надежды?»)

Элоиза. Докторъ дуракъ.

Пастолиньеръ. Невѣжда.

Зефиръ. Какъ, г. Вагнеръ?

(Сюзетта въ отчаяніи бросается въ
кресла).

Элоиза. Она совсѣмъ потеряла на-
дежду.

Пастолиньеръ. Это разрываетъ мое
сердце, Сюзетта!

(Сюзетта дѣлаетъ ему знакъ уйдти
прочъ и оставитъ ее одну съ пѣнью.
Слышенъ шумъ бури и громъ).

Зефиръ. Вотъ свѣча, судары! Одна-
кожъ, будьте осторожны, выходя отсю-
да; сильный дождь, вѣтеръ и громъ.

Элоиза. Какая ужасная погода! (Сю-
зеттъ). Прощай, душенька, запри хо-
рошенько твои двери.

Зефиръ. Въ нихъ есть и замокъ.

*Пастолиньеръ (оставшись со свѣчю
въ рукъ впереди сцены, въ сторону).*
Я бы хотѣлъ опять сюда притти... (Улы-
бался). Неожиданность и ужась... не-
пременно приду.

Элоиза. Ну чтожъ, пойдете ли вы?

Пастолиньеръ. Сейчасъ, сейчасъ.
(Сюзеттъ). Прощай, душа моя! (тихо).
До свиданья! (Сюзетта смотритъ на
него). До свиданья! (Уходитъ).

*Зефиръ (припустя ихъ впередъ,
идетъ за ними).* Покойной ночи, г-жа
Пастолиньеръ. О Господи! какая буря!
(Свѣча остается на столѣ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Сюзетта одна.

(Она провожаетъ мужа своего гла-
зами, не понимая его; дѣлаетъ головою
прощальный знакъ Зефиру, встаетъ,
печально осматривается вокругъ себя:
«Ну вотъ я опять одна... всегда одна!»
Утираетъ слезы и молится. Слышны
порывы бури; она боится, съ нею
нѣтъ никого, кто бы ободрилъ ее; она
вздыхаетъ, запираетъ дверь, идетъ къ

постели, открываетъ занавѣсъ, потомъ подходитъ къ столу и начинаетъ раздѣваться, снимаетъ кофты и поясъ, слышитъ шумъ у окна, беретъ свѣчу и поворачивается; въ это время громъ гремитъ, окно со стукомъ отворяется и Эдуардъ влѣзаетъ въ него; свѣча падаетъ изъ рукъ Сюзетты и гаснетъ, прежде, чѣмъ она и Эдуардъ могли узнать другъ друга. Совершенно темно).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Эдуардъ и Сюзетта.

Эдуардъ (въ пополоса). Это я... я самъ... Не бойся ничего. (Сюзетта прилетѣла за столъ). Я былъ у твоего окна, я хотѣлъ уважить твое запрещение... но погода ужасная!... ты вѣрно не въ состояніи будешь лишиться пристанища бѣднаго влюбленнаго человѣка. (Сюзетта, пораженная вслѣдъ, что слышитъ, отбѣгаетъ прочь). Да гдѣ же ты? (Ищетъ ее оцупью и находитъ дверь. Сюзетта держитъ предъ собою руку и онъ ее схватываетъ). А, я тебя поймалъ! (Сюзетта старается отъ него вырваться). Какъ ты дрожишь, бѣдняжка! (Она старается, чтобъ онъ ее услышалъ). Что ты говоришь?... Нѣтъ, ты ничего не говоришь!... Чтожь это значить? Прежде ты безпреставно говорила... (Она хочетъ укусить, онъ ее удерживаетъ). Да останься же... (Она вырывается и перебѣгаетъ на другую сторону). Сердце мое хранило образъ твой всегда и вездѣ, по вѣлымъ дорогамъ Франціи и Бельгіи. (Прислушивается). Все то же молчаніе! Ты убѣгаетъ меня... вѣрно, у меня есть соперникъ, котораго ты предпочитаешь... или хочешь предать меня во власть отчаянія... ты хочешь, чтобъ я умеръ... (Пораженная его голосомъ, она едва переводитъ дыханіе и почти вѣкъ себя). Я вижу, сударыня, что мнѣ нѣтъ болѣе надежды!... Если любовь моя вамъ непріятна, если вы хотите, чтобъ я удалился, то ска-

жите одно слово... одно только слово!.. (Прислушивается). Опять ничего... Но какъ же можно такъ молчать... Во всякомъ случаѣ, ты не уйдешь отъ меня, по крайности позволишь поцаловать свою ручку. (Цалуетъ у ней руку. Сильное волненіе Сюзетты). Эту бѣлинькую ручку, которая писала ко мнѣ такія нѣжности. (При сихъ словахъ, она поворачиваетъ Эдуарда къ окну, которое отворяетъ, молнія блещетъ и освѣщаетъ его). Кларива!

Сюзетта (вскрикнувъ съ усиленіемъ). Оскаръ!... Оскаръ!... оставь меня!... (Падаетъ на колына).

Эдуардъ. Ахъ, Боже мой! Кого я вижу!... Нѣтъ, это сонъ!... Сюзетта... сударыня!...

(Сюзетта, трепеща отъ радости и ужаса, все еще на колынахъ). Это я! это я!...

Эдуардъ. Но гдѣ же я?... Боже, какой шумъ!..

Элоиза (стуча въ дверь снаружи). Сюзетта! Сюзетта!...

Эдуардъ. Стучать въ эту дверь... сюда идутъ, куда бѣгать? (подходитъ къ окну). Снаружи полъ окномъ паролъ. (Прилетѣла въ кабинетъ на право).

ЯВЛЕНІЕ X.

Сюзетта и Элоиза.

Элоиза. Что это за крикъ я здѣсь слышала?

Сюзетта (все еще на колынахъ). Это мой крикъ... мой!...

Элоиза (удивясь). Что я слышу?

Сюзетта (съ чувствомъ). Боже! благодарю тебя!.. я говорю... снова говорю...

Элоиза. Ахъ! она говоритъ!... Какъ это ты?...

Сюзетта (съ живостію встаетъ). Да, де правда ли? это я... это мой со-

лось!... Ты слышишь его, ты повимаешь его? Онъ возвратился, я болѣе не овѣмью... Никогда! Нѣтъ, это не сонъ... Нѣтъ!

Ахъ, говорю опять я снова!
Теперь опять мнѣ жизнь мила!
Я прыгать, нѣтъ, плясать готова!
Ахъ, какъ я рада, весела!
И сердце бьется въ восхищеньи
И кровь кипитъ, я вса горю!
Но это сладко мнѣ волнение!
Я говорю! я говорю!

Теперь есть способъ выраженья,
Есть средство мнѣ понятной быть,
Мои всѣ чувства, мысли, мненья
Могу со всеми раздѣлить!
Быть откровенною могу я!
Творца за жизнь благодарю!
Да—я живу, я существую!
Я говорю и говорю.

Элоиза. И точно такъ, какъ прежде.

Сюзетта (бѣгая съ одной стороны на другую). Какъ прежде... Я говорю все... да, все... Элоиза! милая кузина.

Элоиза. Да, послушай...

Сюзетта (съ большою живостію). А мой мужъ! пойдемъ же къ нему... гдѣ мой мужъ? (Прислал и хлопая въ ладоши). Мой мужъ!... Ахъ, какое счастье! Я задыхаюсь отъ радости... Я сойду съ ума!...

Элоиза. Хорошо... хорошо... мнѣ даже нѣтъ времени выговорить слова.

Сюзетта. Ужъ не будутъ называть меня бѣдною нѣмою... Ужъ не будутъ сожалѣть обо мнѣ.

Элоиза. Но скажи мнѣ, что за причина...

Сюзетта. Причина? ахъ, да... правда... я не сказала тебѣ... какъ все это сдѣлалось... причина та, что я... что я очень счастлива...

Элоиза. Хорошо... Но все таки какъ же?

Сюзетта (съ большою живостію и безъ всякаго труда). Вотъ видишь, я была здѣсь... одна... вдругъ внезапный

громовой ударъ... окно съ шумомъ отворилось и молодой человекъ...

Элоиза. Ахъ, Боже мой!

Сюзетта. Да... молодой человекъ бросается ко мнѣ... свѣча падаетъ, гаснетъ и я не вижу ничего.

Элоиза. Бѣдный Пастолницьеръ!...

Сюзетта (также). Я испугалась, хотѣла бѣжать... Невозможно!... Онъ держитъ меня, я не могла ни кричать, ни защищаться...

Элоиза. Ай, ай, ай!...

Сюзетта. Вдругъ голосъ его поражаетъ меня, молнія блескитъ и я узнаю его!... Ахъ!... Въ это время я не знаю, что сдѣлалось со мной!... Ужась... неожиданность... Молодой человекъ, бывший у насъ въ день моей свадьбы! упоминавше объ Оскарѣ... который не существуетъ болѣе... но котораго я видѣла... я думала впасть въ живыхъ!... все это соединилось въ неслыханное усиленіе... я вскрикнула и сказала... я не знаю, не помню, что сказала но я говорила... говорила...

Элоиза. Но этотъ безумецъ?...

Сюзетта. Ты вошла въ дверь, а онъ ушелъ въ окно.

Элоиза. Ну, слава Богу, что ничего болѣе не случилось...

Сюзетта. Ахъ, пойдемъ, пообщимъ къ моему мужу; надо все ему рассказать...

Элоиза. Ахъ, какъ можно, берегись!..

Сюзетта. Какъ, для чего?

Элоиза. Нужно сообщить ему это съ осторожностью, съ осмотрительностью, да мы еще успѣемъ...

Сюзетта. Успѣемъ... но для чего же?

Зезфиръ (снаружи). Я отвѣчаю, что этого не можетъ быть.

Сюзетта. Голосъ Зезфира.

Элоиза (удерживая ее). Молчи, ни слова при немъ.

Сюзетта (смотря на нее съ недоумьніемъ). Ахъ!...

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ И ЗЕФИРЪ.

Зефиръ (за дверью). Но доказательства.... (войдя) я побьюсь о пяти франкахъ, что здѣсь никого нѣтъ.

Сюзетта (въ полумлоса). Гмъ?

Элоиза (удерживая се). Тсъ! (Громко). Безъ сомнѣнія, но что тамъ такое?

Зефиръ. Я говорю, что непростительно клеветать на мой трактиръ... чистый и незапятнанный ничѣмъ... домъ извѣстный всему Шалову, по своей правдивости, непорочности и прочности оконъ.

Элоиза (все удерживая *Сюзетту*, которая безпрестанно хочетъ говорить). Еслибъ ты говорилъ яснѣе.... я бы поняла, можетъ быть.

Зефиръ. Какъ? Вы не понимаете, что нѣмецкій лекарь утверждаетъ, да еще при всѣхъ: будто онъ, отворивъ окно... увидѣлъ, что кто-то лезъ въ эту комнату.... (показывая на окно). Отсюда.

Сюзетта. Боже!...

Элоиза (удерживая ее). Гмъ.... (въ сторону). Вся кровь моя застыла.

Зефиръ. Этотъ слухъ распространится.... бѣдный капитанъ!...

Элоиза. Онъ будетъ очень огорченъ.

Сюзетта (тихо *Элоизѣ*). Онъ повѣрить....

Зефиръ (уходя). Но вотъ... не онъ ли крадется сюда... (уходитъ).

Сюзетта. Мой мужъ!

Элоиза. Ахъ, Боже мой! (*Сюзеттѣ*). Молчи.

Сюзетта. О, нѣтъ, я не хочу удерживаться болѣе.... и если онъ придетъ, то я сейчасъ заговорю....

Элоиза. Напротивъ... Ахъ! прекрасная мысль!

Сюзетта. Какая?

Элоиза. Я хочу ему присовѣтовать...

Сюзетта. И онъ не придетъ?

Элоиза. Придетъ, только иначе.... (показывая на альковъ) и мы спасены! (Она дѣлаетъ знаки *Пастолъьеру*, чтобы онъ не входилъ и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

СЮЗЕТТА, ПОТОМЪ ЭДУАРДЪ.

Сюзетта. Они ушли... я осталась одна... одна, и не съ кѣмъ говорить!

Эдуардъ (въ дверяхъ). Наконецъ, они ушли.

Сюзетта. Да, это во сто разъ хуже прежняго... и если продолжится.... (Оборачивается и видитъ *Эдуарда*). Боже!...

Эдуардъ. Ахъ, не бойтесь ничего!

Сюзетта. Что вы дѣлаете тамъ? я думала...

Эдуардъ. Если бы я ушелъ, то могъ казаться виноватымъ... но отсюда я слышалъ все, я понялъ ваше молчаніе и всю мою вину.

Сюзетта. Ахъ, уйдите, сударь, уйдите!

Эдуардъ. Уйти? и не получа вашего прошенія.

Сюзетта. Я прошоаю васъ!... Если ваше первое неблагоразуміе было причиною моего несчастія, то второе — излечило меня... и я говорю!... этимъ я обязана тоже вамъ и не позабуду этаго никогда!...

Эдуардъ. Также какъ и я сохранилъ въ душѣ моей пріятное воспоминаніе.... послушъ первой нашей встрѣчи.

Сюзетта. Ни слова болѣе.... подумайте; если васъ увидятъ, то присут-

ствие ваше можетъ повредить счастью, которое вы мнѣ возвратили.

Эдуардъ. Ахъ, сударыни! (разбиваютъ стекло съ улицы).

Сюзетта. Ахъ, Боже мой! идуть!...

Эдуардъ. И чрезъ балкошъ.... (*Пастолиньеръ показывается*).

Сюзетта. Мой мужъ!...

Эдуардъ. Я поймашъ.... (*Прячется въ альковъ*).

Сюзетта. Я пропала.

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Сюзетта, Пастолиньеръ, Эдуардъ, (въ альковѣ).

Пастолиньеръ (взвывая въ окно, оступается и чуть не падаетъ). Сюзетта, это я!.. я подвергался опасности упасть... (*Сюзетта стоитъ предъ альковомъ и смотритъ на мужа съ безпокойствомъ*). Гмъ... какъ она смотритъ на меня!... Да, да, сонъ Элоизы очень хорошъ, такъ гораздо страшнѣе.. ужаснѣе.. она возмущена... она божена!...

Сюзетта (въ сторону). Ахъ, Боже мой! Мужъ мой увидалъ его!

Пастолиньеръ. Ты дрожишь... трепещешь...

Сюзетта (Эдуарду). Спрячьтесь, сударь!

Пастолиньеръ. Это сильныя ощущенія... тѣмъ лучше... тѣмъ лучше... хорошо... хорошо!... (*Приближается къ Сюзеттѣ*). Сюзетта!...

Сюзетта (съ ужасомъ). «Ахъ!»

Пастолиньеръ (съ восторгомъ). Она выговорила... сказала... Ахъ!...

Эдуардъ (въ альковѣ). Что мнѣ дѣлать...

Сюзетта (падая на руки Пастолиньера). Ахъ, другъ мой!

Пастолиньеръ (держитъ ее). Сюзетта, приди въ себя... Приди въ объятія твоего мужа... ошь тебя любить... ошь счастливъ... ошь возвратишь тебѣ даръ слова! Элоиза! Зефиръ! Весь ломъ... Ступайте всѣ сюда!

Элоиза (вбѣжавъ). Что тамъ такое?

Зефиръ (также). Что такое?

Пастолиньеръ. Да подите же сюда... Она говоритъ, она говоритъ!...

Ваиеръ (входя въ дверь). Г. Пастолиньеръ...

Зефиръ (бѣжитъ къ нему на встрѣчу). Ахъ, не входите.

Пастолиньеръ. Это докторъ!

Ваиеръ (отталкивал Зефира). Я вамъ говорю, что я войду... Что за чортъ...

Зефиръ. Но, сударь...

Пастолиньеръ (подводил Ваиера на авансцену). Любезный докторъ! Ахъ, какъ я радъ васъ видѣть.

(*Элоиза подходитъ къ Сюзеттѣ, которал ей тихо обо всемъ пересказываетъ*).

Ваиеръ. Извините, милостивый государь, если я васъ безпокою... Но для вашей же пользы, я позволяю себѣ вамъ сказать, присоветовать, выдать за мужъ вашу дочь.

Пастолиньеръ. Ахъ!... да... да... это было ваше приказаніе.

Ваиеръ. Я его ни сколько не перемѣню... напротивъ... докторъ есть другъ, повѣренный и я пришелъ присоветовать вамъ... между нами (*пошизивъ голосъ*) поспѣшить свадьбою.

Пастолиньеръ. Вы находите, потому что...

Ваиеръ (также). Потому что ваша дочь любить кого-то...

Элоиза (ставши между Пастолиньеромъ и Ваиеромъ). Ахъ, я понимаю; г. докторъ хочетъ сказать, что онъ

видѣлъ кого-то, влѣзавшаго черезъ бал-
конь... въ окно, въ эту комнату...

Вагнеръ. Я не смѣю посяпять.

Пастолиньеръ (*хохочетъ изъ всей си-
лы*). Ха, ха, ха, такъ и есть... это былъ
любовникъ!...

Вагнеръ. Но чтожь это значить.. я
боюсь...

Пастолиньеръ. Любовникъ, которой
возвратилъ ей способность говорить. Ха,
ха, ха, ха!

Вагнеръ. Что, сударь?

Пастолиньеръ. Въмъ она говоритъ, док-
торъ! Не правда ли, Сюзетта, вѣдь ты го-
воришь, ангелочикъ мой?

Сюзетта (*дрожая*). Да; г. докторъ!
(*въ сторону*). Ахъ, Боже мой!

Зефиръ. Вотъ тебѣ па!... вѣмая-то...

Вагнеръ. Я не понимаю.. этотъ лю-
бовникъ...

Пастолиньеръ. Былъ — мужъ!

Вагнеръ. Мужъ?...

Пастолиньеръ. Вашъ покорнѣйшій
слуга... отъ всего моего сердца!...

Вагнеръ. Возможно ли? Но я все не
могу постигнуть...

Зефиръ (*подошедъ къ окну*). Очень
легко попать... войдя въ окно...

Пастолиньеръ. Я спасъ мой третій
номеръ. (*Сюзеттъ*). Завтра ты мнѣ

прочтешь журналъ... ну счастлива ли
ты?

Сюзетта. Ахъ, очень счастлива! я го-
ворю!...

(*Эдуардъ выставляетъ голову, Эло-
иза подходитъ къ алькову и даетъ ему
знакъ видѣти; Эдуардъ выбѣгаетъ въ дверь
и на шумъ затворенной двери, всѣ обо-
рачиваются*).

Сюзетта (*съ ужасомъ*). Боже!
Всѣ. Что такое?

Элоиза и Сюзетта. Ничего.

Вагнеръ и Пастолиньеръ.

Мы пьмой своей хотимъ
Дать возможность говорить;
Но вполнѣ ли въ томъ успѣли,
Остается вамъ рѣшить.

Элоиза и Сюзетта.

У насъ случай какъ и въ свѣтъ
Все былъ долженъ довершить,
Но помогъ ли онъ Сюзеттѣ?
Остается вамъ рѣшить.

В с ѣ.

Вась, прися о снѣсхожденн,
Въ заключеннѣ намъ поемъ,
Что намъ важно вамъ мнѣне,
Страшенъ нашъ сухой пріемъ!
Если здѣсь не скучно было,
Стоитъ только намъ пелать,
Чтобъ Сюзетта говорила...
Иль опять ей опивтъ?

НОВЫЯ КНИГИ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. ПОЛЯКОВА,

Въ Гостиномъ Дворѣ, по Сукошюй Линіи, № 17, поступила въ продажу:

КРАТКАЯ СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ. Ветхаго и Новаго Завета, изданная Андреевского собора священникомъ Воспліемъ Полянскимъ, и посвященная Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Изданіе третіе исправленное и дополненное. С.-П.-Б. 1842. Ц. 30 коп. серебромъ.

О ВЫСЛУШИВАНІИ ГРУДИ, для распознаванія болѣзней легкихъ и сердца. С.-П.-Б. 1842. Ц. 50 коп. сереб.

ДОЧЬ КУПЦА ЖОЛОВОВА. Романъ извлеченный изъ Иркутскихъ преданій. Соч. И. Калашникова, въ 4 част. Изданіе третіе исправленное. С.-П.-Б. 1842. Ц. 2 руб. сереб.

ФИЗИОЛОГИЯ ВЛЮБЛЕННАГО. Съ 82 виньетками. П. Фурмана. С.-П.-Б. 1842. Ц. 1 р. сереб.

НАСЛѢДСТВО КОМЕДИАНТА, или республика, Имперія и возстановленіе. Романъ Польдекока. Въ 2 частяхъ. С.-П.-Б. 1842. Ц. 2 руб. серебромъ.

ТОСКАНА и РИМЪ, въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. М. Пужула. Перев. съ франц. В. В. С.-П.-Б. 1842. Ц. за 2 части 2 р. сер.

ЖИЗНЬ СВЯТАГО ІОАННА МИЛОСТИВАГО. Патріарха Александрійскаго, съ 6-ю картин. М. 1842. Ц. 50 коп. сер.

ЖИТІЕ ВЕЛИКАГО УГОДНИКА БОЖІЯ и СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА. Архіепископа Мирликійскаго, съ изображеніемъ Святителя и чудесъ его. М. 1842. Ц. 60 коп. сер.

ПОДРОБНЫЙ ПРАКТИЧЕСКІЙ СПОСОБЪ, приготвленія компостовъ или искусственныхъ навозовъ. С.-П.-Б. 1842. Ц. 50 к. сер.

Иностранныя особы благоволятъ адресоваться какъ за сими, такъ и за другими книгами, журналами и газетами, издаваемыми на 1843 годъ, и публикуемыми прочими издателями и книгопродавцами, на имя Василья Петрова Полякова со всею благонадежностію.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ КНИЖКИ.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

1. **МАРІЯ ДЕ ПАДИЛЬЯ**, драма въ пяти дѣйствіяхъ, (подражаніе Испанскому). соч. *И. Каменскаго*.

II. ИСТОРИЯ ТЕАТРА.

1. **ДАТСКІЙ ПОЭТЪ АДАМЪ ЭЛЕНШЛЕГЕРЪ**, биографическій очеркъ, *Ө. Кони*.

III. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ:

1. **ГАЛИ. ПОВѢСТЬ** *А. Никитина*.

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ:

1. **ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ МІРЬ**. *И. Грскова*.
2. **ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ІХ ДУМЫ О ПОКОРЕНІИ СИБИРИ**. *А. Давыдова*.

V. КАЛЕЙДОСКОПЪ:

1. **ПОДМАСТЕРЬЕ ХЛѢВНИКА**.
2. **ПРЕДСТАВЛЕНІЕ АРИСТОФАНСВОЙ КОМЕДИИ: ОБЛАКО**.
3. **ЖИВОЙ МЕРТВЕЦЪ**.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. **№ 10-й ТЕКУЩАГО РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ**, въ которомъ находится:
 1. **СЮЗЕТТА**, комедія-пастышь въ двухъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго, *И. Филимонова*.
 2. **ПОРТРЕТЪ ЭЛЕНШЛЕГЕРА**.

Печатать позволяется, 27 августа, 1843 гг. Цензоры: *И. Корсаковъ*.
и *А. Никитенко*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДНА И КОМ.